

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО И МОРСКОГО ДУХОВЕНСТВА.

ГОДЪ
ИЗДАНІЯ № 7-8. 1-15 АПРѢЛЯ. 1915 г.
XXVI.

Мст. Фармакобскаго 1912.

СОДЕРЖАНІЕ № 7—8.

Часть официальная: Награды по вѣдомству военного и морского духовенства. — Приказъ по вѣдомству Протопресвитера военного и морского духовенства. — Отъ Духовнаго Правленія при о. Протопресвитерѣ. — Пожертвованія. — **Часть неофициальная:** Посѣщеніе Свеаборгскаго Александро-Невскаго собора ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ 25-го февраля 1915 года. Протоіерей *В. Ягодинъ*. — Разгромъ православныхъ храмовъ нѣмцами. — Черты военно-пастырскаго служенія по житію преподобнаго Сергія Радонежскаго. Свящ. *Георгій Ястремскій*. — Посѣщеніе о. Протопресвитеромъ арміи. — Какъ мы встрѣчали и проводили праздникъ Рождества Христова. Свящ. *Василій Ермоловичъ*. — „Иорданъ“ на передовыхъ позиціяхъ *Владимиръ Гукъ*. — Съ войны. Герей *Захарія Кромскій*. — Матеріалы для исторіи флотскаго духовенства при Петрѣ I. — „Подъ выстрѣлами тяжелыхъ орудій“. Свящ. *П. Масловъ*. — Говѣніе на позиціяхъ. Свящ. *Василій Сукачевъ*. — Молебень на позиціяхъ. Свящ. *П. Масловъ*. — Изъ періодической печати.

При этомъ №-рѣ разсылаются „**Воскресные листки**“ №№ 13—16, для обязательныхъ подписчиковъ по 25 экз. каждаго, а для прочихъ—по 1 экз. бесплатно.

Частная подписка на „*Вѣстникъ*“ и „*Воскресные Листки*“ (съ розничною продажею послѣднихъ) принимается въ магазинъ религіозно-просвѣтительнаго общества (Петроградъ, Стремянная, 20. Тел. 94-89).

Изъ Редакціи можно выписывать „*Вѣстникъ*“ за 1904—1910 гг. по 3 руб. и за 1911—1914 гг.—по 5 руб. за годъ, и слѣдующія изданія о. Протопресвитера **Г. I. Шавельскаго**:

- 1) *Евангеліе и жизнь. „Постъ и Молитва“*—25 к.,
- 2) *„Отъ Христова до Духова дня“*—10 к.,
- 3) *„Служеніе священника на войнѣ“* съ иллюстр.—25 к.,
- 4) *„За Вѣру, Царя и Отечество“*—5 к.
- и 5) *Опытъ каталога книгъ военно-церковныхъ библиотекъ.*

Выпускъ I. Для чтенія г.г. офицеровъ—25 к.

Въ книжномъ складѣ Общества Религіозно-Нравственнаго Просвѣщенія (Петроградъ, Стремянная улица, № 20)

и въ книжномъ магазинѣ **ТУЗОВА**

(Петрогр., Гостин. дв., № 45)

продаются слѣдующія изданія **Прот. А. Смирнова**:

- 1) Мессіанскія ожиданія и вѣрованія іудеевъ около временъ Иисуса Христа; ц. 3 р.
- 2) Курсъ исторіи религій; ц. 2 р. 50 к.
- 3) Заѣты двѣнадцати патріарховъ (введеніе и русскій переводъ съ греческаго); ц. 2 р.
- 4) Достоевскій и Ницше; ц. 35 к.
- 5) Будущность христіанства; ц. 35 к.
- 6) Нагорная проповѣдь I Христа, 1-й вып., ц. 60 к.
- 7) Самоубійство и христіанскій взглядъ на жизнь; ц. 25 к.
- 8) Исторія флотскаго духовенства; вып. I (царствованіе Петра I); ц. 60 к.

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО И МОРСКОГО ДУХОВЕНСТВА.

Цѣна годового изданія, выходящаго 1 и 15 числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2 печатныхъ листовъ, 5 р. съ дост. и пересылкою.
За страницу объявленій—15 р., 1/2 стр.—10 р. и 1/4 стр.—5 р. (на обложкѣ по соглашенію).
Адресъ редакціи журнала: Петроградъ, Воскресенскій пр., д. № 18.
Адресъ о. редактора: *Сергіевская ул., д. № 25, кв. 8.*
Телефонъ 201—40.

№ 7—8.

1—15 апрѣля 1915 г.

XXVI г.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

Награды по вѣдомству Военнаго и Морского духовенства.

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, въ 28-й день Октября минувшаго года, благоугодно было ВЫСОЧАЙШЕ соизволить на награжденіе прикомандированнаго къ Штабу Верховнаго Главнокомандующаго, для исполненія обязанностей Секретаря при Протопресвитерѣ военнаго и морского духовенства, Столоначальника Управленія Протопресвитера Коллежскаго Секретаря Ексакустодіана **Махароблидзе** орденомъ Св. Станислава 3-й степени.

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, въ 25-й день Января сего года, благоугодно было произвести прикомандированнаго къ Штабу Верховнаго Главнокомандующаго, для исполненія обязанностей Секретаря при Протопресвитерѣ военнаго и морского духовенства, Столоначальника Управленія Протопресвитера, Титулярнаго Совѣтника Ексакустодіана **Махароблидзе**, за отличіе по службѣ, въ Коллежскіе Ассесоры.

Ко дню Св. Пасхи награждены за отлично-усердную пастырскую службу священники: Колпинской Троицкой церкви Вячеславъ **Исполотовъ**, Кронштадтскаго крѣпостнаго Владимірскаго собора Александръ **Новоденскій** и церкви при Чесменскомъ Инвалидномъ Домѣ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I Іоаннъ **Поповъ**—скуфьею, священники: Петроградской Троицкой Гаваньской церкви Димитрій **Архангельскій** и прикомандированный къ Св. Троицкому Л. Гв. Измайловскаго полка собору Хрисанфъ **Григоровичъ**—набедренникомъ.

Священникъ церкви 2-го Лейбъ-Гусарскаго Павлоградскаго полка награжденъ скуфьею, съ приуроченіемъ сего награжденія ко дню предстоящей Св. Пасхи.

Приказъ по вѣдомству Протопресвитера Военнаго и Морского духовенства.

(По полевой Канцеляріи Протопресвитера).

28 февраля 1915 года № 2. Пеаломщикъ церкви 23-й Артиллерійской бригады Евгений **Ильинскій** увольняется, съ 20-го іюля 1914 г., отъ службы по военно-духовному вѣдомству.

Распоряженіе о замѣщеніи означенной вакансіи будетъ сдѣлано дополнительно.

Выздоровѣвшій протоіерей 106-го пѣхотнаго Уфимскаго полка Василій **Нименскій** назначается на свободную вакансію священника при Ивангородской крѣпостной церкви.

Исполнявшій пастырскія обязанности въ 29-мъ полевомъ подвижномъ госпиталѣ, нынѣ первый лазаретъ 8-й пѣхотной дивизіи, іеромонахъ **Вассіанъ** назначается въ 25-й полевой запасный госпиталь; въ названномъ лазаретѣ оставляется священникъ Филимонъ **Черняевъ**.

Священники 5-го Сибирскаго стрѣлковаго полка Николай **Новскій** и 103-го полевого запаснаго госпиталя Викторъ **Крупскій**, для пользы службы, перемѣщаются одинъ на мѣсто другого.

Нештатный діаконъ церкви Петроградскаго Морского Артиллерійскаго полигона Михаилъ **Тихомировъ**, за переходомъ въ епархіальное вѣдомство, увольняется, съ 20-го сего февраля, отъ службы по военно-духовному вѣдомству. Къ церкви названнаго полигона прикомандировывается, на время войны, діаконъ Морского Николаевскаго Собора въ Портѣ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III Петръ **Стороженко**.

Находящійся въ прикомандированіи къ 18-му драгунскому Сѣверскому полку Настоятель Батумскаго крѣпостнаго собора, протоіерей Исмаиль **Островскій** откомандировывается къ названному собору, а прикомандированному къ сему собору священнику 18-го драгунскаго Сѣверскаго полка Михаилу **Понятскому** отправиться въ означенный полкъ.

Священники 159-го пѣхотнаго Гурійскаго полка Николай **Дубняковъ** и Двинскихъ военныхъ госпиталей Владиміръ **Балтага** перемѣщаются одинъ на мѣсто другого.

№ 24. 28 февраля 1915 года. Объявленнымъ въ приказѣ по Морскому вѣдомству 1914 года № 177 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнымъ Положеніемъ о Штабѣ Командующаго морскими силами предусматрѣна должность флагманскаго благочиннаго.

Флагманскимъ благочиннымъ при Штабѣ Командующаго Черноморскимъ Флотомъ назначается Настоятель Севастопольскаго Адмиралтейскаго Собора, протоіерей Романъ **Медвѣдъ**.

Благочиннаго при Штабѣ Командующаго Балтійскимъ Флотомъ штатнаго судового священника крейсера „Богатырь“ Александра **Щег-**

лова впредь именовать флагманскимъ благочиннымъ при Штабѣ Командующаго Балтійскимъ флотомъ.

Прикомандированный къ церкви Л.-Гв. Егерскаго полка діаконъ **Николай Георгіевскій**, за переходомъ на службу въ епархіальное вѣдомство, исключается изъ списковъ военнаго духовенства съ 6-го сего февраля.

Прикомандированный къ Церкви Царскосельскаго военнаго госпиталя священникъ **Александръ Герасимовъ** утверждается въ штатной должности священника названнаго госпиталя.

Распоряженіе о замѣщеніи вакансіи псаломщика при означенномъ госпиталѣ будетъ сдѣлано дополнительно.

Священники: 16-го Финляндскаго стрѣлковаго полка **Антоній Никифоровскій** и 129-го полевого запаснаго госпиталя **Николай Гриденюкъ** перемѣщаются одинъ на мѣсто другого.

Священнику 13-й Артиллерійской бригады **Игнатію Брянцеву** немедленно отправиться въ названную бригаду и вступить въ отправленіе служебныхъ обязанностей.

О чемъ объявляю къ немедленному исполненію кого касается.

Подписаль: Протопресвитеръ *Г. Шавельскій*

Отъ духовнаго Правленія при о. Протопресвитерѣ.

I. Разрѣшенный опредѣленіями Св. Синода, отъ 13 апрѣля 1891 г. за № 15 и 28 апрѣля 1900 года за № 1675, сборъ пожертвованій въ пользу ИМПЕРАТОРСКАГО Россійскаго Общества спасенія на водахъ въ текущемъ 1915 году имѣеть быть произведенъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ церквахъ столичныхъ и приморскихъ городовъ (кроме церквей домовыхъ, тюремныхъ и госпитальныхъ) за богослуженіями 9 Мая. Собранныя пожертвованія должны быть представлены въ Духовное Правленіе для отсылки по назначенію.

II. Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 24 и 26 февраля 1915 г. за № 1428, опубликованнымъ въ № 10 Церковныхъ Вѣдомостей за тотъ же годъ, постановлено: продлить на пять лѣтъ, начиная съ 1915 г., церковный сборъ на устройство церквей въ переселенческихъ приходяхъ, съ производствомъ сего сбора въ дни Святой Троицы и Покрова Пресвятой Богородицы.

III. Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 8—25 Октября 1914 г. за № 9246, (напеч. въ № 45 Перк. Вѣд. за 1914 годъ) поручено было епархіальнымъ начальствамъ сдѣлать распоряженіе, чтобы со стороны духовенства приняты были мѣры къ осуществленію удостоившихся ВЫСОЧАЙШАГО одобренія предположеній Александровскаго Комитета о раненыхъ, направленныхъ къ увѣковѣченію памяти воиновъ, павшихъ

въ настоящую европейскую войну, и состоящихъ въ устройствѣ братскихъ кладбищъ для погребенія жертвъ настоящей войны и въ сооруженіи въ церквахъ досокъ съ начертаніемъ именъ павшихъ воиновъ. Въ настоящее время Военный Министръ, предсѣдатель Александровскаго Комитета о раненыхъ, въ письмѣ на имя г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 9 Января 1915 года за № 547, сообщая, что многія городскія учрежденія и общественныя лица уже увѣдомили Комитетъ объ отводѣ участковъ земли для братскихъ кладбищъ и объ устройствѣ послѣднихъ, но о дѣятельности духовенства, какъ по устройству братскихъ кладбищъ, такъ и по установкѣ въ церквахъ досокъ съ начертаніемъ именъ павшихъ воиновъ, въ Александровскомъ Комитетѣ свѣдѣній пока не имѣется, просить о распоряженіи, чтобы епархіальныя начальства періодически увѣдомляли Александровскій Комитетъ о раненыхъ какъ объ открытіи братскихъ кладбищъ, такъ и о случаяхъ установки въ церквахъ досокъ съ начертаніемъ именъ павшихъ воиновъ. Обсудивъ изложенное, Святѣйшій Синодъ постановилъ: въ дополненіе къ ранѣ сдѣланному, по опредѣленію отъ 8—25 Октября 1914 года за № 9246 (Церк. Вѣд. № 45 за прошлый годъ), распоряженію Свят. Синода относительно мѣропріятій къ увѣковѣченію памяти воиновъ, павшихъ въ настоящую великую войну, поручить Синодальнымъ Конторамъ, епархіальнымъ Преосвященнымъ, завѣдывающему придворнымъ духовенствомъ и Протопресвитеру военного и морского духовенства періодически сообщать въ Александровскій Комитетъ о раненыхъ объ открытіи братскихъ кладбищъ и о другихъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ указанной выше цѣли.

О чемъ и сообщается военному и морскому духовенству къ исполненію и для представленія О. Протопресвитеру означенныхъ выше свѣдѣній.

IV. По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: препровожденное изъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 20 февраля 1915 года за № 6033, отношеніе Управленія Верховнаго Начальника Санитарной и Эвакуаціонной части, отъ 18 того же февраля за № 3761, въ коемъ изъясняя, что, въ интересахъ санитарнаго благополучія войскъ и гражданскаго населенія Имперіи, необходима полная освѣдомленность о всѣхъ случаяхъ заразныхъ заболѣваній, почему Управленіемъ, согласно повелѣнію ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, Верховнаго Начальника Санитарной и Эвакуаціонной части, предложено губернаторамъ, градоначальникамъ и начальникамъ областей срочно сообщать Управленію подробныя свѣдѣнія о всѣхъ заразныхъ заболѣваніяхъ, наблюдающихся въ средѣ воинскихъ чиновъ и въ населеніи, — помянутое Управленіе просить сдѣлать распоряженіе, чтобы всѣми лечебными заведеніями, какъ находящимися при монастыряхъ, такъ и прочими, состоящими въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія, беспрепятственно сообщались свѣдѣнія о заразныхъ заболѣваніяхъ губернаторамъ, градоначальникамъ и начальникамъ областей, по формамъ и въ сроки, указанные послѣдними.

ПРИКАЗАЛИ: Выслушавъ настоящее отношеніе Управленія Верховнаго Начальника Санитарной и Эвакуаціонной части, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: предписать по духовному вѣдомству, чтобы всѣми лечебными заведеніями, какъ находящимися при монастыряхъ, такъ и прочими состоящими въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія, безпрепятственно и незамедлительно сообщались мѣстнымъ губернаторамъ, градоначальникамъ и начальникамъ областей по формамъ и въ сроки, указанные послѣдними, свѣдѣнія о всѣхъ случаяхъ заразныхъ заболѣваній въ означенныхъ заведеніяхъ; для исполненія сего опредѣленія послать циркулярные указы епархіальнымъ Преосвященнымъ, Синодальнымъ Конторамъ, Протопресвитеру военнаго и морскаго духовенства и Завѣдывающему придворнымъ духовенствомъ. Февраля 28 дня 1915 года.

Пожертвованія.

I. ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНЬ ИМПЕРАТРИЦЪ АЛЕКСАНДРЪ ѲЕОДОРОВНЪ благоугодно было пожертвовать N пѣхотной дивизіи походную церковь, которая 21 декабря 1914 года торжественно освящена и передана Ковельскому полку.

II. Г. Круже пожертвована въ N пѣхотную дивизію походная церковь, которая по освященіи передана Заславскому полку.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

Посѣщеніе Свеаборгскаго Александро-Невскаго Собора Государемъ Императоромъ 25-го февраля 1915 года.

День 25-го минувшаго февраля былъ однимъ изъ радостныхъ и счастливѣйшихъ дней для крѣпости Свеаборгъ. Въ этотъ день нашу твердыню изволили посѣтить Его Императорское Величество, Государь Императоръ. Когда получалась радостная вѣсть, что на дняхъ въ Свеаборгъ имѣеть прибыть Государь Императоръ, пульсъ крѣпостной жизни забился неимоვნю, и, уже наканунѣ прибытія Высокаго Посѣтителя, угрюмая и грозная твердыня приняла необычайно торжественный видъ. Эту картину дополнялъ собою великолѣпный военный Соборъ: мирно и величественно покоясь на несокрушимой скалѣ, онъ сіялъ радостью, готовый распахнуть свои двери для Высокаго Богомольца.

Но вотъ насталъ и радостный день. Погода была царская. Съ 10-ти часовъ утра, по пути царскаго слѣдованія, были выстроены шпалерами войска. Около 12-ти часовъ показался на заливѣ, со стороны морскихъ судовъ, Царскій автомобиль. Люди заволновались, Русское „Ура“ Державному Вождю вырвалось изъ молодецкихъ грудей защитниковъ Свеаборга и волною покатилося до самой крѣпости.

Въ 12-ть часовъ дня Государь Императоръ вступилъ на главную пристань. Принявъ почетный рапортъ отъ коменданта крѣпости, Его Величество изволили прослѣдовать въ Соборъ. На церковной паперти

Государь обнажилъ голову, осѣнилъ Себя крестнымъ знаменіемъ и вошелъ въ храмъ. Встрѣчавшее духовенство поклонилось Его Величеству, а о. настоятель осѣнилъ Государя св. крестомъ. Приложившись къ кресту и принявъ окропленіе св. водою, Государь Императоръ изволилъ пройти на правую сторону и пожелалъ узнать исторію Собора. О. настоятель приблизился къ Государю и, поклонившись, подробно доложилъ Его Величеству событіе бомбардировки крѣпости въ 1855 году соединенною англо-французскою эскадрою, когда вражескій снарядъ влетѣлъ въ двери Собора, при совершеніи Лигургіи, и разорвался въ храмѣ. Однимъ изъ осколковъ была ранена храмовая икона св. благовѣрнаго князя Александра Невского; молящіеся же, по дивному изволенію Божію, не испытали отъ осколковъ бомбы никакого вреда. Милостиво выслушавъ объясненіе о. настоятеля, Его Величество пожелалъ осмотрѣть икону. У подножія иконы, на привѣскѣ, имѣется осколокъ отъ снаряда. Его Величество изволилъ брать на руки этотъ осколокъ, сказавъ: „довольно порядочный“.

Пѣвчіе подъ управленіемъ псаломщика,—регента Е. А. Коломійцева, пѣли: „Спаси, Господи, люди Твоя“. Государь спросилъ о. настоятеля: „постоянный ли хоръ“?

„Ваше Императорское Величество! Хоръ изъ нижнихъ чиновъ постоянный“, отвѣтилъ о. настоятель.

— „Очень мягко поетъ“,—изволилъ милостиво сказать Государь. О. настоятель поклонился Его Величеству.

Сойдя съ амвона, Государь приблизился къ Свеаборгской чудотворной—Смоленской иконѣ Божіей Матери. О. настоятель доложилъ Его Императорскому Величеству, что, по Высочайшему повелѣнію, въ память бомбардированія Свеаборга въ 1855 году, ежегодно 28 іюля съ сею чудотворною иконою совершается крестный ходъ и церковное торжество съ пушечною пальбою. Государь перекрестился и облобызалъ св. икону. Послѣ сего о. Настоятель имѣлъ счастье предложить Его Величеству начертать Свое Имя въ особой книгѣ, заведенной для внесенія Именъ Высочайшихъ Особъ. Государь милостиво соизволилъ на просьбу Настоятеля и начерталъ: „Николай. 1915 г.“ Осчастливленный настоятель, со слезами радости, поблагодарилъ Его Императорское Величество. При выходѣ изъ Собора, Его Величеству былъ представленъ ветеранъ, защитникъ крѣпости въ 1855 году, Савелій Ивановичъ Ивановъ, 60 лѣтъ, живущій въ Свеаборгѣ. Государь изволилъ спросить Иванова: „помнишь ли онъ что изъ прошлаго, и въ какой части служилъ“?

— „Такъ точно, Ваше Императорское Величество, все помню; а служилъ я въ инженерномъ вѣдомствѣ, Ваше Императорское Величество, громко и отчетливо отвѣтилъ Савелій Ивановичъ.“

Изъ Собора Его Величество прошелъ на крѣпостной плацъ, гдѣ изволилъ обходить войска. Солнце освѣтило величественную картину Царскаго смотра и ярко блеснуло на щетинѣ штыковъ, когда войска взяли „на караулъ“. Лились звуки гимна и гремяло „ура“.

Въ 12-ть час. 35 мин. дня Государь отбылъ изъ крѣпости. Въ слѣдъ Ему вновь понеслось могучее „ура“, а волны колокольнаго звона покрывали его.

Отъѣзжая, Его Императорское Величество изволилъ высказать коменданту крѣпости генераль-лейтенанту Пашенко, что гарнизонъ крѣпости представился блестяще.

Слава Богу за все!

Протоіерей В. Ягодинъ.

Разгромъ православныхъ храмовъ нѣмцами.

Святотатственное отношеніе „культурной“ германской арміи къ православнымъ храмамъ стало обычнымъ явленіемъ. Къ сообщеніямъ, уже сдѣланнымъ въ печати, можно присоединить еще слѣдующіе два факта, официально засвидѣтельствованные.

I. Изъ представленнаго О. Протопресвитеру акта, отъ 26 Ноября 1914 года, объ осмотрѣ церкви драгунскаго Пековского полка, находящейся въ г. Суважкахъ, усматривается, что церковь оказалась въ полномъ разгромѣ и беспорядкѣ, а именно: 1) на св. престолѣ верхняя одежда почти сброшена на полъ, срачица изорвана, камни заброшены, кромѣ одного, валявшагося на полу алтаря, 2) на св. жертвенникѣ верхней одежды вовсе нѣтъ, нижняя чѣмъ то залита, 3) завѣса со св. вратъ сорвана и брошена на полъ, 4) епитрахили разорваны, другихъ облачений въ церкви вовсе не оказалось, 5) въ иконостасѣ иконы не тронуты, а въ кіотахъ и на аналояхъ почти всѣ вынуты и унесены, 6) шкафы, ризницы и кружки взломаны, бібліотека тоже, 7) на полу храма имѣются зловонныя пятна, а въ одномъ мѣстѣ кучка человѣческаго кала, 8) одна створка наружной двери сорвана съ петель, а выходящая изъ алтаря наружу дверь взломана.

II. Изъ представленнаго О. Протопресвитеру акта, отъ 14 Декабря 1914 г., объ осмотрѣ военной церкви въ г. Суважкахъ по Августовскому шоссе, усматривается, что двери въ церкви со стороны алтаря были не заперты и ключи нами были найдены въ храмѣ; на полу въ храмѣ было найдено нѣсколько обоевъ съ патронами, разбитыя ящики; тутъ же на полу лежали иконы и лампадки. Нѣкоторыя иконы были вынуты изъ кіотовъ и лежали на полу; кружки всѣ безъ исключенія были взломаны и ни въ одной изъ нихъ ничего не оказалось; лампадки въ большинствѣ разбиты. Каѳедры, гдѣ продавались свѣчи, взломаны, свѣчей и денегъ тамъ также не обнаружено за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣдныхъ негодныхъ монетъ и мѣстными (мелочью) одинъ рубль три коп. (1 р. 3 к.). Въ комнатахъ для храненія утвари разбросаны чайники, новыя иконы и лампадки. Ящики съ облаченіемъ и лампадками вскрыты, облаченія валялись на полу. Изъ цѣнныхъ вещей ничего въ церкви найдено не было.

Черты военно-пастырскаго служенія по житію преподобнаго Сергія Радонежскаго.

Во всей исторіи древней Руси нѣтъ другого событія, въ которомъ бы такъ ярко сказался отрядный союзъ служителей вѣры и воинской доблести, какъ славное событіе Куликовской битвы восьмого сентября тысяча триста восьмидесятаго года. Извѣстно, что великій князь московскій Дмитрій Іоанновичъ, прежде чѣмъ выступить въ походъ противъ татаръ, со своимъ двоюроднымъ братомъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, многими воеводами и отборной дружиной прибылъ въ Свято-Троицкій монастырь помолиться Господу Богу и принять напутственное благословеніе отъ преподобнаго игумена обители—Сергія.

Въ тихой обители Святыя Троицы сошлись представители двухъ совершенно различныхъ служеній, дѣятели брани и служители вѣры. Одни въ блестящихъ доспѣхахъ, въ латахъ и кольчугахъ, со шлемами,

щитами, копьями и мечами, явились во всеоружіи силы и могущества земного; другіе—въ убогой одеждѣ инока, въ ветхой схимѣ съ начертаннымъ на ней духовнымъ оружіемъ—знаменіемъ креста... „Ты уже знаешь, отче, какое великое горе сокрушаетъ меня, да и не меня одного, а вѣхъ православныхъ“, съ такими словами обратился Димитрій Іоанновичъ къ преподобному Сергію, и затѣмъ продолжалъ: „ордынскій князь Мамай двинулъ всю орду безбожныхъ татаръ, и вотъ они идутъ на мою отчину, на Русскую землю, разорять святыя церкви и губить христіанскій народъ. Помолись же, отче, чтобы Богъ избавилъ насъ отъ этой бѣды“!

Преподобный Сергій успокоилъ великаго князя надеждой на Бога. Въ то же время гонцы одинъ за другимъ привозили извѣстія о движеніи татаръ къ русскимъ предѣламъ; естественно, великій князь сѣѣшилъ въ обратный путь; тѣмъ не менѣе, по просьбѣ святаго игумена, онъ остался отслушать литургію.

Особымъ величіемъ отличалась эта служба церковная и молебное пѣніе о дарованіи побѣды. Умилительныя моленія къ Богу, въ Троицѣ славимому, и къ Пресвятой Богородицѣ торжественно оглашали скромный храмъ обители, святымъ эхомъ разносясь въ чуткой тиши окружающаго лѣса. Пѣлъ святой Сергій со всей братіей. Съ жаромъ искренней вѣры молился великій князь и его дружина.

Кончилось богослуженіе, и преподобный Сергій предложилъ великому князю раздѣлить съ братіей монастырскую трапезу. И когда великій князь согласился, то обрадованный игумень въ духѣ предвѣднія сказалъ ему: „Господь Богъ тебѣ помощникъ; еще не пристѣло время тебѣ самому носить вѣнецъ этой побѣды съ вѣчнымъ сномъ; но многимъ, безъ числа многимъ сотрудникамъ твоимъ плетутся вѣнцы мученическіе съ вѣчной памятыю“. По окончаніи трапезы преподобный Сергій окропилъ святою водою великаго князя, воеводу и дружину и затѣмъ имѣлъ такую бесѣду съ дорогимъ гостемъ.

„Тебѣ, господине княже, говорилъ онъ, слѣдуетъ заботиться и крѣпко стоять за своихъ подданныхъ, и душу свою положить, и кровь свою пролить, по образу Самого Христа, Который кровь Свою за насъ пролил. Но прежде, господине, пойдѣ къ нимъ съ правдой и покорностью, какъ слѣдуетъ по твоему положенію покаряться ордынскому царю. Вѣдь и Василій Великій уголилъ дарами нечестиваго царя Іуліана, и Господь призрѣлъ на смиреніе Василя, и низложилъ нечестиваго Іуліана. И писаніе учить насъ, что если такіе враги хотятъ отъ насъ чести и славы, дадимъ имъ; если хотятъ злата и сребра, дадимъ и это; но за имя Христово, за вѣру Православную, намъ подобаетъ душу свою положить и кровь свою пролить. И ты, господине, отдай имъ честь, и злато, и сребро, и Богъ не попуститъ имъ одолѣть насъ: Онъ вознесетъ тебя, видя твое смиреніе, и низложитъ ихъ непреклонную гордыню“.

— Все это я уже сдѣлалъ, отвѣчалъ преподобному Сергію великій князь, „но врагъ мой возносится еще болѣе“.

— „Если такъ“, сказалъ преподобный игумень, „то его ожидаетъ конечная гибель, а тебя, великій княже, помощь, милость и слава отъ Господа. Уповаемъ на Господа и на Пречистую Богородицу, что Они не оставятъ тебя“.

Трогательна была эта бесѣда, но еще трогательнѣе было послѣдовавшее за ней благословеніе великаго князя своимъ игуменомъ. Долупреклоненный, въ глубокомъ смиреніи, стоялъ князь Димитрій съ братомъ, воеводами и дружиной предъ преподобнымъ Сергіемъ, склонивъ

къ стопамъ его свое оружіе. Со всей силой вѣры и святаго упованія, воздѣвъ руки и взоръ къ небу, молился преподобный игумень, еще разъ прося Бога и Пречистую Богородицу послать помощь великому князю и его христіюливой рати; затѣмъ, осѣнивъ великаго князя святымъ крестомъ, преподобный Сергій воодушевленно произнесъ: „Иди, господине, небоязненно! Господь поможетъ тебѣ на безбожныхъ враговъ!“ А затѣмъ, понизивъ голосъ, сказалъ тихо одному великому князю: „побѣдиши враги твоя“...

Надо ли говорить, какъ благодать молитвы и этого святаго предсказанія живой струей влились въ сердце князя и его дружины. Радостно забилося сердце Димитрія: вѣдь онъ ясно слышалъ пророчесвенныя слова о близкой побѣдѣ.

Въ то время въ обители Святыя Троицы подвизались въ числѣ братіи два инока—боярина: Александръ Пересвѣтъ, бывшій бояринъ Брянскій, и Андрей Ослябя, бояринъ Любецкій; въ свое время, живя въ міру, они славились, какъ ратные витязи и могучіе богатыри. Желая имѣть какой-либо особый даръ въ благословеніе всему своему воинству, великій князь просилъ преподобнаго Сергія отпустить въ ратные полки этихъ витязей, какъ бы въ знакъ обѣщанной милости Божіей. „Дай мнѣ, отче,—сказалъ Димитрій Іоанновичъ преподобному Сергію,—на брань этихъ двухъ иноковъ. Вѣдомо мнѣ, что были они великіе ратники, крѣпкіе богатыри, смысленные въ военномъ дѣлѣ“. Преподобный Сергій велѣлъ инокамъ-богатырямъ идти съ великимъ княземъ на брань, и, взявъ схимы съ наперенными крестами, возложилъ имъ на головы. „Вотъ вамъ, дѣти мои, оружіе нетлѣнное“, сказалъ преподобный, „да будетъ оно вамъ вмѣсто шлемовъ и щитовъ бранныхъ!“ Поручая ихъ великому князю, святой Сергій сказалъ ему: „Вотъ тебѣ, возлюбленный княже, мои оруженосцы и послушники, а твои избранники“. И затѣмъ, снова обращаясь къ инокамъ—витязямъ, сказалъ: „Миръ вамъ, возлюбленные мои о Христѣ братія. Мужайтесь, яко добліи воины Христовы! пришло время вашей купли“. Въ заключеніе преподобный Сергій еще разъ благословилъ крестомъ и окрошилъ освященной водой великаго князя, своихъ иноковъ—витязей, всю дружину и сказалъ великому князю: „Господь Богъ да будетъ твой помощникъ и заступникъ: Онъ побѣдитъ и низложитъ супостатовъ твоихъ и прославитъ тебя“.

Въ дальнѣйшихъ событіяхъ труднаго похода святой Сергій все время былъ съ благословеннымъ имъ воинствомъ. Правда, тѣломъ онъ былъ въ обители, но прозорливымъ духомъ, благодатнымъ умомъ и полнымъ любви сердцемъ сопутствовалъ благовѣрному великому князю и всей христіюливой рати. Въ тяжелую минуту, когда русскія рати уже стояли на берегу Дона, когда отъ передовыхъ развѣздовъ стало извѣстно, что татары близко, у великаго князя и воеводъ было естественное колебаніе,—переходить ли Донъ? Вотъ въ это самое время святой Сергій духомъ провидѣлъ особую нужду еще разъ укрѣпить мужество великаго князя предъ битвой. Въ минуту колебанія великаго князя и его воеводъ, которое, кто знаетъ?—могло закончиться самымъ напр., неудачнымъ рѣшеніемъ—отступить, являются предъ русскимъ воинствомъ гонцы отъ преподобнаго Сергія. Инокъ Нектарій, посланный съ другими братіями, передаетъ великому князю отъ святаго игумена въ благословеніе Богородичную просфору и своеручную грамотку, въ которой великій подвижникъ ободрялъ его стоять до конца за начатое святое дѣло защиты вѣры Православной и отчины и уповать крѣпко на помощь Божію. Впрочемъ, все, что сохранила исторія отъ этой грамотки, это—

конецъ ея: „Чтобы ты, господине, таки пошелъ, писалъ преподобный Сергій великому князю, а поможетъ ти Богъ и Троица“.

Великій князь прочиталъ грамотку въ кругу воеводъ, вкусилъ отъ просфоры и въ чувствѣ молитвеннаго умиленія, воздѣвъ руки къ небу, громко произнесъ молитву изъ чина Панагіи: „Велико имя Пресвятыя Троицы! Пресвятая Госпоже Богородице, спаси насъ! Тоя молитвами, Христе Боже, и за молитвы святыхъ Чудотворцевъ Петра и Алексія и преподобнаго игумена Сергія, помогай намъ на сопротивныя силы и спаси насъ“!

„Быстро разнеслась по полкамъ вѣсть о посланцахъ Сергіевыхъ“, говоритъ одинъ прекрасный изслѣдователь житія и подвиговъ преподобнаго Сергія; „въ лицѣ ихъ великій печальникъ Русской земли какъ бы самъ посѣтилъ и благословилъ Русское воинство, и это посѣщеніе, въ такую важную и рѣшительную для всѣхъ минуту было сколько неожиданно, столько же и благовременно. Теперь и слабые духомъ воодушевились мужествомъ, и каждый воинъ, ободренный надеждою на молитвы великаго старца, безстрашно шелъ на битву, готовый положить душу свою за святую вѣру Православную, за своего князя любимаго, за дорогое свое отечество“ *).

Колебанію не оставалось болѣе мѣста въ душѣ Дмитрія, и онъ рѣшилъ переправу черезъ Донъ. На другой день произошла встрѣча съ татарами на полѣ Куликовомъ. Грянула битва, равной коей по значенію не было въ исторіи Руси. Призывая на помощь Бога словами псалма: „Богъ намъ прибѣжище и сила“, первымъ ринулся въ битву великій князь Дмитрій; съ такимъ же вѣрующимъ настроеніемъ ринулась за своимъ княземъ и вся его доблестная рать. Могущество вѣры и святого одушевленія создало величайшій подвигъ и его послѣдствіе.—славную побѣду. Слава побѣды Куликовской переживетъ вѣка родной исторіи и, какъ образецъ высокаго самоотверженія, какъ примѣръ благословеннаго, крѣпкаго вѣрой мужества, всегда будетъ свѣтить благородному сознанію благовѣрныхъ вождей и христіолюбивыхъ воиновъ пока жива Русь, какъ святая Русь.

Но, если вождямъ и воинамъ естественно остановиться мыслію на свѣтломъ обликѣ великаго князя Дмитрія и на примѣрѣ славнаго подвига этого героя-вождя понять все великое значеніе крѣпкой вѣры, какъ основы воинскаго мужества; то пастырямъ, служителямъ вѣры, естественно съ благоговѣніемъ остановиться на святомъ обликѣ, праведной жизни и величій подвиговъ преподобнаго Сергія, понять его благодатное участіе въ величайшемъ бранномъ событіи древней и новой Руси.

Святой Сергій явился въ этомъ событіи истиннымъ духовнымъ руководителемъ и вдохновителемъ древне-русскаго христіолюбиваго воинства. Поэтому, хотя преподобный подвижникъ славой своего служенія свѣтитъ трудамъ и начинаніямъ всѣхъ православныхъ пастырей вообще, но благодатное участіе его въ событіи битвы Куликовской особеннымъ свѣтломъ озаряетъ, прежде всего, служеніе военнаго пастырства. И это тѣмъ болѣе должно отмѣтить, что во всей исторіи древней Руси оно явилось единственнымъ извѣстнымъ примѣромъ столь близкаго, непосредственнаго общенія служителей вѣры съ христіолюбивымъ воинствомъ. Все время, отъ начала и до самаго конца великаго браннаго событія, преподобный Сергій являлся истиннымъ пастыремъ воинства — въ благословеніи великаго князя предъ походомъ, въ ободреніи Дмитрія и его ратей предъ

* „Житіе и подвиги преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія Радонежскаго“. С. іеромонаха (нынѣ архіепископа). Никона, 170 стр.

самымъ началомъ битвы и, наконецъ, — пастыремъ молитвенникомъ за успѣхъ и побѣду во время самой битвы.

Нѣтъ, разумѣется, особой важности въ томъ, что преподобный Сергій лично не сопутствовалъ великому князю и рати, такъ какъ кто же не знаетъ, что ему, великому избраннику Божию, дана была особенно великая благодать, прозорливымъ духомъ участвовать въ событіи и чудесно видѣть всё подробности борьбы христоролюбиваго воинства съ христонавистниками? Этотъ чудесный даръ дѣлалъ его какъ бы участникомъ битвы и такимъ же живымъ свидѣтелемъ ея, какъ если бы онъ находился на самомъ полѣ брани. Вѣдь преподобный игуменъ, духомъ провидя начало битвы, во все время ея продолженія молился съ братіей въ храмѣ обители, предстательствуя за великаго князя и его войско предъ Богомъ. Въ то время онъ ясно очами вѣры видѣлъ и въ молитвенномъ усердіи переживалъ всё перемѣны въ ходѣ битвы. И, какъ очевидецъ, повѣдалъ братія о важнѣйшихъ моментахъ великой борьбы. Больше того, преподобный Сергій видѣлъ даже смерть отдѣльныхъ витязей-воеводъ и воиновъ, возносилъ за нихъ заукойныя молитвы и, такимъ образомъ, — должно отмѣтить эту святую подробность, — и въ отношеніи павшихъ воиновъ-христіанъ онъ явился пастыремъ-молитвенникомъ, поминавшимъ предъ Богомъ имена воиновъ, „за вѣру, князя и родину на полѣ брани животъ свой положившихъ“. Наконецъ, тотъ же участливый образъ пастыря христоролюбивой рати во всей полнотѣ сказался въ лицѣ преподобнаго Сергія, когда прозрѣвъ духомъ конецъ битвы и одолѣніе враговъ — супостатовъ, онъ воспѣлъ съ братіей молебное благодареніе Богу за славную побѣду. Вотъ нѣсколько вдохновенныхъ строкъ поэта-христіанина, прекрасно изображающихъ истинно-пастырское молитвенное предстательство преподобнаго Сергія предъ Богомъ за христоролюбивую рать во время самой битвы ея съ татарами.

Битва кипитъ, а средь лѣса дремучаго,
 Въ нѣдрахъ песковъ и болотъ,
 Въ храмѣ убогомъ обители Троицкой
 Служба иная идетъ.
 Служба церковная, иноки въ сборищѣ,
 Сергій святой спереди
 Предъ врагами алтарными молится
 Съ вѣрой могучей въ груди.
 Молится долго и въ ясномъ видѣніи
 Окомъ духовнымъ своимъ
 Видитъ всю битву, весь бой представляется
 Словно во-очью предъ нимъ.
 Молится... вдругъ, осѣнясь крестнымъ знаменемъ,
 Имя порой возгласитъ
 Павшаго витязя, князя, боярина,
 Кто въ ярость боѣ убитъ.
 Провозгласитъ и грѣховъ отпущеніе
 Молить у Бога ему;
 Вѣчную память загробную иноки
 Провозглашаютъ тому.
 Молятся иноки. Ночь надвигается.
 Въ чащѣ лѣсной темнота.
 Но ни усталость, ни скорбь, ни томленіе
 Ихъ не смыкаютъ уста.

Сергій-игумень, склонившися до-земли,
 Вдругъ передь Господомъ ниць
 Паль со слезами, со стономъ молитвеннымъ,
 Съ пыломъ души безъ границъ
 Долго молился... затѣмъ въ умиленіи
 Руки онъ къ небу воздѣлъ
 И славословье побѣдное Господу
 Самъ громогласно запѣлъ.
 Дружно запѣли, охвачены радостью,
 Иноки-братья за нимъ,
 Чуя, что старецъ прозрѣлъ одолѣніе
 Духомъ блаженнымъ своимъ¹⁾.

Вообще говоря, всякій благочестивый изслѣдователь, съ должнымъ вниманіемъ и благоговѣніемъ вникая въ черты благодатнаго служенія преподобнаго Сергія духовному благу христіолюбивой рати, будетъ въ точномъ согласіи съ исторической правдой, если назоветъ его истиннымъ духовнымъ пастыремъ воинства древней Руси. Тѣмъ болѣе наименованіе это соотвѣтствуетъ духу подвиговъ преподобнаго Сергія, что по блаженномъ успеніи своемъ онъ не пересталъ пастырскимъ участіемъ помогать христіолюбивому воинству.

Вспомнимъ исторію его благодатныхъ явленій въ трудныя минуты осады Свято-Троицкаго монастыря, когда на эту обитель, созданную святыми трудами и неуспынными молитвами самого же преподобнаго Сергія, обитель, не только не поколебавшюся въ общемъ шатаніи и измѣнѣ вѣры и народности, но бывшую, казалось, послѣднимъ оплотомъ Руси, напали и держали въ шестнадцатимѣсячной осадѣ враждебныя полчища народа хотя и христіанскаго, но исполненнаго лютой ненависти къ Православію и русскому государству.

Въ то время благочестивые иноки—витязи не разъ удостаивались чуднаго видѣнія, въ которомъ святой Сергій являлся на стѣнахъ своей обители, какъ пастырь среди паствы, окропляя водой монастырскія твердыни, подавая инокамъ—воинамъ разныя указанія и одобреніе.

Въ духъ служенія преподобнаго Сергія на благо русскаго воинства, уже второй вѣкъ подвизается славный сонмъ служителей вѣры—пастырей православнаго російскаго воинства. По духу вѣры въ Бога и надежды на Его святую помощь это воинство преемственно тому славному воинству древней Руси, которое нѣкогда благословилъ преподобный Сергій. Но если такъ, то совершенно естественно, что и пастыри воинства подвигомъ своего священнаго служенія являются преемниками благодатнаго служенія великаго угодника Божія, преподобнаго Сергія Радонежскаго чудотворца, особенно, какъ оно выразилось въ событіи битвы Куликовской и славной оборонѣ Свято-Троицкой обители. И, если каждый изъ воинскихъ пастырей имѣетъ родникъ своего вдохновенія въ неизсякаемой глубинѣ Слова Божія, какъ служитель вѣры вообще, то, въ частности, въ особыхъ условіяхъ и чертахъ своего служенія на пользу религіознаго просвѣщенія и воспитанія войска, онъ имѣетъ для руководства великій и совершенно исключительный въ исторіи Руси примѣръ пастырскаго служенія преподобнаго Сергія православнымъ воинамъ.

Вотъ почему какъ святыню, какъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ свидѣтельствъ высоты и истины своего служенія, каждый военный русскій

¹⁾ А. А. Навроцкій „Сказанія Минувшаго“ стр. 150.

пастырь долженъ носить въ своемъ сердцѣ чудную повѣсть о великомъ подвигѣ преподобнаго Сергія. Правда, необычно великъ этотъ праведникъ, еще при жизни своей сподобившійся небесной милости отъ Бога и Его Пречистой Матери, какъ извѣстно, нарекшей его „своимъ избранникомъ“. Но высота небеснаго избранія и великая святость преподобнаго Сергія не должны смущать духъ обыкновеннаго пастыря, точно такъ же какъ и то, что святое пастырское служеніе великаго игумена всея Руси въ обстоятельствахъ бранныхъ событій совершилось въ столь необыкновенныхъ чертахъ пророческаго предсказанія и прозорливости.

Вотъ почему каждый пастырь воинства во всѣхъ священныхъ подробностяхъ долженъ усвоить духъ жизни и подвиговъ преподобнаго Сергія, дабы въ своемъ служеніи идти совершеннымъ путемъ, указаннымъ не обыкновеннымъ, хотя бы и высокимъ служеніемъ, но именно, великимъ и святымъ служеніемъ преподобнаго игумена Свято-Троицкой обители, какъ оно выразилось въ двухъ труднѣйшихъ бранныхъ испытаніяхъ, которыя пережила наша древняя родина, ограждаемая Богомъ, хранящая вѣрующей силой христіанскихъ ратей, вдохновленныхъ подлиннопастырскимъ участіемъ святого духовнаго вождя.

Чему же научаетъ преподобный Сергій пастырей воинства, или—какія тѣ черты, которыя они должны усвоить, съ благоговѣніемъ вникая въ духъ святой жизни и славныхъ подвиговъ великаго праведника?

Прежде всего пастырь воинства долженъ усвоить высокой духъ святости преподобнаго Сергія. Святость есть состояніе духа, чуждое грѣха и пороковъ, исполненное крѣпкой вѣры и совершенной любви къ Богу и ближнимъ. Духомъ святости долженъ отличаться каждый пастырь, памятуя, что она низводитъ благословеніе и милость Божию, какъ чистый и свѣтлый лучъ—солнечную теплоту.

Первое основаніе святости—крѣпкая вѣра въ Бога и Его святой Промыслъ. Ею всегда долженъ отличаться истинный пастырь особенно въ святые и трогательные моменты молитвъ христіанскаго воинства предъ боемъ и въ самыхъ обстоятельствахъ боя. Что можетъ быть искреннѣе и трогательнѣе молитвы христіанскаго воинства предъ сраженіемъ? Духовному взору война тогда открывается вся серьезная важность момента: впереди—трудный подвигъ и, быть можетъ, самая смерть, сзади, тамъ на родинѣ—любящее родство и нѣжная дружба, радости и утѣхи семьи, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ война—порывъ къ высокому подвигу во имя родины и ея святыхъ. Естественно, душа война тогда открыта для самой горячей вѣры въ Бога и надежды на Его всеильную помощь. Святая надежда окрыляетъ его упованіями на свѣтлое будущее въ сей жизни или въ блаженномъ безсмертіи, сообщаетъ ту бодрость духа, которая не оставляетъ христіанскаго война во всѣхъ трудахъ и лишеніяхъ и вмѣстѣ съ человѣческимъ искусствомъ создаетъ успѣхъ въ сраженіи,

Вдохновителемъ такой вѣры и святыхъ упованій въ душахъ воиновъ является пастырь, какъ духовный вождь ихъ. Какую великую вѣру и горячее вдохновеніе долженъ имѣть онъ, чтобы молитвой и пастырскимъ наставленіемъ согрѣть сердца тысячъ воиновъ, побудить ихъ биться въ совершенномъ согласіи ихъ съ своимъ сердцемъ, населить въ душахъ одно святое благоговѣніе къ величію предстоящаго подвига до смерти, подвига за други своя, сообщить волѣ воиновъ одно крѣпкое мужество, одно стремленіе и непоколебимую рѣшимость до конца исполнить святую идею своего служенія. Но и въ грозные моменты самаго боя онъ умомъ, всѣмъ духомъ, какъ нѣкогда преподобный Сергій, долженъ предстоять

Богу; въ минуты сраженія, когда какъ бы совершается страшный судъ дѣлъ и событій человѣческихъ, пастырь воинства, ободряя воиновъ, утѣшая раненыхъ, напутствуя умирающихъ, вознося моленія за умершихъ, все такъ же неустанно, какъ нѣкогда великій игумень Свято—Троицкій, долженъ горѣть огнемъ самаго высокаго молитвеннаго усердія за успѣхъ браннаго дѣла и спасеніе своихъ духовныхъ чадъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, пусть святымъ свѣтомъ свѣтитъ сознанию пастыря истина слова Самаго Спасителя: *вся возможна вѣрующему* (Марк. IX, 23), „*по вѣрѣ вашей да будетъ вамъ*“ (Мѡ. IX, 29), а затѣмъ живой примѣръ такой спасительной вѣры въ условіяхъ бранныхъ событій, какъ онъ явленъ свыше пяти вѣковъ назадъ въ пастырскомъ молитвенномъ предстательствѣ предъ Богомъ преподобнаго Сергія.

Но пастырь воинства—не только молитвенникъ, а и священный учитель, духовный наставникъ.

Его слово должно вытекать изъ того же благодатнаго родника вѣры и только тогда будетъ достигать глубины религіознаго сознанія и чувства воинства. Иначе, какъ стрѣла, спущенная нетвердой рукой съ тетивы слабо натянутого лука не въ состояніи достигнуть намѣченной цѣли, ударится и отскакиваетъ, отъпрепятствія, такъ и слово, не вытекающее изъ глубины живой вѣры, не достигнетъ души воина, не поразитъ грѣховную совѣсть, будетъ сказано вотще, не проникнувъ въ сознание и сердце слушателя.

Пастырь воинства особенно долженъ помнить, что во время военныхъ невзгодъ, въ минуты ожиданія неизвѣстнаго грознаго будущаго, сознаніе и чувство воиновъ бываютъ нерѣдко въ той же степени смятенія, какъ и робости, и прежде всего нуждаются въ ободреніи мужественнымъ и бодрымъ словомъ. Поэтому военный пастырь долженъ въ совершенствѣ владѣть словомъ,—этимъ единственно свойственнымъ его безкровному служенію оружіемъ. Изъ Священнаго Писанія ему должно быть вѣдомо, что оружіе это не менѣе дѣйственно, чѣмъ оружіе вещественное, такъ какъ „слово Божіе“ есть „мечъ духовный“ (Ефес. VI, 17) и даже „острѣе всякаго меча обоюдоостраго“... (Евр. IV, 12).

Пастырь воинства всегда долженъ помнить, что онъ—духовный вождь своей паствы, что слово его должно звучать со властію въ душахъ воиновъ, и въ созиданіи доблести духа должно быть дѣйственнѣе, чѣмъ всякое слово человѣческое военачальника. Если военачальникъ, совершенствуя воиновъ въ бранномъ искусствѣ, заботится объ одиночной выправкѣ и подготовкѣ бойцовъ и стройной внѣшности своей части, учитъ сложнымъ приемамъ внѣшнихъ построеній, даетъ оружіе и наставленіе, какъ лучше дѣйствовать имъ, чтобы поразить врага, то естественно и пастырь, какъ духовный вождь воинства, своимъ наставленіемъ воспитываетъ каждаго въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ воиновъ, созидаетъ высокій строй ихъ духа и вытекающую изъ него рѣшимость на все высокое, доброе и святое, стремленіе подвизаться, страдать и, если нужно, то и умереть за истину вѣры и за ближнихъ. Духъ такого мужества и самоотверженія пастырь сообщаетъ воинамъ силою своего слова и наставленія, имѣя источникъ для своего учительства въ Словѣ Божіемъ, особенно въ наивысшей заповѣди св. Евангелія: „Нѣтъ больше той любви, какъ если кто душу свою положить за друзей своихъ“ (Ев. Іоан. XIV, 13). Пусть вспомнитъ каждый пастырь, что такъ, именно, поучалъ нѣкогда великаго князя Димитрія, его дружину и иноковъ—витязей вѣрный слуга Христовъ преподобный Сергій. Его поученіе вождямъ и

воинамъ по строю мыслей и выраженій, отвѣчающихъ духу воинскаго служенія, должно быть примѣромъ военно—пастырской проповѣди.

Второе свойство, лучше сказать, основаніе святости—любовь къ Богу и ближнимъ. Истинная любовь всегда дѣятельна и предполагаетъ близкое общеніе любящаго съ любимымъ. Вотъ почему пастырь воинства духомъ долженъ быть съ своей паствой. А такъ какъ любовь по преимуществу познается въ бѣдствіяхъ и невзгодахъ жизни, то естественно, что истинная любовь приведетъ пастыря воинства на самое мѣсто брани.

Въ бранныхъ испытаніяхъ и опасностяхъ онъ станетъ во весь духовный ростъ и высоту своего пастырскаго служенія и, какъ духовный вождь, подастъ примѣръ подлиннаго мужества и безстрашія. Имѣя все то же единственно свойственное своему священному служенію духовное оружіе—слово, онъ ободритъ имъ мятущійся духъ воиновъ вѣрой въ Бога и надеждой на Его святой Промыслъ, примѣромъ вѣрующаго безстрашія сообщитъ спокойную увѣренность въ поведеніе робкихъ и колеблющихся защитниковъ родины. Въ этомъ случаѣ пусть предносится сознанію военнаго пастыря примѣръ одобренія преподобнымъ Сергіемъ великаго князя Дмитрія въ святой обители и на берегу Дона въ виду близкаго врага. Да и вообще говоря, во всякое время, будутъ ли то дни мира или войны, учить ли пастырь воинство вѣрѣ и мужеству, молится ли съ нимъ, благословляетъ ли на бранный подвигъ за родныхъ святыни, онъ мысленно чаще пусть представляетъ себѣ исключительно выразительный и святой примѣръ своего священнаго военно—пастырскаго служенія въ лицѣ преподобнаго Сергія.

Свящ. *Георгій Ястремскій.*

Посѣщеніе о. Протопресвитеромъ арміи.

(Корреспонденція изъ дѣйствующей арміи).

Дни, проведенные о. Протопресвитеромъ Г. І. Шавельскимъ на нашемъ фронтѣ, были особенными днями для нашей арміи. Въ эти нѣсколько дней съ 28 ноября по 3 декабря о. Протопресвитеръ посѣтилъ почти всѣ дивизіи, входящія въ составъ арміи, всюду совершая молебны и навѣщая раненыхъ въ госпиталяхъ. Если появленіе на позиціяхъ всякаго новаго, свѣжаго человѣка составляетъ цѣлое событіе, оживляя и поддерживая духъ солдатъ, то посѣщеніе войскъ о. Протопресвитеромъ, несомнѣнно, должно было оставить особенно сильное впечатлѣніе. Вы только представьте себѣ: вблизи окоповъ, подъ звуки артиллерійской канонады, соборомъ священниковъ во главѣ съ митрофорнымъ пастыремъ, спокойно совершается молебное пѣніе, слышится мощный протоіакопскій басъ... Нужно было слышать одушевленное пѣніе солдатскаго хора, нужно было видѣть растроганныя лица молящихся солдатъ, наблюдать напряженное вниманіе, съ которымъ они внимали слову высокаго проповѣдника, чтобъ понять, какъ глубоко должны были дѣйствовать на ихъ простыя вѣрующія души умиленные, не повторяющіяся картины этихъ священныхъ служеній.

О. Протопресвитеръ прибылъ въ штабъ арміи въ сопровожденіи о. протоіакона Власова. Побесѣдовавъ съ Командующимъ арміей и офицерами штаба, изъ которыхъ многие оказались не только знакомыми о. Протопресвитера, но и его духовными дѣтьми, Его Высокопреподобіе

посѣтили штабную церковь, устроенную въ мѣстной кирхѣ, и одинъ изъ расположенныхъ въ штабъ-квартирѣ госпиталей и въ тотъ же день отбылъ на передовыя позиціи, въ сопровожденіи священника штаба и протодіакона. Его невольными спутниками, которые, впрочемъ, благодарили судьбу за эту поѣздку, оказались два шофера автомобильной роты, добровольцы-студенты Петроградскихъ высшихъ учебныхъ заведеній— князь Ш. и Б.

Руководясь составленнымъ въ штабѣ арміи маршрутомъ, послѣ часовой ѣзды по великолѣпному шоссе, мы прибыли въ Л., довольно большой нѣмецкій городъ, сохранившій все признаки былого благоустройства: электрическое освѣщеніе, водопроводъ, канализацію. Но неоднократно переходя изъ рукъ въ руки, онъ теперь почти совершенно разрушенъ. Въ одномъ изъ расположенныхъ здѣсь госпиталей о. Протопресвитера ждала интересная встрѣча: онъ увидѣлся съ докторомъ Н. М. Ш., съ которымъ въ Японскую кампанію долгое время жить въ одной землянкѣ. Радости доктора и взаимнымъ воспоминаніямъ не было конца... Но нужно было торопиться въ дальнѣйшій путь. Обласкавъ больныхъ и раненыхъ, преподавъ наставленіе госпитальнымъ священникамъ, въ 4 часа о. Протопресвитеръ направился на ближайшія позиціи с-ской дивизіи. По пути, на очень непродолжительное время, онъ заѣхалъ въ штабъ корпуса благословить командира корпуса и офицеровъ штаба. Послѣ двухъ-часовой ѣзды, около шести часовъ вечера, мы прибыли въ штабъ дивизіи, гдѣ насъ уже поджидали чины штаба и дивизионный благочинный, предувѣдомленные о пріѣздѣ о. Протопресвитера телеграммой Командующаго арміи. Эту первую ночь, проведенную нами въ непосредственной близости отъ непріятельскихъ позицій, мы спали вполне спокойно, хотя усадьба, гдѣ расположенъ штабъ, находится въ сферѣ артиллерійскаго огня, такъ что снаряды не только тяжелыхъ орудій, но и полевыхъ пушекъ частенько перелетаютъ черезъ нее. Какъ разъ за два дня до нашего пріѣзда, нѣмцы шрапнельнымъ огнемъ подбили нашъ привязной шаръ, поднявшійся около штаба, къ счастью, благополучно для офицеровъ—наблюдателей. А наканунѣ нашего пріѣзда германскій летчикъ бросилъ съ аэроплана въ штабъ 2 бомбы (намъ показывали осколки ихъ), но также безъ всякаго для насъ вреда. Но въ эту ночь нѣмцы, словно изъ любезности къ рѣдкому гостю, совсемъ не тревожили нашихъ своей стрѣльбой. Нашъ гостеприимный хозяинъ, генераль Р., обрадованный пріѣздомъ о. Протопресвитера, именно такъ и объяснялъ странную и необычную для нихъ ночную тишину. На этотъ разъ лишь къ 7-и ч. утра стали слышны одиночные ружейные выстрѣлы, пока къ 10-ти ч. не завязался на лѣвомъ флангѣ расположенія дивизіи довольно интенсивный бой, не только орудійный, но и пулеметный.

Въ 9 часовъ о. Протопресвитеромъ на открытомъ воздухѣ былъ отслуженъ молебенъ, на который были собраны люди со всехъ полковъ дивизіи (по 4—10 человекъ отъ роты). Это были необычайно рѣдкія минуты, которыя навсегда останутся въ памяти. Люди были построены для молебна за возвышеніемъ, впереди расположенія батарей, и черезъ наши головы все время, со свистомъ разрѣзая воздухъ, летѣли то въ сторону непріятели наши шрапнели и тяжелые снаряды, то въ нашу сторону такіе же непріятельскіе. По окончаніи молебна, окропивъ св. водою ряды солдатъ, раздавъ всемъ крестики и молитвы—благословеніе Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, о. Протопресвитеръ обратился къ войскамъ съ рѣчью. Дружной семьей окруживъ о. Протопре-

свитера, внимали с-цы словамъ проповѣдника, который, видимо настроенный самой обстановкой, говорилъ съ особеннымъ подъемомъ. Онъ призывалъ воиновъ къ терпѣнію въ лишеніяхъ, мужеству въ опасностяхъ, чѣмъ всегда такъ славны были с-скія войска, и закончилъ рѣчь благодарностью за доблестную службу отъ имени Верховнаго Главнокомандующаго. Благословивъ собравшихся, подъ одушевленное пѣніе молитвы за Царя, о. Протопресвитеръ отбылъ на ближайшую батарею № 2. Поднявшись на наблюдательный пунктъ, мы въ бинокли долгое время смотрѣли за разрывами нашихъ шрапнелей надъ непріятельскими окопами. На обратномъ пути къ автомобилю, оставленному нами въ полуверстѣ, на шоссе, мы спускались въ блиндажи командира батареи и нижнихъ чиновъ.— „Что, не холодно вамъ здѣсь?“ спросилъ о. Протопресвитеръ.— „Никакъ нѣтъ. Русскаго солдата никакой морозъ не возьметъ!“—отозвался на это обращеніе бравый молодецъ-артиллеристъ. О. Протопресвитеръ похвалилъ его, благословилъ и одѣлъ ему на шею провозокъ. Офицеры батареи просили о. Протопресвитера принять на память осколки нѣмецкихъ „чемодановъ“, которыми нѣмцы наканунѣ такъ усердно угощали батарею, что все кругомъ было изрыто глубокими воронками, хотя, слава Богу, снаряды ложились такъ удачно для насъ, что ни орудія, ни люди совершенно не пострадали.

Дальше мы направились въ дивизионный лазаретъ, расположенный въ 2-хъ верстахъ отсюда, въ нѣмецкой деревнѣ. На дворѣ, у входа въ лазаретъ, была построена команда служителей. О. Протопресвитеръ обратился къ нимъ съ небольшою рѣчью, въ которой, указавъ имъ на то, что по роду своей службы они не подвержены тѣмъ опасностямъ и невзгодамъ, съ которыми неизбѣжно сопряжено пребываніе въ окопахъ, онъ увѣщевалъ санитаровъ съ терпѣніемъ и любовью ухаживать за тѣми, кто прикрываетъ ихъ отъ непріятели своею грудью. Обойдя палаты и благословивъ раненыхъ образками, о. Протопресвитеръ проѣхалъ къ расположенію одного изъ полковъ, который въ это время былъ въ резервѣ. Здѣсь также на открытомъ воздухѣ былъ отслуженъ молебень, законченный горячей рѣчью. Передаемъ ее приблизительно. „Каждому человѣку свойственно любить жизнь, но бываютъ моменты, когда стыдно думать о себѣ. Такой моментъ насталъ теперь для насъ: родина въ опасности. На насъ напалъ сильный и страшный врагъ, забывшій все святое, не падающій ни церквей, ни чести женщинъ, ни мирнаго, безоружнаго населенія. Представьте себѣ, что было бы съ нами, если бы мы подпали подъ власть такого врага... Но этому, милостью Божіей, никогда не бывать. Врагъ ошибся: непоколебимо мужество русскаго солдата, велика воинская доблесть, которую и вы, братья, уже успѣли проявить, покрывъ новой славой вашъ и раньше славный полкъ. Могли я передать Верховному Главнокомандующему о вашей готовности и впредь служить Великому Государю съ полнымъ самоотверженіемъ, съ готовностью во что-бы то ни стало сломить упорство врага, чтобы увидѣть свою Родину-мать счастливой и возвеличенной?“ — „Постараемся, батюшка!“ были единодушный отвѣты с-скихъ стрѣлковъ. Простившись съ ними, около 1 часу дня, мы отправились въ В., въ штабъ одной изъ резервныхъ дивизій. Слышалась отдаленная, глухая канонада, когда о. Протопресвитеръ, въ сослуженіи духовенства этой дивизіи служилъ молебень предъ собранными отъ всѣхъ полковъ (по батальону со знаменами) нижними чинами. Окрошивъ св. водою и благословивъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, о. Протопресвитеръ обратился къ нимъ съ рѣчью. „Я привезъ вамъ привѣтъ отъ Верховнаго Главнокомандующаго.

Онъ поручилъ мнѣ благодарить васъ отъ его имени за усердную и вѣрную службу... Знаю, по опыту знаю, друзья мои, что служба ваша исполнена тяжелыхъ лишеній: вдали отъ родныхъ мѣстъ, оторванные отъ семьи и близкихъ, вы подвергаетесь ежечасной опасности. Но пусть утѣшаетъ васъ мысль, что вы не одни, — вся Русь встала грудью противъ злого врага. Не вы первые терпите ужасы войны. Всегда, испоконъ вѣку, такъ было: нападали враги, и русскіе люди, какъ одинъ, бросали мирныя занятія, вставали и шли на защиту родной земли. Покажите-жъ и вы своимъ поведеніемъ, что наша Русь та же, что была и встарь, что вы доблестные потомки своихъ славныхъ предковъ, что вы русскіе люди, съ русскимъ сердцемъ, съ русской душой. Вспомните: какіе у насъ были предки: Суворова съ его чудо-богатырями на вершинахъ снѣжныхъ Альпъ, — солдатъ на Шипкѣ, въ Турецкую войну, замерзавшихъ на постахъ съ ружьями въ рукахъ. Знайте: отъ смерти никуда не уйдешь, нигдѣ не спасешься. Предайте же себя въ руки Божіи, несите со славой и честью вашу воинскій подвигъ и вѣрьте, что ничто злое васъ не коснется, если надъ вами будетъ благословеніе Божіе“.

Въ 5 часовъ вечера въ В. о. Протопресвитеръ обошелъ больныхъ и раненыхъ въ дивизионномъ лазаретѣ и благословилъ иконой г-жу Гурко, жену корпуснаго командира, которая съ самаго начала кампаніи на передовыхъ позиціяхъ самоотверженно несетъ обязанности сестры милосердія. Въ 7 часу мы прибыли на ночлегъ въ штабъ N корпуса, расположенный въ богатой помѣщичьей усадьбѣ: большой барскій домъ, прекрасная мебель, громадная бібліотека, электрическое освѣщеніе, прекрасно устроенный садъ, при усадьбѣ винокуренный заводъ, хорошія службы. Къ самой усадьбѣ подходитъ высокій, красивый хвойный лѣсъ, полный дичи (козы, фазаны, куропатки) *).

Любовно встрѣтилъ о. Протопресвитера генераль Г., — почтенный, но еще очень бодрый старикъ, съ живымъ умомъ и очень образнымъ языкомъ. Оживленная бесѣда затянулась чуть не до самой полночи. Утромъ, чуть посвѣтлѣло, мы тронулись черезъ знакомый уже намъ В. въ штабъ другой дивизіи того же корпуса, въ которой не успѣли быть вчера. Вначалѣ, пока мы ѣхали по шоссе, все шло благополучно, но когда съѣхали на проселокъ, наши автомобили сразу стали. Положимъ, это обстоятельство предвидѣлось ранѣе и потому еще наканунѣ изъ штаба корпуса ближайшему полку было сдѣлано распоряженіе выслать сюда экипажи. Но наши шофферы, не желая оставлять о. Протопресвитера и на короткое время, сдѣлали попытку форсировать раскисшую глинистую почву. И увы! нѣмецкій проселокъ оказался ничѣмъ не лучше нашихъ доморощенныхъ русскихъ. Пришлось оставить здѣсь автомобили, къ великому огорченію нашихъ милыхъ шофферовъ, и въ маленькихъ легкихъ бричкахъ, запряженныхъ парой крѣпкихъ лошадей, ѣхать дальше. Ѣхали все время шагомъ, такъ какъ грязь была по самыя оси. Въ деревнѣ, расположенной отъ шоссе верстахъ въ 2-хъ, былъ уже построенъ, въ ожиданіи о. Протопресвитера, только что смѣнившійся съ позиціи въ резервъ полкъ. Отслуживъ молебенъ и благословивъ всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ шейными образками, о. Протопресвитеръ и здѣсь, какъ и вездѣ, обратился къ солдатамъ съ рѣчью. Онъ призываетъ болѣе сильныхъ духомъ постоянно поддерживать своихъ болѣе слабыхъ и малодушныхъ товарищей, а тѣхъ и другихъ — искать себѣ

*) Нужно замѣтить, впрочемъ, что вездѣ въ лѣсахъ здѣсь много звѣря. Въ этомъ отношеніи, говорить, пѣмцы проявляютъ особенно много заботы и охотой не злоупотребляютъ.

опору въ молитвѣ. „Помните всегда, мои друзья, что вы не одни, — съ вами молитвы всей Россіи, вашихъ матерей, сестеръ и дѣтей. Эти молитвы низведутъ на васъ благословіе Божіе, которое предохранитъ васъ отъ всякой опасности и поможетъ исполнить вамъ великій долгъ. Самоотверженнымъ служеніемъ родинѣ вы заслужите награду отъ Бога и себѣ и своимъ близкимъ, а забвеніе своего долга, знайте, не останется безнаказаннымъ, и это наказаніе можетъ постигнуть не только самого измѣнника, но и его близкихъ и потомковъ, по слову Божію, которое говоритъ, что Богъ наказываетъ за преступленіе до третьяго и четвертаго рода“. Въ заключеніе о. Протопресвитеръ передалъ полку отъ имени Верховнаго Главнокомандующаго его привѣтъ, благодарность за службу и увѣренность, что С. полкъ, хотя и резервный, будетъ не хуже регулярныхъ частей.

Протившись съ полкомъ, о. Протопресвитеръ направился въ расположеніе пѣхотной дивизіи. Помолившись здѣсь съ собранными съ позиціи, насколько это было возможно, войсками и благословивъ собравшихся нижнихъ чиновъ и офицеровъ иконками, преподавъ духовенству дивизіи, призванному изъ епархій, наставленіе о задачахъ и дѣляхъ пастырскаго служенія въ полку въ военное время, о. Протопресвитеръ хотѣлъ было проѣхать поближе къ окопамъ, но начальникъ дивизіи рѣшительно воспротивился намѣренію о. Протопресвитера, такъ какъ было еще свѣтло и пробраться къ окопамъ было невозможно даже верхомъ. Вернулись на шоссе и направились въ обратный путь въ штабъ арміи. Вечеромъ о. Протопресвитеръ посѣтилъ расположенные здѣсь госпитали и лазареты Краснаго Креста. Въ одномъ госпиталѣ онъ встрѣтилъ своего земляка-солдата изъ того прихода Полоцкой епархіи, гдѣ раньше онъ служилъ сельскимъ священникомъ. Изъ разспросовъ, съ которыми онъ обращался къ каждому раненому, оказалось, что о. Протопресвитеръ хорошо помнилъ и отца и всю семью солдата. — „Какъ онъ себя у васъ ведетъ?“ шутливо спросилъ о. Протопресвитеръ палатную сестру милосердія. „Хорошо, хорошо,“ послѣшила отвѣтить сестра. „Вы знаете, батюшка, что Ткачки никогда плохими не были,“ съ чувствомъ достоинства заявилъ раненый. — „Вѣрю, вѣрю“, послѣшилъ успокоить его о. Протопресвитеръ: „семья твоя хорошая“. Въ госпиталѣ хорошее впечатленіе на о. Протопресвитера произвела небольшая, уютная церковь, устроенная попеченіемъ главнаго врача и госпиталяго священника. Въ лазаретъ Петроградской-Елизаветинской Общины Краснаго Креста, куда направляются только тяжело раненые, такъ какъ здѣсь есть опытные хирурги, о. Протопресвитеръ благословилъ образками 40 человекъ больныхъ, которые, видимо, были растроганы его ласковымъ обращеніемъ.

Вечеромъ пріѣхалъ съ позиціи о. Благочинный стрѣлковыхъ Полковъ о. С. С. Долго дѣлился со своимъ начальникомъ боевыми впечатленіями энергичный батюшка, описывая, но безъ всякаго унынія и жалобъ, ту тяжелую обстановку, въ которой приходится жить и работать войсковому духовенству.

На другой день въ 9 часовъ утра мы отправились на позиціи въ штабъ N корпуса. Въ Г., довольно большомъ и, видимо, до войны вполне благоустроенномъ городѣ, съ прекрасными домами и магазинами, отъ которыхъ теперь остались однѣ печальныя руины, о. Протопресвитеръ на нѣкоторое время остановился въ одномъ изъ госпиталей. Въ первой-же палатѣ произошелъ интересный, весьма тронувшій о. Протопресвитера и всѣхъ сопровождавшихъ его лицъ, эпизодъ. О. Протопресвитеръ встрѣтилъ здѣсь много своихъ земляковъ и между ними одного

раненаго-запаснаго изъ того села, гдѣ, лѣтъ 20 тому назадъ, онъ былъ псаломщикомъ.— „Ты, конечно, меня не помнишь“? обратился къ нему о. Протопресвитерь.— „Нѣтъ, батюшка, не признаю“, отвѣтилъ раненый. „А передъ кѣмъ вы, батюшка, служили“? спросилъ онъ въ свою очередь.— „Да, вѣдь, я былъ у васъ не священникомъ, а псаломщикомъ“, сказалъ о. Протопресвитерь.— „Такъ вы не Егоръ ли Ивановичъ будете“? улыбаясь во все лицо, видимо, узнавъ о. Протопресвитера, простодушно сказалъ солдатикъ. Нужно было видѣть, какимъ удовольствіемъ, какой радостью засвѣтились глаза у о. Протопресвитера отъ этихъ простыхъ, безхитростныхъ словъ своего односельца. Еще бы! Село помнить до сихъ поръ, цѣлыхъ 20 лѣтъ,—и не батюшку, что было бы еще понятно,—а своего бѣднаго дьячка.

Въ 12 часовъ мы направились въ дальнѣйшій путь. Конецъ его намъ пришлось, какъ и вчера, закончить въ экипажахъ. Дорога послѣдній часъ все время шла по великолѣпному хвойному лѣсу. Поражала необычайная для русскаго человѣка, чисто-нѣмецкая порядчивость, съ какою содержался лѣсъ. На всемъ протяженіи, куда сможетъ проникнуть глазъ, вы не увидите не только ни одного валяющагося дерева, но даже и вѣтки. Вообще нужно сказать, что чистота, аккуратность, домовитость всюду и въ домахъ, и въ поляхъ, и въ лѣсахъ невольно бросается въ глаза даже и при поверхностномъ наблюденіи. „Хорошо жили нѣмцы“, говорятъ наши солдатики. Да, эта война, несомнѣнно, будетъ имѣть огромное культурное значеніе для русскаго крестьянина. Многому полезному научить она. Вѣдь, не обидѣлъ же Богъ природнымъ смысломъ нашего русака, и можно съ увѣренностью сказать, что война будетъ для него поучительнѣе всякихъ выставокъ.

Съ радостью встрѣтили желаннаго гостя чины корпуснаго штаба. Уже темнѣло, когда мы прибыли въ полуразрушенную нѣмецкую деревушку, гдѣ расположились штабъ. Черезъ полчаса по приѣздѣ о. Протопресвитерь съ о. С. С. направился на передовыя позиціи, чтобы, если возможно, проникнуть въ самые окопы и благословить здѣсь воиновъ. Но къ его великому сожалѣнію, добраться до окоповъ ему и на этотъ разъ не удалось. Дорога туда находилась все время въ сферѣ артиллерійскаго и даже ружейнаго обстрѣла, все время работали непріятельскіе прожекторы и пройти незамѣтно, не вызвавъ непріятельскаго огня, отъ котораго могли пострадать и другіе, было невозможно. Пришлось отказаться отъ этой мысли и ограничиться бесѣдою съ людьми, бывшими въ ближайшихъ къ окопамъ резервахъ. Благословивъ стрѣлковъ двухъ полковъ крестиками и иконками, о. Протопресвитерь вернулся въ 9 ч. вечера на ночлегъ въ штабъ корпуса.

Съ утра на другой день о. Протопресвитерь объѣхалъ многіе полки корпуса, вездѣ совершая молебны и призывая солдатъ поддержать прочно-установившуюся боевую славу. Вечеромъ вернулись въ Г., и остатокъ дня о. Протопресвитерь посвятилъ посѣщенію госпиталей. На другой день въ мѣстной кирхѣ въ сослуженіи духовенства пѣх. дивизіи, о. Протопресвитерь отслужилъ молебенъ для представителей этой дивизіи, собранныхъ командиромъ корпуса съ ближайшихъ позицій. И здѣсь солдаты были утѣшены вдохновенной патріотической рѣчью и благословеніемъ высшаго духовнаго руководителя Христолюбиваго воинства.

Въ виду приближенія праздниковъ о. Протопресвитеру слѣдовало спѣшить въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго. Ограниченность времени, какимъ располагалъ о. Протопресвитерь для своего посѣщенія Восточно-Прусскаго фронта, къ глубокому сожалѣнію его самого, духо-

венства и войскъ, входящихъ въ составъ корпуса, расположеннаго на самомъ лѣвомъ флангѣ нашего фронта, лишила его возможности побывать и тамъ. Ему удалось только на небольшое время взглянуть въ штабъ корпуса и познакомиться на мѣстѣ съ отзывами командира о служебной дѣятельности духовенства этого корпуса. Здѣсь, какъ и раньше въ другихъ мѣстахъ, онъ былъ очень утѣшенъ, не слыша жалобъ на полковыхъ священниковъ. Всѣ они, по мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія, стараются честно исполнить свой высокій долгъ, не смотря на то, что почти всѣ священники этого корпуса принадлежать къ черному духовенству, слѣдовательно предшествующей службой они не достаточно подготовлены къ великой миссиіи военнаго батюшки. Но нельзя, конечно, отрицать, что даже приходскіе—не военные, а призванные изъ епархій по мобилизаціи, полковые священники скорѣе осваиваются съ своими обязанностями и болѣе отвѣчаютъ своему назначенію, чѣмъ монашествующіе.

Вечеромъ о. Протопресвитеръ прибылъ въ Кибарты (Вержболово). Здѣсь въ купѣ вагона къ нему собрались мѣстные госпитальные священники, среди которыхъ о. Протопресвитеръ имѣлъ радость встрѣтить своего бывшаго учителя, профессора академіи протоіерея Налимова.

Въ 5 час. утра о. Протопресвитеръ отбылъ въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго, унося съ собою изъ арміи благодарныя пожеланія—счастливаго пути и скорого возвращенія.

Какъ мы встрѣчали и проводили праздникъ Рожд. Христова.

(Корресп. съ перед. позицій у гор. Балимова).

Дня за три до праздника нашъ перевязочный пунктъ въ фольваркѣ Рожановъ, отстоящій отъ передовыхъ позицій въ 2-хъ верстахъ, часовъ въ 5 вечера подвергся обстрѣлу изъ тяжелыхъ неприятельскихъ орудій, ибо кругомъ фольварка располагалась наша тяжелая и мортирная батарея, постоянно мѣняя позиціи и тѣмъ вызывая на себя, а главное на фольваркъ, какъ мѣсто прицѣла, неприятельскій огонь. Въ нашей компаніи стали говорить, что попали мы въ неприятное и опасное сосѣдство съ артиллеріей, что нибудь да случится неприятное, она подведетъ насъ, но все-таки терпѣли и мужались, надѣясь на Бога. Нужно замѣтить, что фольваркъ, состоящій изъ двухъ длинныхъ домовъ для рабочихъ, безъ господскаго помѣщенія, нѣсколькихъ громадныхъ сараевъ для скота и громадныхъ скирдъ соломы, — биткомъ былъ набитъ народомъ, лошадьми, зарядными артиллерійскими ящиками съ запряжкой по шести лошадей, патронными двуколками, лазаретными линейками и кухнями. Тутъ помѣщались три перевязочныхъ пункта, два нашей дивизіи и одинъ Сибирскаго полка вмѣстѣ со штабомъ полка, штабъ бригады Туркестанской дивизіи, обозы и двѣ-три батареи.

Когда произошелъ маленькій переполохъ отъ выстрѣловъ тяжелой артиллеріи, снаряды которой разрывались немного не достигая фольварка, большинство изъ публики тотчасъ благоразумно удалилось въ болѣе безопасное мѣсто. Мы же запросили командира полка, какъ поступить въ данномъ случаѣ, и получили отвѣтъ: „держитесь пока можно,“ — ибо полкъ нашъ стоялъ на позиціи и каждую ночь поступало отъ 60—100 раненыхъ, не считая убитыхъ, днемъ же невозможно было пройти незамѣченнымъ ни туда, ни оттуда. Слѣдующіе день и ночь прошли благополучно и мы успокоились.

Вдругъ 23-го, часу въ 1-мъ дня, раздался надъ фольваркомъ разрывъ шрапнели. Всѣ повыскачили изъ помѣщеній, чтобы самолично раз-

слѣдовать фактъ обстрѣла и убѣдиться въ немъ воочію. Но гѣмцы не шутили и не замедлили подтвердить свои намѣренія, выславъ еще два снаряда, а потомъ еще 20. Въ мгновеніе ока все и вся пришло въ движеніе.

Все, что было на дворѣ и за дворомъ: лазаретныя линейки, зарядныя ящики, патронныя двуколки, кухни и пушка, почему то стоявшая здѣсь, двинулось стремглавъ впередъ, но не по дорогѣ, выходящей на шоссе, а между домиками — прямо въ поле. Люди же, кто успѣлъ, бросились въ окопы, а замѣшкавшіеся притаились въ сараяхъ и домикахъ. Возница мой съ лошадыю и повозкой исчезъ, а съ нимъ также церковникъ и церковный сторожъ, а деньщикъ запрягнулся въ солому. Пришлось самому укладывать вещи, — руки и ноги дрожатъ, сердце даетъ перебой, во всемъ тѣлѣ ознобъ. Состояніе скверное, усиливающееся еще мыслью, — а вдругъ на закуску пошлютъ чемоданъ, — кадутъ тогда. Замѣчательно при этомъ, что противникъ обстрѣливалъ весьма вѣрно, прямо по направленію бѣгушихъ, сначала на дворъ, а потомъ и дальше — за стѣнами фольварка. Въ результатъ было ранено два кашевара, одинъ съ раздробленіемъ ноги, пять лошадей, двѣ лошади были убиты и пробиты стѣны въ сараѣ и домѣ.

Выждавъ обстрѣлъ, пустились и мы (я, врачи, чиновники и больные офицеры) бѣжать по вспаханному полю, черезъ глубокую канаву и двѣ линіи окоповъ, подгоняемые сильнымъ вѣтромъ и опасностью быть разстрѣляемыми. Тяжело одѣтый и съ багажомъ въ рукахъ я изнемогалъ, рубаха была мокра, по лицу текли струи пота, не смотря на сильный вѣтеръ и холодъ. Достигнувъ ближайшаго фольварка, гдѣ обозъ пріостановился для пріисканія помѣщенія, и боясь простудиться, я зашелъ въ первое попавшееся помѣщеніе, гдѣ встрѣтилъ священника В-го полка о. Р. съ врачами, и попросилъ позволенія снять теплую одежду, обсохнуть и отдохнуть немного. О. Р-въ радушно угостилъ меня тарелкой супа и чашкой какао; обмѣнявшись впечатлѣніями и поблагодаривъ случайныхъ хозяевъ, отправился я съ своими дальше — въ ф. Ирена, гдѣ казаки любезно уступили намъ двѣ небольшія комнатки. Таковы наши мытарства наканунѣ Рождественскаго сочельника и самаго праздника.

Но вотъ и сочельникъ. Выпалъ снѣгъ, вѣтеръ поутихъ. Видъ зимняго ландшафта сильно напомнилъ центральную Россію, съ ея глубокими снѣгами и сугробами, крѣпкими-трескучими морозами колыдными, когда не застоишься долго на мѣстѣ, когда въ деревнѣ тишь да гладь, да Божья благодать, лишь только снѣгъ хруститъ подъ ногами и случайно прошмыгнувшими саями, да особенно рѣзко скрипятъ намерзшіе журавли въ колодцахъ.

Красивый тогда видъ представляетъ собою деревня: вся она чистенькая, бѣленькая, сонная подъ снѣгомъ, а надъ нею во всю длину ея въ двѣ линіи отъ печей домохозяевъ одновременно, какъ по заказу, поднимаются въ морозный воздухъ плавными зигзагами клубы черного и сѣраго дыма. Это готовится къ празднику, — пекутъ блины, варятъ кутью и пр. снѣди, въ воздухѣ разносится запахъ постнаго съѣдобнаго. Предчувствіе близости праздника довершается планомѣрными раскатами церковнаго благовѣста и группами празднично одѣтыхъ стариковъ и старухъ, спѣващихъ въ храмъ Господень.

Сочельникъ мы провели въ постѣ — по православному, нашлась кетовая икра и немного черной и къ чаю сладкіе пирожки своего приготовленія. Стали обдумывать, какъ-бы совершить Богослуженіе въ полку. Пробраться въ полкъ на окопы можно только на сумеркахъ, когда за-

тихаея орудіяная пальба и подвозятъ кухни на позицію; нѣмцы въ это время тоже ужинаютъ и пьютъ кофе. Въ 5 часовъ вечера собрались мы и поѣхали, ко мнѣ подъѣлъ офицеръ нашего полка, слѣва и справа на подножку помѣстились церковникъ и церковный сторожъ, на козлахъ возница. Дорога не длинная, около 3-хъ верстъ, шла по шоссе, обаженному толстыми и многовѣтвистыми тополями (ясокорами).

Шель свѣжокъ и была въ воздухѣ какая-то зловѣчая тишина нарушаемая лишь выстрѣлами нашей тяжелой артиллеріи, разставленной по обѣ стороны шоссе. Выстрѣлы больно отзывались въ ухахъ, груди и спинѣ, особенно когда равнялись съ батареей и она давала залпъ. Хорошо еще, что офицеръ нашъ, слыша команду на батареѣ, командовалъ и намъ — откройте ротъ, и мы, какъ вороны, сидимъ съ открытыми ртами и пригибаемся, а въ спину, какъ подушкой, ударяютъ мягкой и какъ-бы теплый отъ выстрѣла воздухъ. Лошадь всякій разъ дѣлаетъ прыжокъ вверхъ, останавливается, трясетъ головою и треплетъ ушами.

Мало-по-малу мы обогнали кухни и маршевыя команды, которыя шли на пополненіе полка и достигли предѣла, его же, какъ говорится, не прѣйдеши. Люди, сидѣвшіе цѣлый день въ окопахъ, повышли на поверхность, сгруппировались около единственно уцѣлѣвшей избушки и сарайчика, и кто отыскивалъ въ новоприбывшихъ своихъ земляковъ, слегка окликакая по фамиліи, кто говорилъ: „вотъ и батюшка къ намъ прѣѣхалъ, служба будетъ, праздникъ, значить, какъ ни-на-есть встрѣтимъ по христіански, а потомъ обѣдъ будутъ раздавать“; другіе восклицали, что колбасы и булки привезли къ празднику и еще, — сказываютъ, — привезли подарковъ изъ Россіи цѣлую лазаретную линейку. „Вотъ такъ праздникъ будетъ у насъ, только бы нѣмецъ не потревожилъ“.

Входимъ въ избушку, приподнявъ при входѣ полотнище палатки, ибо дверь входная, какъ и другія двери, потолокъ въ сѣняхъ и на правой половинѣ избушки унесены солдатами въ окопы для блиндажей.

Въ малой и низкой хатенкѣ съ единственнымъ окномъ, обращеннымъ къ нашему фронту, за столомъ сидѣлъ командиръ полка съ карандашемъ въ рукѣ и полевой книжкой и дѣлалъ вычисленія по распредѣленію новобранцевъ въ роты. Кругомъ стола, на полу на соломѣ и на плитѣ кухонной, сидѣли офицеры, другіе стояли, помогая командиру въ распредѣленіи новоприбывшихъ. Увидя такую картину, шепнулъ я самъ себѣ фразу: „совѣтъ въ Филяхъ“. Въ хатѣ было душно, тѣсно, не повернуться. По окончаніи расчисленія, на мое заявленіе отслужить всенощную, командиръ полка сказалъ: „душевно благодарны вамъ, батюшка, за ваши заботы и молитвы о насъ; очень радостно встрѣтить праздникъ по-христіански, и помолитесь необходимо, но что подѣлаете: время у насъ по минутамъ расчитано. Нужно по ротамъ развести новоприбывшихъ, назначить новыхъ начальниковъ, — отдѣленныхъ, взводныхъ и даже ротныхъ вмѣсто убывшихъ, нужно полку раздать пищу и праздничное, и не медля въ окопы, къ ружью, ибо получена телефонограмма, что поймали двухъ нѣмецкихъ шпионовъ, которые за дарованіе имъ жизни сообщили большую тайну, а именно — что въ сію ночь и слѣдующую будетъ съ ихъ стороны произведена по всему фронту жесточайшая атака. Отслужите, пожалуйста, молебенъ празднику, да воззрѣть на насъ Господь и поможетъ одолѣть врага“.

При такихъ обстоятельствахъ не приходилось возражать, хотя къ молебну праздника я все-таки прибавилъ водосвятіе и молитву изъ чина освященія знаменъ — „Господи Боже, нашъ послушавый Моисея и т. д.“.

Быстро придвинули столъ къ стѣнѣ, на которой помѣщалось нѣсколько иконъ польскаго письма и икона Божіей Матери Ченстоховской, на столѣ двѣ свѣчи въ подовѣчникахъ, крестъ, евангеліе и ваза съ водой. Тѣснымъ кольцомъ окружили столъ офицеры, за ними нижніе чины и дальше въ обширныхъ сѣняхъ и на дворѣ, и у окна, и молебствіе началось. Молились крѣпко, съ усердіемъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ и со слезами, какъ никогда.

Нѣкоторые изъ молящихся озирались на боковую стѣнку избышки, за которой слышны были разрывы неприятельскихъ снарядовъ и въ самую стѣнку шелкали ослабѣвшія пули. Въ сѣняхъ были слышны стоны раненыхъ, которыхъ размѣщали на соломѣ впродъ до отправления на перевязочный пунктъ. По возглашеніи многолѣтія была предложена молящимся краткая рѣчь, которую всѣ выслушали съ глубокимъ вниманіемъ, вздохами и слезами (рѣчь помѣщаю ниже). На мое привѣтствіе: „съ праздникомъ, съ Рождествомъ Христовымъ поздравляю васъ, дорогіе воины“, было отвѣтомъ: „покорнѣйше благодаримъ, ваше высокопреподобіе“! и всѣ съ повышеннымъ настроеніемъ подходили къ кресту и кропились св. водою. При собираніи церковныхъ вещей и отвѣздѣ моимъ многіе солдатики вручали мнѣ письма, прося отправить ихъ на родину. Въ это время началась раздача колбасъ, пироговъ и присланныхъ подарковъ; люди наскоро ужинали, или правильнѣе обѣдали, противникъ изрѣдка пострѣливалъ.

Прежде чѣмъ возвратиться къ себѣ, мнѣ нужно было, по просьбѣ офицера, отслужить краткій молебенъ для роты, стоящей въ прикрытіи къ тяжелой батарее. Но роты въ окопахъ мы уже не нашли, она была уже разослана въ ночные караулы и сторожевое охраненіе, а только наткнулись на орудійный залпъ и сильно напуганные поплелись во свояси. Едва я раздѣлся и сталъ рассказывать о приключеніяхъ, какъ вбѣгаетъ въ помѣщеніе квартирмейстеръ и говоритъ: „ну, батюшка, во время вы уѣхали, что тамъ дѣлается теперь, не можете ли представить себѣ. Страхъ Господень! свѣтопреставленіе! Все шоссе и поле буквально засыпается снарядами, бомбы въ землѣ саженныя ямы вырываютъ, камни и шрапнельные осколки летятъ, деревья трещатъ, ломаются, встрѣчный огонь нашъ и противника, оглушительные удары, вой шрапнели и бомбъ душу раздирающій! Ай, ай, ай! Солдатики, какъ мыши въ норы, попрыгали въ окопы, а я на фурманкѣ едва ускакалъ. За мной летѣла лазаретная линейка, ее разбило шрапнелью и конюха ранило“. Мы всѣ вышли на дворъ и долго смотрѣли и прислушивались къ этому ужасу. Грохотъ орудій, трескотня ружейная, рокотъ пулеметовъ, шумъ какъ бы отъ надвигающейся сильной бури, блескъ орудійнаго огня, поминутное освѣщеніе горизонта прожекторами и ракетами. Это что-то ужасное и непередаваемое. Атака продолжалась до 3-хъ часовъ ночи, но повсюду была отбита нашими героями.

Въ самый праздникъ, въ 10 час. утра, я объявилъ санитарамъ, обознымъ, артиллеристамъ и казакамъ, что буду служить молебенъ. Быстро собрались люди, набралось человѣкъ 200, нашлись и пѣвчіе изъ казаковъ, посреди двора у колодца подъ открытымъ небомъ поставили столикъ, и началось молебствіе. Погода стояла чудная, тихая, морозная, слегка сыпало снѣжкомъ. По окончаніи многолѣтія была также сказана краткая рѣчь. Благодарные молящіеся съ радостными и умиленными лицами подходили къ кресту и кропились св. водою. Послѣ этого я осѣнилъ крестомъ и окропилъ св. водою тоекратно по направленію позицій, солдаты крестились. Орудійная пальба уже начиналась, все усиливаясь

къ полудню. Казаки благодарили меня за молебствіе, говоря, что они за пять мѣсяцевъ только второй разъ удостоились слушать церковную молитву, при этомъ высыпали изъ шапки собранныя по своей инициативѣ пожертвованія на раненыхъ. Я въ свою очередь благодарилъ ихъ за пожертвованія, заявивъ, что я всегда радъ молиться съ воинами о ихъ здравіи и спасеніи и дарованіи на врага побѣды и одолѣнія. Пожертвованій оказалось 6 р. 60 к.

Вечеромъ я послалъ полку для чтенія воскресные листки, издаваемые при Вѣст. воен. дух., журналы—Вѣрность, Витязь, Развѣдчикъ, жур. Русское Чтеніе по 17-ти экземпляровъ и массу газетъ—Свѣтъ и Рус. Чтеніе. А В. М. Пуришкевичъ прислалъ 40 Евангелій и молитвенниковъ, много бѣлья нижняго и теплаго и съѣтного. Въ это время у насъ за стѣнкой было слышно, какъ казаки съ своимъ эскавромъ пѣли тропарь и кондакъ праздника и ирмосы—Христосъ рождается славите..., а потомъ свои родныя казачія пѣсни, и при этомъ нѣкоторые изъ нихъ плакали, какъ передавали наши солдатики. Слышна была и лихая игра на гармоникѣ—трепака и притопываніе удалого казака, но скоро и умолкала,—видимо не поддерживаемая компаніей. А на позиціяхъ... шель жаркій, сильный бой. Воздухъ оглашался ужасными орудійными ударами, земля содрагалась, окна и двери дребезжали. Поминутно молніеобразныя вспышки орудійнаго огня и тутъ и тамъ, освѣщеніе горизонта прожекторами и нѣмецкими ракетами. Шумъ и рокотъ отъ ружейной и пулеметной перестрѣлки какъ въ громадномъ котлѣ отъ кипящей воды. И среди такого ада—люди. Таковы святки на позиціяхъ.

Речь на рождественскомъ молебнѣ. Братья-воины! Дождались и мы великаго праздника Рождества Христова, который приходится проводить далеко не въ такой обстановкѣ жизненной и молитвенной, къ какой мы привыкли у себя на родинѣ и какая подобаётъ великому событію явленія въ міръ Спасителя. вмѣсто благовѣста церковнаго слышимъ грохотъ орудій и трескотню изъ винтовокъ и пулеметовъ, вмѣсто благолѣпно украшенныхъ и освѣщенныхъ храмовъ—вотъ какое убогое помѣщеніе, вмѣсто торжественнаго и радостнаго славленія Христа—жалобные и тягостные стоны и вопли раненыхъ, вмѣсто празднично убранныхъ жилищъ—темные и сырые подземные ходы—окопы, вмѣсто бесѣды съ родными и друзьями—только сердечный вздохъ и воспоминаніе о нихъ. Но что же дѣлать? такова воля Божія и таковъ жребій вѣрныхъ сыновъ Россіи и доблестныхъ слугъ помазанника Божія—Государя Императора. Не забывайте, воины, что самъ Господь, Царь вселенной, благоволилъ родиться отъ Дѣвы Маріи не въ царскихъ палатахъ при всѣхъ удобствахъ и теплѣ, а въ убогой Виелеемской пещерѣ, куда загоняли скотъ, что такъ гармонируетъ съ нынѣшнимъ нашимъ положеніемъ,—что онъ училъ терпѣнію и смиренію, что Онъ страдалъ, вынесъ величайшія муки на крестѣ и пролилъ Свою Святѣйшую кровь за насъ. И все это добровольно Господь принялъ на себя, призывая и насъ къ тому же. Онъ далъ великую заповѣдь: „больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положить за други своя“. И вы, воины, во исполненіе сей заповѣди, совершаете высочайшее служеніе Богу, Царю и Отечеству, за что не потеряете награды ни въ сей, ни въ будущей жизни: Господь таковыхъ вѣнчаетъ вѣнцами мучениковъ.

Не ропщите на судьбу и не страшитесь текущихъ событій, которыя идутъ по волѣ Божіей, а воля Божія непреложна. Вы слышали въ Евангеліи, какъ Господь сказалъ: „услышати имате брани и слышанія бранемъ, зрите не ужасайтесь, по добаётъ бо всѣмъ симъ быти. Возстанетъ

бо языкъ на языкъ и царство на царство и будутъ глади и пагубы и трусы по мѣстамъ. Будетъ бо тогда скорбь велия, избранныхъ же ради прекратятся дніе оны“. Какъ видите, все сіе исполняется: судьбы царствъ и народовъ въ рукахъ Божіихъ, который наказуетъ и милуетъ, и ниспосылаетъ на землю миръ по молитвамъ избранныхъ своихъ, т. е. праведниковъ. Праведный гнѣвъ Божій постигъ насъ за наше забвеніе Бога и заповѣдей его. Русь теперь не та ужъ, что прежде была, святая, благочестивая отъ знатнаго до простолюдина. Забыты заповѣди Господни, забыта церковь и молитва, въ небреженіи уставы церковныя, посты, наставленія пастырей и учителей церковныхъ. Повсюду неуваженіе къ родителямъ, начальникамъ и старшимъ, нравственная распущенность, хулиганство, разбой, поголовное пьянство, воровство и пр. непотребства. Все это есть мерзость предъ Господомъ.

Счастье наше, что Господь надѣлилъ Русскій народъ мягкимъ, чистымъ, впечатлительнымъ и добрымъ сердцемъ. Въ несчастіи онъ сразу почувствовалъ себя виновнымъ. *Стрясаяся* бѣда сразу отрезвила его, всѣ излишества и непотребства оставлены, Народъ сплотился воедино и безропотно пошелъ на великій кличъ Государя, кладя на алтарь Отечества жизнь свою и силы, матеріальную и физическую помощь. Избранники же Божіи,—Государь, Святители, пастыри и учителя церковныя, старцы и старицы и пр. праведники, ихъ же великое множество на Руси, весь оставшійся народъ, ваши отцы и матери, жены и дѣти, братья и сестры,—всѣ единодушно и горячо теперь молятся о преложеніи гнѣва Божія на милость, о спасеніи Руси и вѣрныхъ сыновъ ея, о дарованіи побѣды и мира всего міра. Молитва эта—есть стонъ великой Руси, это покаянный вопль великаго народа съ воздѣтыми руками къ Богу.

Не даромъ св. Церковь воспѣваетъ нынѣ: „Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ чловѣцехъ благволеніе“. Господь зрѣтъ на всѣхъ васъ, полагающихъ души своя за вѣру, Царя и Отечество, и слышитъ многомилліонный вопль—молитву и не замедлитъ даровать землѣ миръ и благоволеніе въ людяхъ. Вы ужъ слышали о славной нашей побѣдѣ надъ турками и разгромѣ ихъ арміи, знаете и о великихъ успѣхахъ въ Австріи нашей арміи, дошедшей до Карпатскихъ горъ; наша армія успѣшно оперируетъ и въ восточной Пруссіи. Здѣсь на нашемъ фронтѣ положеніе наше тоже можно считать побѣднымъ, ибо противникъ выдвинулъ сюда болѣе 2¹/₂ милліоновъ самаго отборнаго войска съ несмѣтнымъ количествомъ большихъ и малыхъ орудій и пулеметовъ при имѣющихся у нихъ аэропланахъ и цеппелинахъ и ужъ два мѣсяца це можетъ продвинуться черезъ живую стѣну Русской арміи. А вѣдь онъ борется не на жизнь, а на смерть. Ему грозитъ полное разореніе и распаденіе государства.

Не забывайте, что у насъ есть и великіе союзники, Господь воздвигнетъ въ скоромъ времени и другіе народы на надменнаго нашего врага.

Будьте только сами богобоязненны и вѣрны Царю и присягѣ. Мужайтесь, крѣпитесь и разите врага! Да пошлетъ вамъ, братцы, Господь крѣпость и силу на одолѣніе врага и сохранить васъ здоровыми и невредимыми!

Священникъ *Василій Ермоловичъ.*

„іордань“ на передовыхъ позиціяхъ.

„Разумѣйте языцы и покаряйтеся, яко съ нами Богъ“.

Молится православная Русь и здѣсь, около великаго кроваваго жертвенника войны, молится въ лицѣ лучшихъ своихъ сыновъ-воиновъ, и не только не забываетъ святыхъ обрядовъ православной церкви, но еще болѣе стремится къ ихъ соблюденію, не смотря ни на какія внѣшнія, казались бы, непреодолимые, препятствія.

Въ этомъ религіозномъ стремленіи русскому воину всегда приходять навстрѣчу его начальники и отецъ духовный—полковой священникъ. Они даже во время кратковременныхъ стоянокъ на позиціи всеми мѣрами изыскиваютъ мѣсто и время богослуженія, создаютъ подобающую для молитвы обстановку, заботятся о томъ, чтобы смѣнившійся съ тяжелой службы передовыхъ постовъ православный воинъ могъ увидѣть дорогіе его сердцу лики святыхъ угодниковъ, теплящихся свѣчи, послушать тихое умиленное пѣніе, ясное, съ чувствомъ, чтеніе,—словомъ все то, что размягчаетъ душу, настраиваетъ мысли на молитвенный ладъ и помогаетъ войти въ общеніе съ Богомъ.

Р. пѣхотный полкъ занималъ позицію по обѣимъ берегамъ рѣки Дунайца, у м. Жабно. Австрійскіе окопы находились отъ нашихъ въ разстояніи какихъ-нибудь 300 шаговъ.

Настало время такъ называемаго „позиціоннаго сидѣнія“, съ присущимъ этому сидѣнію непрестаннымъ артиллерійскимъ, ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ, съ взаимнымъ бросаніемъ въ окопы ручныхъ гранатъ, съ пусканіемъ свѣтящихся ракетъ, съ обшариваніемъ неба пытливыми лучами прожектора, съ злобще гудящими аэропланами и проч.—Обѣ стороны зорко слѣдили другъ за другомъ, стараясь перехитрить одинъ другого въ изысканіи различныхъ приѣмовъ усыпить бдительность противника, утомить его, подорвать его физическія и моральныя силы. Нерѣдко и самое м. Жабно, гдѣ находился полковой резервъ, гдѣ былъ расположенъ штабъ полка и отдыхали смѣнявшійся съ передовой позиціи роты, австрійцы обстрѣливали изъ своихъ тяжелыхъ орудій и хотя не причиняли вреда нашимъ войскамъ, но наносили страшное разрушеніе мирнымъ жителямъ м. Жабно. Послѣднее въ полномъ смыслѣ этого слова представляло развалины, и лишь десятокъ-другой наполовину уплѣтѣвшихъ зданій давалъ пріютъ нашимъ войскамъ, держа ихъ, однако, подъ постоянной угрозой бомбардировки тяжелыми снарядами. Въ одномъ изъ полуразрушенныхъ зданій, вблизи разбитаго австрійскими снарядами костела, по которому противникъ такъ любить пристрѣливаться, была устроена, заботами полкового священника, о. Александра Романкевича, походная церковь, гдѣ каждый праздникъ и подъ праздникъ о. Александръ и совершалъ богослуженіе.

Наша армія готовилась къ новому энергичному наступленію. На р. Дунайцѣ были построены мосты, которые австрійцы все время держали подъ обстрѣломъ изъ своихъ окоповъ, дѣлая для насъ движеніе съ позиціи и на позицію весьма опаснымъ. И не мало жертвъ убитыми и ранеными дали эти мосты.

Черезъ нихъ, для безопасности, приходилось двигаться только ночью, и то бѣгомъ; но и въ такихъ случаяхъ не всегда удавалось пробраться черезъ нихъ безнаказанно, ибо ширина Дунайца достигала здѣсь до 150 шаговъ, а легкая конструкція мостовъ не давала возможности двигаться по нимъ бѣгомъ большими партіями. Иногда австрійцы обстрѣ-

ливали наши мосты изъ своихъ полевыхъ и тяжелыхъ орудій,—однако, безъ вреда для насъ. Такова была обстановка жизни Р. полка въ теченіе болѣе мѣсяца.

На праздникъ Рождества Христова и на Новый годъ въ походной церкви Р. полка совершались обычныя богослуженія, на которыхъ присутствовало всегда такъ много желающихъ помолиться чиновъ Р. полка и другихъ ближайшихъ частей, что нѣсколько комнатъ, приспособленныхъ для походной церкви, съ трудомъ могли вмѣстить всѣхъ молящихся. Почти на каждомъ богослуженіи можно было видѣть и кого-либо изъ мѣстныхъ обывателей-католиковъ, усердно, съ слезами на глазахъ, возносящихъ молитву Господу въ необычной для нихъ походной обстановкѣ православной военной церкви.

Но вотъ приближался праздникъ Богоявленія Господня, тотъ праздникъ, когда у насъ на Руси-Матушкѣ, по освященному издревле православной Русской церковью обычаю, совершается крестный ходъ на рѣку для освященія воды. И религиозное чувство православнаго Русскаго воина какъ-то не могло примириться съ тѣмъ, что при настоящемъ расположеніи полка, вблизи такой довольно большой рѣки, какъ Дунаецъ, освященіе воды, „Иорданъ“, не можетъ быть совершенно на рѣкѣ. Болѣе всего, конечно, такая мысль волновала полковаго священника о. Александра Романкевича, привыкшаго въ теченіе своей многолѣтней духовно-пастырской дѣятельности совершать въ этотъ день, 6 января, освященіе воды на рѣкѣ, на льду, при здоровомъ русскомъ морозѣ.

Почтенный о. Александръ, всегда такъ близко принимавшій къ сердцу всѣ религиозныя нужды нашего воина, прямо-таки терзался мыслию о невозможности совершить чинъ освященія воды 6 января подобающимъ празднику образомъ и въ умѣ своемъ изыскивалъ различные способы для того, чтобы обставить богослуженіе возможно торжественнѣе, возможно болѣе приблизивъ его къ обычному, совершаемому въ этотъ день всюду на Руси водосвятію. Мысль о томъ, что богослуженіе и чинъ освященія воды возможно совершить на самой передовой позиціи, на берегу рѣки Дунайца, казалось, едва ли даже могла придти кому-либо въ голову, такъ какъ не только сама позиція постоянно обстрѣливалась противникомъ, но и обстрѣливались, главнымъ образомъ, всѣ мосты, ведущіе на позицію и, кромѣ того, вся мѣстность въ тылу, вплоть до самаго м. Жабно.

Высказанная какъ-то о. Александромъ въ кругу своихъ друзей мысль, что не дурно было бы когда-нибудь совершить богослуженіе на самой позиціи и посмотреть, какъ къ этому отнесутся австрійцы, различно комментировалась, конечно. Но большинство высказалось въ томъ духѣ, что незачѣмъ въ этомъ случаѣ подвергать опасности жизнь солдатъ и офицеровъ, да едва ли и самъ батюшка согласился бы совершать службу тамъ, гдѣ постоянно свистятъ пули и куда добраться можно лишь по открытой, обстрѣливаемой противникомъ, мѣстности, съ опасностью для жизни. „Что можетъ случиться, если, допустимъ, вокругъ священника соберется рота-другая солдатъ и офицеровъ, а противникъ, обнаруживъ въ этомъ мѣстѣ наше присутствіе, откроетъ по насъ артиллерійскій огонь“?

И поэтому то, когда вечеромъ 5 января въ полку разнесся слухъ, что завтра богослуженіе будетъ совершенно на самой позиціи, многіе, если не всѣ, сначала этому слуху не повѣрили. Такъ всѣмъ казалось это невѣроятнымъ. А между тѣмъ это такъ и случилось... О. Александръ, терзаемый мыслями о кажущейся невозможности совершить богослуженіе

на р. Дунайцѣ и желая найти исходъ своимъ чувствамъ, будучи въ душѣ своей всегда готовымъ совершать службу на позиціи, не смотря ни на какія пули и шрапнели (вѣдь совершалъ же онъ и совершаетъ требы на позиціи, подъ огнемъ, напутствуетъ тяжело раненыхъ, не разъ бывалъ и подъ пулями и подъ артиллерійскимъ огнемъ), обратился къ командующему полкомъ, подполковнику Рафальскому, и высказалъ ему все, такъ волновавшія его мысли по поводу предстоящаго праздника Крещенія, и не только не умолчалъ о возможности или, вѣрнѣе, желательности богослуженія на позиціи, но какъ истинный и неустрашимый пастырь церкви православной, готовый во всякую минуту „животъ свой положить за други своя“, выразилъ полную готовность совершить богослуженіе и освященіе воды 6 января на самой позиціи, если, разумѣется, не будетъ препятствій съ какой-либо другой стороны. И вотъ, къ своему полному утѣшенію и радости душевной, с. Александръ не только встрѣтилъ сочувствіе со стороны командующаго полкомъ, но послѣдній, взвѣсивъ и оцѣнивъ существующую обстановку на позиціи и то высокое моральное воздѣйствіе, какое можетъ оказать на православныхъ русскихъ воиновъ богослуженіе на самой позиціи, притомъ въ такой великой русской праздникъ, какъ Крещеніе, категорически приказалъ: „Завтра, 6 января, богослуженіе и освященіе воды совершить на самой позиціи, на лѣвомъ берегу рѣки Дунайца“. И вотъ, въ результатъ, вечеромъ 5 января въ полку было объявлено такое приказаніе командующаго полкомъ: „Завтра, 6 января, по случаю праздника Богоявленія Господня, въ 9 часовъ утра будетъ совершено богослуженіе въ предмостномъ укрѣпленіи, на лѣвомъ берегу Дунайца, между малымъ и большимъ мостами, и освященіе воды въ р. Дунайцѣ. Къ этому мѣсту въ окопы соберутся пѣвчимъ; остальнымъ людямъ, укрѣпивъ наведенныя винтовки на брестверахъ и назначивъ въ каждомъ отдѣленіи по наблюдателю за противникомъ, прислушиваться къ пѣнію, и когда поются извѣстныя молитвы—подтягивать. Послѣ многолѣтія пропѣть „Боже Царя храни“. На правомъ берегу Дунайца, въ окопахъ, у вала, помѣстится хоръ музыки и свободнымъ ротамъ резерва. Богослуженіе они будутъ слушать изъ окоповъ. Послѣ многолѣтія музыкантамъ, сидя въ окопахъ, играть „Боже Царя храни“. Въ случаѣ, если противникъ откроетъ огонь, отразить огнемъ; поручику К. своевременно передать по телефону со станціи артиллерійскаго наблюдателя объ открытіи огня по стрѣляющему противнику. Прапорщику Ш. распорядиться приготовить мѣсто для богослуженія у самыхъ окоповъ и высыпать пескомъ проходъ къ рѣкѣ для подхода къ ней священника. На богослуженіи присутствовать всѣмъ баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ и прочимъ офицерамъ баталіоновъ и ротъ, находящихся въ резервѣ; остальнымъ офицерамъ быть при своихъ ротахъ въ окопахъ“.

О томъ, что въ Р. полку 6 января будетъ совершено богослуженіе на р. Дунайцѣ, было донесено начальнику дивизіи, въ результатъ чего штабъ дивизіи разослалъ такое приказаніе: „Завтра, 6 января, въ 9 ч. 30 м. утра, священникомъ Р. полка будетъ совершено богослуженіе и освященіе воды въ р. Дунайцѣ. Начальникъ дивизіи приказалъ оповѣстить объ этомъ все части боевой линіи на случай открытія противникомъ огня изъ пулеметовъ и ружей. Артиллерія заранѣе навести орудія на с.с. Бискупице и Вульку, съ тѣмъ, чтобы при первыхъ же звукахъ непріятельскихъ пулеметовъ, погасить ихъ огнемъ“.

Настало утро 6 января. Погода была пасмурная, снѣгу совершенно не было; морозъ едва-едва доходилъ до одного градуса. Рѣка Дунаецъ

даже и намека не давала на замерзаніе. Сейчасъ же за м. Жабно, въ полуверстѣ, не болѣе, вдоль праваго берега рѣки, тянется валь, насыпанный когда-то въ противодѣйствіе разливу рѣки. Точно такой же валь тянется на лѣвомъ берегу. По этому послѣднему валу были устроены наши передовые окопы, возлѣ которыхъ и должно было совершаться богослуженіе, на площадкѣ, усыпанной пескомъ и заботливо убранной зелеными еловыми вѣтками. Къ назначенному времени всѣ были на своихъ мѣстахъ, благополучно, хотя и подъ свистъ пуль, перебравшись по одному изъ мостовъ на лѣвый берегъ Дунайца. Здѣсь же, при командующемъ полкомъ, находилась и полковая святыня—знамя. Появился небольшой столикъ, покрытый бѣлой парчой. О. Александръ облачился въ ризу, раздалась команда „на молитву! шапки долой!“ и богослуженіе началось.

Послѣ возгласа священника, вмѣсто положенныхъ начальныхъ тропарей, хоръ пѣвчихъ, состоящій изъ нижнихъ чиновъ, стройно и торжественно пропѣлъ: „Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покаяйтесь“. Затѣмъ началось чинопослѣдованіе великаго освященія воды, подъ свистъ непріятельскихъ разрывныхъ пуль... Воины истохо крестились, многие все время молились на колѣняхъ. Но вотъ хоръ загѣлъ: „Гласъ Господень на водахъ“ и священникъ медленно и чинно направился къ рѣкѣ, отстоявшей шагахъ въ 40 отъ мѣста богослуженія. За священникомъ послѣдовали командующій полкомъ и прочіе офицеры. Погрузивъ троекратно Св. крестъ въ быстро протекавшія воды Дунайца, съ пѣніемъ „Во Иорданѣ крещающуся Тебѣ Господи“, о. Александръ такъ же медленно прослѣдовалъ обратно къ площадкѣ, гдѣ затѣмъ провозгласилъ многолѣтіе ДЕРЖАВНОМУ ВОЖДЮ Русской арміи ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, Верховному Главнокомандующему и Всему ЦАРСТВУЮЩЕМУ ДОМУ, Святѣйшему Синоду, Архіепископу Вольянскому, Житомирскому и Галицкому, Пресвященному Евлогію, и мощно раздалось „Многая лѣта, многая лѣта“. Послѣ этого была возгласена „вѣчная память“ всѣмъ христіанамъ, „на брани животъ свой положившимъ“.

Раздалось торжественное, за душу трогающее пѣніе „Вѣчная память“; всѣ присутствующіе опустили на колѣни. Затѣмъ снова „Многолѣтіе всему Всероссийскому побѣдоносному воинству и всѣмъ христіанамъ“. Присутствующіе приложились ко Св. кресту, священникъ окропилъ св. водой полковое знамя и всѣхъ предстоящихъ; при пѣніи „Во Иорданѣ крещающуся“ и „Спаси Господи“ обошелъ ближайшіе окопы, окропляя св. водой нижнихъ чиновъ и давая имъ прикладываться къ св. кресту. Кончилось богослуженіе. Раздалась команда—„Накройсь“. Командующій полкомъ провозгласилъ здравіцу за ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, троекратно прокричали дружное, могучее, Россійское „Ура“; музыка съ другаго берега трижды исполнила „Боже, Царя храни“. Затѣмъ всѣ присутствовавшіе на богослуженіи, прежнимъ порядкомъ, быстро перешли Дунаецъ по опасному мосту и подъ звуки марша „Вдали отъ родины“ весело и бодро, чувствуя необыкновенную легкость на душѣ, отправились по домамъ.

Какъ же вель себя противникъ во время богослуженія? Объ этомъ лучше всего говорить слѣдующее краткое официальное извѣщеніе, такъ называемая „Сводка“. „6 января, съ утра, на всемъ фронтѣ арміи началась обычная ружейная и артиллерійская перестрѣлка. Въ районѣ N пѣхотной дивизіи, на Дунайцѣ, близъ Конарской переправы, было отслужено богослуженіе съ водосвѣтіемъ, съ началомъ котораго австрійцы совершенно прекратили стрѣльбу. Когда же по окончаніи богослуже-

нія было провозглашено громкое „Ура“ въ честь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, то изъ австрійскихъ окоповъ *также отвѣтили громкимъ „Ура“*.

Итакъ, даже на кровавой нивѣ, въ борьбѣ съ вѣроломнымъ врагомъ Родины, „съ крестомъ въ сердцѣ и съ желѣзомъ въ рукахъ“ нашъ православный Русскій воинъ—сѣрый герой, живетъ по заповѣдямъ Божиимъ, и претворяя въ дѣло самыя наивозвышеннѣйшіе завѣты ученія Христова—„Любовь къ ближнему и милосердіе къ врагу“, не забываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и дѣлѣ благочестія и молитвы.

Слава тебѣ, русскій воинъ-герой! Покарайтесь ему языцы, яко съ нимъ Богъ!

Владимиръ Гукъвъ.

Галиція.

1 февраля 1915.

Съ войны.

Письмо третье.

Наконецъ то собрался я съ силами, чтобы описать тебѣ тотъ день, впечатлѣнія отъ котораго, какъ я упоминалъ тебѣ, не изгладятся на всю мою жизнь! Да, про этотъ день можно сказать словами Надсона: „Какъ мало прожито, какъ много пережито!..“

Еще ночью шли на перевязочный пунктъ къ намъ легко раненные. Ночь была темная. Потому тяжело раненныхъ не могли доставлять. Ружейный огонь не утихалъ ни на минуту. Иногда къ нему присоединялись пулеметы, и за ними, чрезъ головы наши, артиллерія посылала свои снаряды. А на встрѣчу имъ летѣла непріятельская шрапнель и непрерывно жужжали пули. Перевязочный пунктъ былъ въ 13-ой школѣ. Здѣсь же, въ комнатѣ учителя, я и врачи спали на соломѣ. Но какой это сонъ! Врачи часто выходили въ классъ, когда слышны были шаги вновь прибывшихъ. Вставалъ и я, чтобы узнать, не нужно ли тамъ и мое присутствіе. Дотянули такъ до утра. Утромъ огонь до того усилился, что нельзя было добраться до командира полка. И въ предшествующіе два дня, судя по количеству раненныхъ, убыль въ полку была велика, но сегодня несравнимо большая. Несутъ ихъ, идугъ—безъ конца. И чего въ тѣ дни не было—это такой большой убыли въ офицерскомъ составѣ.

Прибѣгаетъ утромъ къ намъ лазаретный служитель и сообщаетъ: „начальника пулеметной команды несутъ!“ Это особенно взволновало насъ. Начальникъ пулеметной команды—нашъ общій другъ. Съ нами,—со мной и врачами, и жилъ онъ на походѣ. Онъ любимецъ всѣхъ въ полку, рыцаремъ благороденъ, испытанной храбрости. До сихъ поръ пуля его щадила. А онъ какъ будто смѣялся надъ ней, фатально подставляя себя въ самыя опасныя мѣста. Храбростью своего начальника прониклась вся команда пулеметчиковъ, и слава о нихъ гремѣла... Помню, послѣ Вислинскихъ боевъ начальникъ дивизіи, поблагодаривъ полкъ за отличную работу, подѣхалъ къ начальнику пулеметной команды и, пожимая его руку, сказалъ: „а вамъ особенная благодарность!..“

И вотъ нашего милаго Владимира Васильевича несутъ!.. Принесли, поставили носилки. Лежитъ онъ и почти не дышитъ. Гдѣ же рана? Не раненъ, а оглушенъ близко разорвавшимся снарядомъ. И дивно!—Одиннадцать шрапнельныхъ пуль продырявили его шинель, но его не коснулись... Врачи распорядились открыть двери,—устроили сквознякъ, при-

мѣнили искусственное дыханіе, и взкорь изъ груди Вл. Вас. вырвался глубокой вздохъ и... полились рыданія... Слезы у того офицера, который всегда съ пѣсенкой и шуткой шелъ въ бой! „Но онъ, съ сожалѣніемъ говорятъ врачи, въ полусознаніи...“ Такимъ чрезъ полчаса увезли его на фурманкѣ (такъ называется мѣстная телега). Всклипыванія его не уменьшались ни на минуту. Плачетъ и Павель-деньщикъ, безконечно преданный своему барину и теперь его сопровождающій. „О, если-бы обошлось безъ психической травмы“, высказываютъ въ догонку желанія доктора. „Помоги, Господи, перенести ему эту болѣзнь и вернуться опять въ полкъ“, присоединилъ и я свое желаніе. Долго мерещился мнѣ Влад. Вас., и почему то запечатлѣлась такая мелочь, какъ плитка шоколада, высывавшаяся изъ обшлага лѣваго рукава шинели...

Не успѣли отправить „пулеметчика“, какъ доставили другого молодого офицера. „Господи, какъ васъ разукрасили, Михаилъ Артемьевичъ! Но, кажется, не опасно?“— „Двѣ, три, четыре; и тутъ?—Пять ранъ“, говоритъ осматривая раненаго врачъ, „не считая вотъ этой царапины“, показывая на скулу, изъ которой сочится кровь.— „Но онъ молодцомъ держится“, отвѣчаю я. „Смотрите какое самочувствіе,—даже можетъ безъ поддержки стоять!“ Раненый улыбается... „Батюшка, у меня къ вамъ просьба“, чрезъ минуту говоритъ онъ. „Напишите письмо моеи сестрѣ“. Тутъ же, стоя около раненаго, я пишу открытку и обѣщаю немедленно отправить ее.

Въ это время съ шумомъ открываются обѣ половинки наружныхъ дверей, и санитары вносятъ раненаго. Опять офицеръ-капитанъ К—инъ. Нѣсколько дней тому назадъ, когда я подъ открытымъ небомъ служилъ всенощную, онъ управлялъ хоромъ пѣвчихъ. Съ нимъ я любилъ разговаривать на походѣ. Незамѣтно очутились вмѣстѣ, и всегда готова содержательная тема для разговора. Можетъ быть потому много сродныхъ темъ было, что одно время онъ готовилъ себя въ священники. Но судьба иной жребій сулила ему... Врачи занялись раненымъ. „Сквозныя пулевья раненія въ грудь и лѣвую ногу“,—диктуетъ мнѣ врачъ, для записи въ санитарную тетрадь. Обычно, я это дѣлалъ, чтобы не отвлекать отъ работы одного изъ фельдшеровъ. „Михаилъ Захарьевичъ, голубчикъ, узнаете меня?“—наклоняясь къ раненому, спрашиваю я.— „Ба-тюш-ка... ты-же-ло!“— „Во всемъ воля Божія! Можетъ причаститься желаете?“— „Не-мно-го по-го-ди-те“... Черезъ пять минутъ онъ впалъ въ безсознаніе и сталъ метаться. Я началъ читать отходную. И тихо скончался онъ. Такъ тихо, что мы, стоя вокругъ его, не замѣтили этого страшнаго момента. Отнесли его, какъ онъ былъ принесенъ на носилкахъ, въ передній уголъ и прикрыли лицо шерстянымъ платкомъ.

Опять несутъ офицера! Безъ сознанія лежитъ К. М. Ф—ль, командиръ IV баталіона, раненый въ животъ. Опять молитвою провожаю умирающаго. На колѣняхъ стоятъ врачи, со слезами молятся адъютантъ полка, пробѣздомъ заглянувшій на перевязочный пунктъ. Всему есть предѣлъ!—Слезы душатъ и меня, подступаютъ къ горлу, и слова молитвы застреваютъ въ глоткѣ... А въ это время ручной голубь учителя порхаётъ надъ головой умирающаго. Моментъ потрясающій... Тихо отошелъ въ иной мѣръ Константинъ Михайловичъ, рѣдкостной доброты человекъ... Извѣстилъ я о кончинѣ двухъ капитановъ командира полка, прося его распоряженій о похоронахъ. И взявъ санитаровъ, пошелъ некатъ мѣсто для могилы. Выбралъ въ школьномъ саду, въ уголку,— въ концѣ дорожки.—Думаю, учитель, какъ любитель цвѣтовъ, вижу я

это по уцѣлѣвшимъ отъ лѣта клумбамъ, не забудеть и на могилу насадить цвѣточковъ. Но мѣсто пришлось перемѣнить. Учитель увѣрилъ, хотя я въ началѣ по извѣстнымъ причинамъ съ недоувѣріемъ отнесся къ его словамъ, что выбранное мѣсто сырое. „Въ этомъ вы убѣдитесь, говорить онъ, когда выкопаете могилу.“ Взобрался я тогда на гору около школы и здѣсь, у дороги, въ полѣ, приказалъ рыть могилу. Распорядился послать за досками—гроба мастерить. „Не найдете нигдѣ досокъ, оторвите воть отъ этого сарая. Предупредите „пановъ“, что за доски уплатимъ“,—давалъ я инструкции санитарамъ и лазаретнымъ служителямъ.

Вернулся на пунктъ,—полно раненыхъ. Среди нихъ офицеръ, но не нашего полка и даже дивизіи. Испытываетъ онъ ужасныя боли въ перешибленной кости ноги,—ни шевельнуться. „Батюшка, куда меня отсюда отправить?“ спрашиваетъ онъ.—„Въ нашъ дивизионный госпиталь, капитанъ“.—„А нельзя ли въ нашъ полкъ“.—Голубчикъ, капитанъ, прежде всего, видите, что тутъ дѣется,—подводъ не хватаетъ. А, во вторыхъ, куда васъ везти? Не на позицію же? А найти перевязочный пунктъ вашъ не легко. Да иска разыскиваешь, опять подвезешь васъ подъ пулю“... Уговорилъ. Черезъ 5—10 минутъ опять подзываетъ меня. „Охъ, батюшка, боль страшная“!..—„Ну, капитанъ, вы еще дешево отдѣлались. Живы остались. Вотъ сзади васъ лежатъ наши два капитана,—ихъ судьба печальнѣе“... Съ трудомъ повернулъ назадъ капитанъ свою голову, молча посмотрѣлъ на мертвыхъ и успокоился...

А огонь все усиливается. Вой принимаетъ напряженный характеръ. Пули частенько ударяютъ въ школьное зданіе. Сейчасъ ранило въ руку вышедшаго фельдшера. Часъ тому назадъ въ сѣни-корридоръ залетѣла другая и ранила какого то солдата. Зачѣмъ онъ, сердечный, зашелъ сюда?—Богъ это знаетъ...

— „Эхъ, какъ вы, хлопцы, копошитесь! Сколько времени одинъ гробъ дѣлаете! Ну, развѣ есть время пилить доску продольно? Давай топоръ. Вотъ, смотри какъ! А ты гвозди длинные береги,—немного ихъ у тебя. Давай сюда подковный. Ты, Малышъ, кресты смастери. Возьми кругляша два; а вотъ эту дощечку перепили пополамъ и принеси въ школу,—на нихъ сдѣлаю надписи. А какъ, надзиратель, могила?—Скоро вырываютъ, батюшка.—Ну, когда все будетъ готово,—доложите“.

— „Что тамъ въ халупѣ за ревъ“? Бѣгу посмотрѣть. Вхожу въ домъ,—женщины и дѣти плачуть.—„Ну, чего вы? Вчера не боялись, а сегодня ревъ подняли“!—„Барзо тчалиють, пане“—сквозь слезы говорить баба.—„Да вѣдь это наши арматы! Поняли?—Наши“! со смѣхомъ говорю я. Успокоились. И правда смѣшно.—Боятся больше своихъ орудіиныхъ выстрѣловъ, чѣмъ непріятельскихъ. Поставили у деревни нѣсколько батарей нашихъ. А нужно сказать, наша трехдюймовка бьетъ очень рѣзко. Вотъ свои выстрѣлы и кажутся страшнѣе, тѣмъ болѣе, что они подъ самымъ ухомъ. Пришлось заходить и еще въ двѣ—три халупы успокаивать перепуганныхъ поселянъ...

— „Батюшка, причастить нужно“,—прибѣгаетъ съ пункта солдатикъ. Иду быстро въ школу. „Дзинь“ пролетѣла пуля, но уже на излетѣ, и шлепнулась въ землю. А вотъ и еще, и еще... „Пронеси, Господи, мимо“!.. Причастить солдатика, записалъ перевязанныхъ. „—Батюшка, васъ старшій врачъ просить. На заднемъ крыльцѣ онъ“. Иду.—„Вотъ посмотрите, батюшка, кто это—по горѣ ползуть? Не австрійцы? Возмите бинокль“. „Ну, какіе австрійцы“!.. говорю я. А самъ вижу, что обликъ не нашихъ солдатъ. Но какъ же съ этой стороны очутился про-

тивникъ? думаю я. Неужели прорывъ?.. Начинаю торопить своихъ хлопцевъ. Ну, вотъ и готово. „Но пронести трудно,—пули такъ и свистятъ“, говоритъ лазаретный надзиратель.—„Придется намъ перейти на тотъ край деревни, гдѣ фольваркъ (—имѣнье помѣщика)“, говоритъ старшій врачъ и отдастъ соответствующія распоряженія.

Распорядился я гробы отнести къ могиламъ, а покойниковъ нести туда на носилкахъ. Одѣлъ епитрахиль, взялъ кадило, и процессія тронулась... Съ пѣніемъ „Святый Боже“... вышли изъ школы, понесли по дорогѣ. Только стали подниматься въ гору,—шрапнелью засыпало насъ. Бросили покойниковъ, распозлись по канавамъ, кто за бугоръ, ища прикрытія. Слава Богу, еще благополучно!.. Огонь по намъ не прекращается. Жарить противникъ „очередями“ (т. е. быстро одинъ за другимъ, но не залпомъ, выпуская снаряды изъ орудій всей батареи). Что за причина? Одинъ изъ солдатиковъ даетъ объясненіе. „Видно, батюшка“, лежа въ канавѣ рядомъ со мной, говоритъ онъ, „видно усмотрѣли свѣжую землю могилы, ну, и думають, что здѣсь артилерія наша“. Пожалуй, что и такъ. „Ишь ты гдѣ шлепнулся стаканчикъ! Этотъ пострашнѣе всякой пули,—трахнеть, такъ костей не собратъ“, говоритъ другой мой сосѣдь по канавѣ. Лежать надоѣло. „А что хлопцы“, говорю я. „Такъ до вечера пролежишь! Давайте-ка лучше укараулимъ, какъ разорвется вся очередь до послѣдней шрапнели, быстро перенесемъ капитановъ, вонъ, въ ту халуу. Успѣемъ, пока заряжаютъ“... Такъ и сдѣлали. Бѣгомъ съ ношей къ халуу. Но вотъ горе—не повернуть носилокъ изъ сѣней въ халуу. Поставили въ сѣняхъ. Рѣшилъ я тутъ и отпѣть. Поставилъ въ углу икону Владимирской Божіей Матери. Ее я взялъ изъ полуразрушенной церкви Ново-Александрійскаго сельско-хозяйственнаго Института. Зажегъ предъ нею восковую свѣчу и началъ чинъ погребенія. Импровизированный хоръ изъ санитаровъ удивительно хорошо пѣлъ. Малороссы мастера на это!.. Въ самую торжественную минуту, когда я читалъ молитву прощальную, отъ близко разорвавшагося снаряда задрожали стѣны халуу, заколебалось пламя свѣчи. Взглянулъ я въ этотъ моментъ на икону и жутко-жутко стало... Показалось мнѣ, что изображенный на иконѣ Младенецъ, не по любви къ Своей Матери, прижимается къ Ней, а страха ради, что отображается на Его Ликѣ. Боже, подумалось мнѣ, и Спасителя устрашили дѣянія людскія!..

Отпѣлъ и поставилъ санитаровъ на дежурство, чтобы голодные собаки не прокрались къ трупамъ. „Только въ послѣдній моментъ отступленія нашихъ можете и вы уходить. А будетъ все благополучно, когда стемнѣетъ, я приду хоронить“. Пошелъ я на новый перевязочный пунктъ. Работаютъ, не покладая рукъ, врачи и фельдшера... „Суцу позѣ“ отправился погребать. Огонь стихъ. Съ пѣніемъ литіи принесли отпѣтыхъ къ могиламъ, положили въ гроба и опустили въ могилу. „Господня земля и исполненія ея... Да будетъ земля пухомъ для васъ“, произнесъ я, посыпая могилу землей. Перекрестясь, и санитары бросили въ могилу по горсти земли и стали ее засыпать. Сверху сдѣлали два холмика бугра и поставили надъ каждымъ крестъ.

Стемнѣло. Трудно было пройти по грязной улицѣ деревни. Два раза обрывался я въ канаву. Разъ упалъ въ грязь. Всегда, когда нужно, чѣтъ своего фонарика подъ рукой. Вотъ и освѣщенные окна фольварка. „Дзинъ“—передъ носомъ прощѣла пуля. Не успѣлъ отшатнуться назадъ—сзади другая. „Вотъ“, говорю, прийдя въ столовую помѣщичьяго дома, гдѣ за столомъ сидѣло нѣсколько человѣкъ, „двѣ пули догоняли

меня, да успѣлъ удрать“. — „Нашъ батюшка скоро бѣгаетъ, — всегда убѣжить“, шутить завѣдующій оружіемъ.

— „Ну, нѣтъ, Николай Андреевичъ, отъ той пули, которая для тебя предназначена, не убѣжишь и съ длинными ногами. Убѣжалъ сейчасъ, значить — не мой онъ“!.. Вымылся я, сѣлъ чай пить.

Завѣдующій оружіемъ отправился къ командиру — сдѣлать докладъ о патронахъ. Теперь тише огонь, — можно пробраться. Черезъ полчаса, не болѣе, прибѣгаетъ молодой офицеръ-артиллеристъ, при моемъ входѣ на игрывавшей на міанинѣ Торреадора, и сообщаетъ, что несутъ Николая Андреевича, — раненъ въ ногу. Не хочется вѣрить! Вѣдь только что былъ съ нами!.. Нервы переработали, — вмѣсто сочувствія, смѣхомъ встрѣчаю я раненаго. Смѣется и онъ сквозь слезы. „Не то страшно, батюшка, что раненъ: я думалъ, что въ грязной канавѣ умирать придется. Темно. Слышу, — кто то ѣдетъ. Кричу — прошу помочь“. — Не можемъ, отвѣчаютъ, веземъ хлѣбъ на позицію. — „Кое какъ доползъ до людей“... — „Ну, рана не опасная, — въ мякоть“! говоритъ врачъ.

„Поклонъ въ Кіевѣ всѣмъ, Ник. Андр.! Уфъжайте-ка сейчасъ, фурманка у васъ есть. До утра оставаться не стоитъ. Богъ знаетъ, что еще будетъ“... Перевязали, закутали и отправили.

Но этимъ еще день не закончился. Сидимъ за столомъ — новое явленіе. Входитъ командиръ III баталіона капитанъ Ж. к. Лицо въ крови. „Что съ Вами Иванъ Степановичъ?“ встрѣчаемъ его. — „Да вотъ Богъ спасъ! Пуля въ кокарду попала и отлетѣла. Чуть только лобъ окровянило. Могу теперь гордиться своимъ крѣпкимъ лбомъ“... Шутка капитана встрѣчена была смѣхомъ всѣхъ присутствующихъ. Усадили его и стали чаемъ поить.

Ну, и денекъ! Смѣхомъ его кончили, но сквозятъ черезъ него слезы... А что день грядущій намъ готовить?! Пока есть возможность, будемъ спать. На полу лежали матрацы, принесенные услужливой домоправительницей (владѣльцевъ фольварка не было, — въ бѣгахъ). Не снимая грязныхъ сапогъ, ложимся и одинъ за другимъ крѣпко засыпаемъ.

Вотъ, другъ, то, что пережито за одинъ день! Да еще здѣсь не все!.. Но слѣдующій день былъ еще тяжелѣе! Можеть соберусь и о немъ рассказать.

Письмо четвертое.

„Ваше мѣсто во время боя на перевязочномъ пунктѣ, гдѣ одни нуждаются въ напутствіи, другіе — въ утѣшеніи. И безъ особой надобности въ окопъ не лѣзьте. Зачѣмъ понапрасну подвергать свою жизнь опасности? Вы нужны, вы — одинъ въ полку, и, въ случаѣ вашей убыли, замѣнить скоро васъ не кѣмъ. Вотъ когда потребуется ваше участіе тамъ, — впереди, будьте готовы исполнить и этотъ высокій долгъ...“ Такими напутствіями провожалъ меня въ дѣйствующую армію главный священникъ.

Да, долгъ высокій — идти съ крестомъ въ рукахъ впереди атакующихъ! Но не на долю каждаго выпадаетъ счастье совершать такой красивый, именно — красивый подвигъ. Вотъ идетъ сильный бой. Я, захвативъ съ собой крестъ и епитрахиль, по нѣсколько разъ въ день навѣдываюсь къ командиру, — не будетъ ли общей атаки. Телефонъ ежеминутно гудитъ (гудитъ, а не звонитъ; звукъ полевого телефона напоминаетъ игрушечный рожокъ). То командиръ баталіона сообщаетъ, что непріятель насѣдаетъ на нашъ лѣвый флангъ. И сейчасъ же по телефону отдается

распоряженіе о вызовѣ изъ резерва двухъ ротъ для подкрѣпленія нашего лѣваго фланга. Туда же посылается изъ другого пункта пулеметь. То наводитея справка о количествѣ патроновъ на позиціи. То сообщаютъ артиллеріи о необходимости обстрѣлять такіе-то пункты. То отдается распоряженіе,—когда стемнѣетъ, прислать людей изъ ротъ, для доставки въ окопы пищи изъ подвезенныхъ къ штабу полка кухонь. А вотъ вызываютъ къ телефону адъютанта. Требуешь начальникъ штаба дивизіи.— „Ну, что, Николай Петровичъ, зачѣмъ вызывали?“ — „На завтра, въ 9 ч. утра, назначена общая атака. Предварительно—артиллерійская подготовка...“ Значитъ, могу я спокойно пока уходить на свое мѣсто—на перевязочный пунктъ, куда меня давно тянетъ долгъ, такъ какъ вижу я, что идутъ раненые и только что пронесли одного тяжело раненаго.

„Ну что съ нимъ?“ приходя на пунктъ, спрашиваю врача, занятаго перевязкой только что доставленнаго. „Безъ сознанія, батюшка, въ голову раненъ“... Смотрю,—мозгъ наружу вышелъ. Этотъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ. Вотъ и признакъ того—началь метаться, загребаеть рукой... Одѣлъ я епитрахиль и предложилъ присутствующимъ помолиться.. Отнесли потомъ раненаго въ сторону и обыскали. Нашли книжку солдатскую, узнали, кто онъ. А вотъ два письма. Оба отъ жены. Сначала я было ошибся:—подумаль, что пишетъ „предметъ его страсти“. Величаетъ по имени-отчеству, обращаясь съ большою нѣжностью, въ то же время называетъ его на „вы“, пишетъ о своей жаркой любви къ нему... А въ концѣ—„Ваша супруга такая-то“. Прилагается и адресъ новаго мѣстослуженія,—въ прислугахъ у жены офицера, призваннаго въ дѣйствующую армію. Взялъ я открытку и сообщилъ будущей вдовѣ о постигшемъ ее тяжкомъ испытаніи, впрочемъ, не лишая ея послѣдней надежды на благопріятный исходъ...

„Батюшка, въ сосѣдней коморкѣ лежитъ солдатикъ, — онъ васъ зоветъ“, говоритъ мнѣ лазаретный служитель. Иду туда. „Ну, что, родной, скажешь?.. Причаститься хочешь? На хорошее дѣло Богъ тебя надоумилъ! Куда раненъ? Въ животъ? Ну, Богъ милостивъ, справишься!.. Молись Господу! Только не пытайся вставать“.

„Батюшка! у меня къ вамъ есть просьба“, говоритъ другой раненый. „Даль я рубль въ долгъ своему товарищу. Фамилія его Невпадъ. Такъ пусть онъ передастъ этотъ рубль Минѣ Шевченко. А меня зовутъ Карпъ Черновой. Десятой роты мы“.—„Хорошо, другъ, будь спокоенъ! Сдѣлаю такъ, какъ просишь“...

„Давайте-ка, Степаненко, я буду вписывать“, говорю я старшему фельдшеру, отбирая у него санитарную тетрадь. „Вамъ вотъ работа подваливаетъ“, показываю на толпу входящихъ раненыхъ большею частью въ руку. „Ты, голубчикъ, смотри въ сторону, а не на свою рану! Такъ то легче будетъ. Что у него, докторъ“? Докторъ, стоя за спиной раненаго въ руку, поднимаетъ три среднихъ пальца своей лѣвой руки и правой проводитъ энергичный жестъ поперекъ пальцевъ. А, понялъ! „Отбиты фаланги трехъ среднихъ пальцевъ лѣвой руки“, пишу я и, для удостовѣренія въ правильности записи, показываю тетрадь врачу, кивкомъ головы своей подтверждающаго написанное.

— Къ вамъ, батюшка, антелеристъ пришелъ. Говоритъ, что васъ видѣть нужно,—докладываетъ служитель.—Позови его сюда. Ну, что, голубчикъ, скажешь“?—„Такъ что я посланъ за вами командиромъ батареи. Нужно панихиду справить по товарищу нашему“.—„А гдѣ стоитъ батарея ваша“?—„Да вамъ, батюшка, не сыскать. Поѣдьте со мной“.

Распорядился я, чтобы осѣдлали мнѣ коня, и отправился въ путь съ бравымъ бомбардиромъ...

Близко къ позиціи открыть въ этомъ бою нашъ перевязочный пунктъ. Такъ распорядился командиръ полка. Опасно для медицинскаго персонала работать,—пули залетаютъ сюда. Но за то ни одинъ раненый нашего полка не миновалъ своего перевязочнаго пункта. И нѣкогда не соглашусь я со старшимъ врачомъ нашимъ, что, какъ онъ говоритъ,— „перевязочный пунктъ надо ставить въ безопасномъ мѣстѣ. Только при такихъ условіяхъ можно работать спокойно, не нервничая. И раненые охотнѣе пойдутъ, видя, что никакая опасность больше не угрожаетъ имъ. Да и законъ такъ повелѣваетъ“, представляеть докторъ еще аргументъ.—„Да, развѣ при теперешней дальнобойности винтовки и орудій можно уйти отъ опасности“?—возражаю я.—„Не совсѣмъ въ безопасное мѣсто, но относительно безопасное“.—„Ну, и ищите такое мѣсто вблизи позицій, примѣняясь къ мѣстности. По вашему мнѣнію, въ какомъ разстояніи нужно открывать пунктъ,—въ двухъ, дальше—въ трехъ верстахъ отъ позицій? Ну, встаньте вы за три версты. Кто изъ раненыхъ васъ найдетъ? Особенно, если мѣстность пересѣченная горами. А нести такое разстояніе тяжело раненаго—надо полдня потерять четырехъ санитарамъ. Вѣдь ужъ опытъ предыдущихъ боевъ, кажется, достаточно показалъ, кто изъ насъ правъ“!..—Ну, ладно, батюшка, оставимъ споръ, пусть каждый останется при своемъ мнѣніи. Похлопочите-ка лучше о фурманкахъ. Хотѣлось бы къ вечеру очистить пунктъ“.

Иду, разыскиваю „солтыса“ (сельскаго старосту) и запугивая его всѣми страхами ада и законами военного времени, предлагая ему составить списокъ всѣхъ крестьянъ, у которыхъ есть лошади и фурманки, и представить по этому списку всѣ подводки къ перевязочному пункту, для отвоза раненыхъ въ дивизионный лазаретъ. Предупреждаю, что за это „панамъ“ будутъ уплачены „пинѣнзы“. Эхъ, нѣтъ гражданскихъ властей на мѣстѣ! Какъ они нужны въ данное время! Сколько бы они могли помочь, ну, хотя-бы въ дѣлѣ эвакуаціи раненыхъ съ передовыхъ позицій!..

Рано утромъ слѣдующаго дня торопливо иду въ штабъ полка. Что же артиллерія наша слабо дѣйствуетъ? Вѣдь она должна подготовить атаку. Прихожу и въ штабѣ узнаю, что атака отмѣнена, по распоряженію свыше... Разочарованіе полное!.. Десять разъ я ходилъ въ штабъ полка, подвергая себя опасности по меньшей мѣрѣ быть раненымъ. Думалъ, что, наконецъ, долго жданный моментъ насталъ. И напрасныя мечты!.. И опять въ ухахъ моихъ звучатъ слова начальника штаба дивизіи, сказанныя мнѣ послѣ предыдущаго большого боя: „ахъ, батюшка, какъ жаль, что васъ не было съ нами“!.. Это тогда, когда начальникъ дивизіи, при положеніи дѣлъ весьма неблагопріятно сложившихся для насъ, перекрестясь, самъ повелѣлъ въ атаку дивизію и опрокинулъ противника. Да, не было меня тогда тамъ, потому что въ этотъ моментъ нельзя было пробраться къ штабу дивизіи (исключительный случай, когда штабъ дивизіи очутился въ передовой линіи огня),—сплошной дождь свинца. А раньше прибыть туда,—это, значитъ, бросить перевязочный пунктъ, чего я не могъ сдѣлать.

Дождусь ли я такого момента, когда пойду впереди атакующихъ?! Буду жить надеждой! Но не лавры Щербаковскаго не дадутъ мнѣ покоя. И не награды прельщаютъ меня... Останусь живъ,—сознаніе исполненнаго долга дастъ мнѣ удовлетвореніе. И не въ меньшей мѣрѣ будетъ

удовлетворено то эстетическое чувство, которое у меня, не знаю—нормально ли это, находить себѣ пищу и въ такомъ „некрасивомъ“ явленіи, какъ война. Пусть грубый реализмъ снялъ съ войны дымку поэзіи, но не отнять ему тѣхъ *красивыхъ* подвиговъ, которые здѣсь встрѣчаются на каждомъ шагу!..

Письмо пятое.

„Ну, батюшка, опять заработалъ вашъ кодакъ! Еще зарисовали портретѣ? Или видикѣ сняли“?..—„Ахъ, вы о моей книжкѣ записной! Да, чуть что интересное, я и за книжку. Чего только въ ней нѣтъ! Портретовъ—дѣлая галлерей, батальная живопись во всѣхъ тонахъ красной краски. Но больше по части жанра. Жанровыя картины разсѣяны здѣсь на каждомъ шагу. Желаете ознакомиться? Вамъ, какъ недавно прибывшему въ армію, интересно слышать. Ну, что откроется.. Вотъ вамъ жанрикъ“.

Идетъ бой. Пулеметчики на сторожѣ. Это, видите ли, такой родъ оружія, который мало въ дѣйствиі, но каждую, не минуту,—секунду готовѣ. И въ одну минуту своей удачной работы пулеметъ уложитъ сотни людей. Итакъ, наводчикъ на мѣстѣ. Зорко слѣдитъ онъ за моментомъ, когда нужно пустить въ дѣйствиі свою „машину“. Остальные „номера“ тутъ же въ окопѣ. Мѣсто для пулеметовъ выбирается господствующее надъ противникомъ, слѣдовательно самое боевое и опасное. Сидятъ два пулеметчика. Предъ ними только что принесенный обѣдъ. „Вотъ, Петренко“, говорить одинъ изъ нихъ, „убьетъ меня сейчасъ пуля, твое счастье,—доѣдай мой обѣдъ“! Едва успѣлъ сказать „дзинь“—пуля; за дѣла говорившему кончикъ носа—окровянило. „Ахъ, ты, собачья дочь“! срунулся пулеметчикъ, хватаясь за пострадавшій носъ. И тотчасъ, обращаясь къ своему товарищу, съ улыбкой, прежнимъ разговорнымъ тономъ, говорить ему: „а обѣдъ то все-таки я самъ съѣмъ“!..

Или вотъ.—Иду я резервнымъ окопомъ. Не думайте, что резервный,—такъ далекій отъ боя и опасности. И пули свистятъ, и шрапнель рвется. Шрапнель, посылаемая по адресу артиллеріи, усердно нащупываетъ нашу, хорошо скрытую, батарею и временами разрывается надъ резервнымъ окопомъ. А пули—уже на излетѣ и потому хуже тѣхъ, которыя не потеряли силы, такъ какъ „клячуютъ“ въ окопъ, а не мимо мчатся.. Въ окопѣ резервномъ сидитъ дежурная рота. Прохожу я, солдаты отодвигаются,—даютъ мнѣ дорогу пройти. Что такое впереди,—кучкой солдаты собрались? Подхожу и вижу:—въ рукахъ у нихъ засаленныя игральныя карты, и одинъ изъ играющихъ, при общемъ смѣхѣ, набиваетъ другому носъ картой, прикрываемый съ боковъ двумя картами. Увидѣли меня,—общій конфузъ; а послѣ моего шутиватаго замѣчанія—новый взрывъ смѣха.

Ну, какъ вы находите эти картины? Вѣдь въ обоихъ случаяхъ—полное игнорированіе опасности. Въ одномъ случаѣ, видите, интересы желудка на первомъ планѣ, а въ другомъ—обстановка боя уже не можетъ занять ихъ вниманіе, и ощущаемую скуку нужно чѣмъ-нибудь разсѣять. А вѣдь смерть надъ головами виситъ!..

Теперь къ характеристикѣ противника нашего. Рано утромъ получаемъ приказъ выступать. По диспозиціи мѣсто нашего ночлега—Москва. Что такое? Москва?!? Въ Радомской губерніи? Да, такъ называется селеніе. Для нашихъ остряковъ матеріалъ для шутокъ. Но и безъ нихъ, одно сообщеніе о Москвѣ настроило всѣхъ насъ весело... Прошла не-

дѣля. Разъ, на бивакѣ, расположившись на ночлегъ въ школѣ, вспоминаемъ Радомскую Москву. Учитель, слыша нашъ разговоръ, приноситъ Краковскую газету и прочитываетъ намъ торжественное сообщеніе австрійцевъ о занятіи ими Москвы. Вотъ какими обманами подогрѣваютъ патріотизмъ своихъ гражданъ наши противники! „Это еще не все“, говоритъ учитель. „Вы сегодня переходили небольшую рѣчку и, вѣроятно, въ бродѣ,—мосты сломали. Видѣли посрединѣ рѣчки отмель, гдѣ гуся пасутся“? Ну, такъ вотъ эту отмель австрійцы назвали островомъ. И живое воображеніе ихъ на островѣ томъ устроило русскую крѣпость, о занятіи которой напечатали не менѣе громкую реляцію, чѣмъ о Москвѣ.

А вотъ это ужъ и совсѣмъ плохо.—Приходимъ на ночлегъ, въ другую школу. На столѣ лежитъ юбилейная, пятидесятилѣтняя освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, брошюра, предназначенная для раздачи учащимся. Въ этой брошюрѣ всѣ царскіе портреты изрѣзаны, или перечеркнуты. И тутъ же неприличныя надписи на нѣмецкомъ языкѣ по адресу Государя Императора. Въ такой формѣ вылилась безсильная злоба г.г. офицеровъ австрійской арміи. А „некультурные азіаты“—русскіе, я не видѣла, чтобы тронули хоть одинъ портретъ Круля Францишка Юзефа, украшающаго стѣны многихъ крестьянскихъ халупъ завоеванной нами Галиціи и до сего дня.

Желаете что-нибудь изъ портретной живописи?.. Какъ живой встаетъ предо мною образъ русской женщины, своей лаской согрѣвшей насъ голодныхъ и холодныхъ... Стояли мы вблизи Вислы. Нѣмцы недѣлю какъ съ того берега посылаютъ изъ тяжелыхъ орудій снаряды въ мирную Новую Александрію. Накрапываетъ дождь. Дуетъ холодный вѣтеръ. Шли, вошли въ городъ и остановились. Впереди дорога забита понтонымъ паркомъ. Наводятъ черезъ Вислу понтоны. Ёду посмотрѣть. Вотъ уже до половины рѣки установлены понтоныя лодки и дѣлаются скрѣпы. Но не скоро еще будетъ мостъ готовъ. Возвращаюсь и узнаю, что сдѣлано распоряженіе о подвозѣ офицерской кухни. Будемъ, значитъ, обѣдать. Располагаемся на панели, на каменныхъ ступеняхъ у входныхъ дверей въ магазинъ. Магазинъ закрытъ. Окна забиты ставнями. Вообще, весь городъ—какъ мертвый. Жители или уѣхали, или забились въ подвалы и отсиживаются... Холодно! „Попроситесь бы къ кому въ домъ погрѣться, да чайку попить“, говоритъ одинъ изъ врачей. Въ это время изъ воротъ нашего дома выходитъ почтенная дама, и къ ней тотчасъ же подъѣзжаетъ нашъ старшій врачъ. Догадываемся мы, что просить пріюта онъ. „Пожалуйте, пожалуйте“, оживленно заговорила дама,—„сейчасъ я распоряджусь, чтобы открыли ворота и ввели вашихъ коней“.—„Да вы не беспокойтесь, сударыня,—наши деньщики все сдѣлаютъ. Только укажите, гдѣ воду взять, чтобы чай согрѣть“.—„Я все сама сдѣлаю, у меня скоро будетъ готово“...—„Мы предупреждаемъ, что за хлопоты будетъ уплачено“.—„Что вы, какая плата“!..

Я, врачи, а за нами и офицеры наполнили квартиру Маріи Фортунатовны,—такъ звали нашу гостепріимную хозяйку. Скоро на столѣ появился чай, варенье, бѣлый хлѣбъ и даже наливка. на рѣдкость вкусная. Съ какою жадностью набросились мы на угощеніе!.. А хозяйка съ живостью не по годамъ усердно угощала насъ. Не забыла она и нашихъ деньщиковъ.—„Ну, и барыня“!—говорили они потомъ.—„Какъ она накормила насъ! Даже лошдей и тѣхъ накормила зерномъ“. Но мало того. Почти насильно навязала она намъ въ дорогу ягоднаго сиропа, вина, бѣлаго хлѣба. И когда кто-то изъ насъ снова заикнулся о расплатѣ, горячая отвѣдь полилась изъ устъ гостепріимной женщины. „У

меня брать офицеръ-подполковникъ. Сейчасъ тоже гдѣ-нибудь на походѣ страдаетъ. Потому я и встрѣтила васъ, какъ родныхъ... А что я пережила за эту недѣлю! Вотъ изъ окна видно,—край дома отбитъ снарядомъ. А сколько разбито домовъ по сосѣдству! Какъ спасителей мы васъ встрѣтили! А вы хотите наши чувства оплатить деньгами!..—Мы были уничтожены...

— Не утомилъ я васъ своими разсказами? Тогда разрѣшите изложить эпизодъ послѣднихъ дней. Жанровая картина, у которой, можно сказать, и краски еще не засохли... Получаетъ нашъ сосѣдній полкъ бѣлье изъ Россіи. Прислано оно епископомъ Н... И вдругъ среди бѣлья находятъ женскія рубашки. Зубоскалы довольны. Еще бы, такая благодарная тема для безконечныхъ остротъ. Конечно, дѣло объясняется просто. Сбиралъ бѣлье весь городъ. Каждый горожанинъ несъ, что имѣлъ. Епископъ былъ только отправителемъ посылки въ армію. Но что прикажете дѣлать съ женскими рубашками? На помощь пришла русская смекалка, нашедшая здѣсь полезное употребленіе и женскимъ рубашкамъ. Одѣли ихъ на развѣдчиковъ поверхъ верхней одежды и отправили отважныхъ храбрецовъ въ расположеніе противника. На фонѣ зимняго пейзажа развѣдчики почти невидимы.

— Ну, чтобы не утомлять васъ больше, только легонькій рисуночекъ—маленькую „заставку“. Зашла у насъ съ врачами рѣчь о системахъ походныхъ кроватей. Какая лучше? Гинтеръ, говорятъ, громоздкъ, Грумъ Джимаило, или, какъ въ шутку мы называемъ эту систему—Миклуха-Маклай, кажется не прочнымъ.—„Вотъ кровать моей системы—самая лучшая“,—говоритъ одинъ изъ нашихъ врачей. Общій смѣхъ. Понятенъ будетъ онъ, если сказать, что этотъ врачъ спитъ на санитарныхъ носилкахъ, насквозь пропитанныхъ кровью переносимыхъ на нихъ раненыхъ. А на войнѣ такъ привыкнешь къ острымъ впечатлѣніямъ, что никого и не удивляетъ кровать нашего милаго доктора.

Герея Захарія Кромскій.

Матеріалы для исторіи флотскаго духовенства при Петрѣ I.

V. Инструкція о проповѣданіи слова Божія ¹⁾.

Проповѣдь слова Божія въ подобающія времена отправлять благовѣрно, со всякимъ искусствомъ, взирая на показанное въ Духовномъ Регламентѣ опредѣленіе, а имянно:

1) Проповѣдать твердо съ доводовъ священнаго писанія; о покаяніи, о исправленіи житія, о почитаніи властей, паче же самой высочайшей Его Императорскаго Величества власти, о должностяхъ всякаго чина, искоренять суевѣріе, вкоренять же въ сердца людскія страхъ Божій, словомъ рещи—испытывать отъ священнаго писанія, что есть воля

¹⁾ Эта Инструкція, предваряющая вышеприведенную Инструкцію, дана была 26 января 1722 года оберъ іеромонаху Рижскаго корпуса Маркеллу Радышевскому; см. Полн. Собр. постан. и расп. по вѣд. прав. исп., II, 33—34, № 381.

Божія, святая, угодная и совершенная, и испытывая, то на предикѣ и говорить.

2) О грѣхахъ во обществѣ говорить, а не именовать кого, развѣ кто былъ бы публикованъ отъ всеа церкви; но иногда пронесется о нѣкоемъ лицѣ недобрый нѣкій слухъ о семъ или иномъ имянно грѣхѣ, и тогда о такомомъ грѣхѣ молчать на словѣ, ибо если вспомянетъ грѣхъ, той хотя бы и не воспоминалъ лица имянно, обаче помыслить народъ, что на оное лице громъ той есть, и тако оному умножится печаль, и онъ не о своемъ исправленіи, но паче отмщенія на проповѣдника думать станетъ.

3) Остерегаться сего, какъ обычай нѣкіимъ проповѣдникамъ есть, аще кто его въ чемъ прогнѣвить, на проповѣди своей мстять оному, хотя не имянно, терзая славу его, обаче такъ говоря, что можно слышателемъ знать, о комъ рѣчь есть, каковыя проповѣдники жестокому поддаются наказанію.

4) Храниться имъ сего, дабы не говорить о грѣхахъ властительно или обличительнѣ къ лицу слышателей, какъ на примѣръ: не имѣете страха Божія, нѣтъ у васъ любви [ко ближнему, немилосердни есте, другъ друга обидите; но употреблять паче въ первомъ лице во множественномъ числѣ, такъ говорить: не имѣемъ страха Божія, нѣтъ въ насъ любви ко ближнему, немилосердни есмы, другъ друга обидимъ; ибо образъ слова кроткій есть, понеже и самъ проповѣдникъ въ число грѣшниковъ мѣшаетъ себе, какъ то и самая истинная есть,—много бо согрѣшаемъ вси, понимая, како Павелъ Апостоль, обличая учителей, которые, ставя себя высоко, по своемъ имени ученикомъ своимъ нарицаться желали, не воспоминая оныхъ имянно, на себе аки бы вину тую пріемлетъ, въ первомъ посланіи къ Коринѣомъ, въ главѣ первой; также и на друговъ своихъ Петра и Аполлоса: каждо, рече, отъ васъ глаголетъ: азъ убо есмь Павловъ, азъ же Аполлосовъ, азъ же Киѣинъ, азъ же Христовъ, еда раздѣлися Христось? еда Павелъ распятея по васъ, или во имя Павлово креститесея? и прочая; а что онъ вину свою прінялъ на себе и на другихъ, самъ свидѣтельствуеть; ибо, долго о томъ поговоривъ, таже въ главѣ четвертой исповѣдуетъ: сія же, братіе моя, преобразихъ на себе и Аполлоса васъ ради, да отъ насъ научитесея не паче написанныхъ мудрствовать и прочая.

5) Имѣти себѣ потребныя къ проповѣди книги святаго Златоустаго и прилежно чести оныя, отъ которыхъ чистѣйшее и яснѣйшее слово быти можетъ.

6) Егда усмотритесея отъ проповѣди въ народѣ польза, не хвалитесея тымъ; аще же оная не покажется, не сердитовать и людей за сіе не поносить, ибо дѣло проповѣдника есть говорить, а обращеніе сердець человѣческихъ дѣло Божіе есть: азъ, глаголетъ Павелъ, насадихъ, Аполлосъ напои, Богъ же возрасти.

7) Опасно блюстися и сего, какъ нѣкіе безумно творять проповѣдницы, которые брови свои поднимають, и движеніе рамень являютъ гордое, и въ словѣ нѣчто такое проговаривають, отъ чего можно познать, что они сами себѣ удивляются; но благоразумно, елико мощно, тщатися и словомъ и всего тѣла дѣйствиємъ такового себе показывать, якобы о себѣ ниже помышлялъ, и о своемъ остроуміи или краснорѣчіи нимало высился, и того ради часто мѣшать краткія оговорки смиреннымъ нѣкимъ самому себе пониженіемъ, напримѣръ: молю вашу любовь, да не смотрите, кто глаголетъ, что бо самъ о себѣ засвидѣтельствовать могу вамъ, развѣ яко грѣшникъ есмь, вѣруйте слову Божію, ибо отъ писаній священныхъ, а не отъ моего вымысла, предложить потщуся; и симъ подобная.

8) Во отправленіи оной содержатися постоянно, дабы не шататься велми будто въ суднѣ весломъ гребущему, ниже руками спляскивать, въ боки упиратися, подсакивать, смѣяться или рыдать; но хотя бы и возмутился духъ, то елико мощно унимать слезы; вся бо сія лишняя и неблагообразна суть и слышателей возмущають.

9) По словѣ еще лучится въ гостяхъ быть или въ какихъ ни есть бесѣдахъ съ людьми, не воспоминать о словѣ своемъ, и не точію слова своего хвалить, что есть великое безстудіе, но и не охужать самохотнѣ, ибо покажется, что къ похвалѣ слова таковымъ способомъ поощряться будутъ прочіе, но хотя бѣ кто и сталъ хвалить оное слово, то показывать на себѣ обычный стыденія видъ и всячески отводить отъ похвалъ и заводить иную бесѣду.

10). Вся же сія повелѣнная исполнять, и возбраненныхъ блюстися и никакихъ неумѣренныхъ поступокъ не употреблять, опасаяся безпощаднаго по мѣрѣ продерзости штрафованія.

VI. Присяга, даваемая оберъ-іеромонахомъ ¹⁾.

Азъ, нижепоименованный, обещаюся и клянусь всемогущимъ Богомъ предъ Святымъ Его Евангеліемъ, что долженъ есмь, и по долженству хошу, и всячески тщатися буду моему природному и истинному, Государю, Всепресвѣтлѣйшему, Державнѣйшему, Петру Великому, Императору и Самодержцу Всероссійскому и прочія, и по немъ Его Императорскаго Величества высокимъ законнымъ наслѣдникомъ, которые по зволенію и самодержавной Его Императорскаго Величества власти опредѣлены и впредь опредѣляемы и къ воспріятію престола удостоены будутъ, и Ея Величеству, Всемилостивѣйшей Великой Государынѣ, Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ рабомъ и подданнымъ быть, и все къ высокому Его Императорскаго Величества самодержавству, силѣ и власти принадлежація права и прерога-

¹⁾ Полн. Собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп., II, стр. 301, № 063.

тивы (или преимущества) узаконенныя и впредь узаконяемыя по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать, и оборонять, и защищать, и въ томъ живота моего въ потребномъ случаѣ не щадить, и при томъ по крайней мѣрѣ старатися споспѣшествовать все, что къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ во всякихъ случаяхъ касатися можетъ. О ущербѣ же Его Императорскаго Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать, препятствовать и не допускать тщатися буду. Когда же въ службѣ и пользѣ Его Императорскаго Величества или церковной, какое тайное дѣло, или какое бѣ оное ни было, которое приказано мнѣ будетъ тайно содержать, и то содержать въ совершенной тайнѣ и никому не объявлять, кому о томъ вѣдати не надлежитъ, и не будетъ повелѣно объявлять. Къ сему же еще обязуюся врученное мнѣ словесныхъ овецъ стадо пасти и управлять боголюбивымъ нравомъ, со всякимъ усерднымъ тщаніемъ, и ввѣренному мнѣ церковному и монастырекому правленію прилежати безлѣнностно, и о подчиненныхъ мнѣ радѣти, и опасну имѣти стражу, и добрѣ предстательствовати; мысленная же волки отъ онаго врученнаго мнѣ Христова стада отгоняти працею Божественныхъ словесъ, и самѣмъ собою свѣтъ проявляти сущимъ въ невѣдѣніи, показуя дѣйствительно чрезъ себе самого образъ всякихъ добродѣтелей и во всемъ поступать, какъ въ званіи моемъ заключается. Одежды же употреблять и священная буду дѣйствовать, елика чину моему опредѣленна суть, а чего мнѣ не опредѣлено и не дано, того дерзостно употреблять не буду; монастырская же вся долженствую управлять по правиламъ святыхъ Апостолъ, и святыхъ отецъ, и по опредѣленію Святѣйшаго Правительствующаго Синода и по благословенію того архіерея, которому отъ Святѣйшаго Синода подчиненъ буду; отъ него же и въ недоумѣваемыхъ духовныхъ вещахъ разсужденія обязуюсь требовать, во всякомъ ко оному пребывая послушаніи и покореніи о себѣ же премудрствовать въ ничесомъ отнюдь не дерзну, и странныхъ обычаевъ принимать и всего возбраненнаго, елико священнымъ писаніемъ, и святыми правилами и отческимъ преданіемъ отречено, и Духовнымъ Регламентомъ запрещено, творить не буду; монаховъ же монастыря моего долженствую содержать по положеннымъ имъ правиломъ и уставомъ, не дая имъ скитатися по другимъ монастыремъ, и ниже въ мірскіе дома кромѣ нужнѣйшихъ потребъ, и собственного моего вѣдѣнія и письменнаго соизволенія, входить, подобнѣ и изъ другихъ монастырей изшедшихъ монаховъ безъ отпускныхъ писаній, и наипаче безъ повелительныхъ отъ Святѣйшаго Синода указовъ, принимать въ монастырь мой не буду. Святѣйшему же Правительствующему Всероссійскому Синоду, яко правильной власти отъ Его Императорскаго Величества благоволительнѣ уставленной, обязуюся имѣть себя во всемъ послушна и подчинна безъ всякаго прекословія, и что по Его Императорскаго Величества указомъ, отъ онаго Святѣйшаго Синода предложеннымъ и впредь отъ

времени до времени предлагаемымъ и опредѣляемымъ, дѣйствовать или въ чемъ удержаться повелѣно мнѣ будетъ, также и по прочимъ государственнымъ правамъ, что до моего званія и до порученнаго мнѣ правленія надлежитъ, буду все то по крайней моей силѣ и возможности исполнять со всякимъ усердіемъ, и во ономъ порученномъ мнѣ правленіи потщуся искать всегда самыя сущія истины и самыя сущія правды, и дѣйствовать вся по написаннымъ въ Духовномъ Регламентѣ уставомъ, и по синодальной грамотѣ, какова мнѣ о порученномъ правленіи дастся, и по прочимъ указомъ и уставленіямъ синодальнымъ, непремѣнно. Въ нынѣшнюю же мою въ Россійскомъ флотѣ бытность долженствую поступать и надъ священники надзирать по данной мнѣ отъ Святѣйшаго Синода инструкціи; и буду вся дѣйствовать по совѣсти моей, не работствуя лицепріятію, не болѣзную враждою, завистію, упрямствомъ, мздопріимствомъ и просто никаковыми же плѣняясь страстями, но со страхомъ Божиимъ, всегда имѣя въ памяти неумытнѣй судъ Его со искреннею Бога и ближняго любовію, полагая всѣмъ мыслемъ и словамъ и дѣйствіямъ моимъ, яко вину конечную, славу Божию и спасеніе душъ человѣческихъ и всей Церкви созиданіе, не искій яже моя, но яже Господа Іисуса. Клянуся же Богомъ живымъ, что всегда памятуя страшное слово Его: проклять всякъ творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ,—во всякомъ дѣлѣ сего моего званія, яко въ дѣлѣ Божіи, ходити буду безлѣзно, со всякимъ прилежаніемъ, по крайней моей силѣ, пренебрегая всякія угодія и упокоенія моя, и не буду притворять мнѣ невѣжества, но аще въ чемъ и недоумѣніе мое будетъ, всячески потщуся искать уразумѣнія и вѣдѣнія отъ священныхъ писаній, и правилъ соборныхъ и согласія древнихъ великихъ учителей. Вся же сія, якоже днесъ словомъ обѣщахся, тако и дѣломъ долженствую до послѣдняго моего издыханія, ради будущихъ благъ, исполнять. Клянуся и еще всевидящимъ Богомъ, что вся сія, мною нынѣ обѣщаваемая, не иначе толкую во умѣ моемъ, яко провѣщеваю устнами моими, но въ той силѣ и разумѣ, яковую силу и разумъ написанная здѣ слова чтущимъ и слышащимъ являютъ, утверждаю клятвою моею, буди мнѣ сердцевидѣць Богъ обѣщанія моего свидѣтель, яко не ложное есть, аще же есть ложное и не по совѣсти моей, буди мнѣ тотъ же правосудный отмститель. Въ заключенія же сея моя клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь.

VII. Списокъ судовъ и назначенныхъ на нихъ іеромонаховъ на 1719 годъ ¹⁾.

Корабли при С.-Петербургѣ и при Котлинѣ островѣ.

Лѣсной	Іоакимъ, келарь чудовскій.
Новостроеніе мастера Броуна	Левъ астраханскій.
Нептунусъ	Ерооѣй тверской.
С. Александръ	Рафаилъ Заборовскій.

¹⁾ Опис. Арх. Ал.-Невск. Лавры, II, стр. 949—950.

Ревель	Кирилль донской.
Москва	Иларіонъ крутицкій.
Малбурхъ	Викентій крутицкій.
Ингермоландъ	Алексѣй казанскій.
Слюсеръ-Бурхъ	Варлаамъ, Украинець троицкій.
С. Екатерина	Іоакимъ, сборщикъ чудовскій.
Лондонъ	Іона андроньевскій.
Британья	Іовъ богоявленскій.
Арондель	Варсоноѣй соловецкій.
Для всѣхъ прамовъ и бомбар- дѣйскихъ	Антоній патріаршъ.

Корабли при Ревелѣ.

Портмоуть	Иринархъ патріаршъ.
Девеншеръ	Авраамій шаровкинъ.
Салоилъ	Сергѣй богоявленскій.
Егудиль	Левъ орицкій.
Уриль	Маркелль Радшевскій.
Варахиль	Викентій троицкій.
Раѣалиль	Макарій Хворостинъ.
Перль	Макарій невскій.
Энсперанць	Іоиль невскій.
Самсонъ	Стефанъ Прибыловичъ.
Илія	Рувимъ тихвинскій.
Ланзду	Корнилій ростовскій.
Пинкъ	Иларіонъ Рагилевскій.
Страорть	Спиридонъ невскій.

„Оберъ-іеромонахъ Гавріиль Ѳедоровичъ, преекъ, по разсужденію флагмановъ, гдѣ сами изволятъ опредѣлить, такожде и до гребного флота оберъ-іеромонахъ, преекъ Иннокентій Кулчицкій по разсужденію флагмановъ“.

VIII. Списокъ судовъ и назначенныхъ на нихъ іеромонаховъ на 1725 годъ ¹⁾.

Кронштадтская эснадра.

Корабли: Дербень	Левъ орицкій.
„ Рафаиль	Моисей николаевскій.
„ Св. Михайль	Паисій Бартеньевъ.
„ Лефермъ	Іона казанскій.
„ Марбургъ	Каріонъ смоленскій.
„ Св. Александръ	Тихонъ кирилловскій.
„ Нептунусъ	Іона Медвѣдевъ.
„ Ревель	Аврамій вологодскій.
„ Астрахань	Іаковъ переславскій.
„ Исакъ-Викторія	Іосифъ златоустовскій.
„ Москва	Михаилъ крутицкій.

¹⁾ Опис. Арх. Св. Синод., V, стр. 158—160.

Корабли:	Новостроеніе мастера	
	Бруна	Гаврилъ ладожскій.
	Энсперанць	Феофанъ трицкій.
Фрегаты:	Яхть-Гунтъ	Варлаамъ Высоцкій.
	Винтъ-Гунтъ	Викторъ ростовскій.

Ревельская эскадра:

Корабли:	Принць Евгений	Исаія воронежскій.
	Перль	Сергій Прозоровскій.
	Арендель	Матөй Головашкинъ.
Фрегаты:	Крейсеръ	Аввакумъ кирилловскій
	Самсонъ	Иринархъ Катышевъ.

За море отправлены:

Корабль	Девенширъ	Георгій выдубицкій.
Фрегаты:	Амстердамъ-Галей	Веніаминъ воронежскій.
	Крондоловдъ	Іосифъ добринскій.

Въ дополненіе къ этимъ іеромонахамъ Св. Синодъ предписалъ взять во флотъ еще изъ Невскаго монастыря двухъ іеромонаховъ и отъ церкви Симеона Богопріимца священника Василия Карженецкаго, да еще велѣно было посвятить во іеромонаха бывшаго во флотъ при оберъ-іеромонахѣ Іустинѣ Рудзенскомъ іеродиакона Исаію.

„Подъ выстрѣлами тяжелыхъ орудій“.

(Бомбардировка г. Августова, Сувалкской губ.).

17 сентября 1914 года. 9 час. утра. Медленно подвигается по шоссе обозъ 1-го разряда 1-й Кав. дивизіи, растянувшись больше, чѣмъ на полторы версты. Двуколки громяхаютъ своими большими колесами такъ, какъ будто продвигается на позицію артиллерія. Многочисленные верховые, нѣкоторые о дву-конь (съ другой лошадыю въ поводу), ѣдутъ по одной сторонѣ дороги, представляя изъ себя на первый взглядъ довольно грозный видъ. На самомъ же дѣлѣ это — деньщики и вѣстовые, писаря, фельдшера, церковникъ и другіе нестроевые нижніе чины.

Полуэскадронъ „охраны“ раздѣлился на двѣ части: одна, со взводнымъ унтеръ-офицеромъ, — сзади обоза; другая — шаговъ на 100 впереди. Начальникъ охраны, молодойнкій подвижной корнетъ, зорко смотритъ по сторонамъ дороги, обложенной густымъ лѣсомъ, оглядываясь изрѣдка назадъ, на другую часть своей команды.

Солідный штабъ-офицеръ, начальникъ дивизионнаго обоза, небрежно сидитъ въ сѣдлѣ, задумавшись о чемъ то; иногда онъ равнодушно оглядывается по сторонамъ. Молодой еще, но уже старшій ветеринарный врачъ Петроградскаго полка ѣдетъ рядомъ съ церковной двуколкой и перекидывается различными замѣчаніями съ своимъ батюшкой. Красивый, румяный штабъ-ротмистръ, начальникъ обоза Петроградскаго полка, замѣтилъ по опушкѣ лѣса грибы — масленки (козьяки) и велѣлъ своему деньщику на ходу собирать ихъ въ ведро. „Можетъ

быть пригодятся“, — подумаль онъ. Въ то-же время онъ не забываль и своего дѣла — „Не оттягивать! Не сбиваться съ линіи! Верховые — по одной сторонѣ!“ — изрѣдка окрикиваль онъ свой обозъ. Подполковникъ на минуту отрывался отъ своихъ думъ, а потомъ опять принималь прежній задумчиво-равнодушный видъ: онъ зналь, что штабсъ-ротмистръ Грицевичъ — надежный человѣкъ, доглядитъ и исправитъ недочеты въ движеніи не только своего, но и всего дивизионнаго обоза.

Шли съ ночной стоянки изъ деревни „Серскій лясъ“ (Августовскаго уѣзда) въ г. Августовъ. Полкъ давно уже ушелъ на позицію.

— „Бу-уммъ!.. Бу-уммъ!“ — раздавалось съ одной стороны.

— „Бумъ — бумъ — бумъ — бумъ!“ — отвѣчали съ нашей.

Хотя это было, сравнительно, и недалеко, но никто не обращаль почти никакого вниманія: всѣ, — не только люди, но и лошади, — давно привыкли къ этому...

Обозъ подъѣзжалъ уже почти къ самому городу. Выстрѣлы стали отчетливѣе. Свернули съ шоссе на проселочную дорогу. Подъѣхали къ городу боковой стороной: ноѣлиси слухи, что германцы будутъ бомбардировать городъ изъ тяжелыхъ орудій. Поэтому многіе изъ мѣстныхъ жителей давно уже выбрались изъ города. Осталиси поневолѣ только многосемейные бѣдняки, которымъ некуда и не на чѣмъ было выѣхать. Осталиси многіе и изъ евреевъ: нѣкоторыми руководила жажда жизни, а другими „инья“, можетъ быть, какія-нибудь соображенія...

Дивизионному обозу 1-го разряда приказано было расположиться въ одной верстѣ отъ города, въ пустыхъ казармахъ 104 пѣх. Устюжскаго полка, куда онъ и пришель около 12 часовъ дня.

Офицерскіе чины всѣхъ полковъ и большая часть нижнихъ чиновъ размѣстились въ казармахъ; а повозки поставили на большомъ плацу.

Вблизи зданій, шагахъ въ 300 отъ казармъ, горделиво стояла очень красивой архитектуры церковь; съ боковой стороны — офицерскія квартиры, въ которыхъ теперь былъ устроенъ подвижной госпиталь.

Вначалѣ все было сравнительно тихо и спокойно; только слышались довольно частые орудійные выстрѣлы съ нашей стороны (артиллерійскія позиціи были верстахъ въ 2—3 отъ казармъ); отвѣтные непріятельскіе снаряды ложились около небольшого озера, а нѣкоторые долетали до маленькаго перелѣсочка, находившагося въ полуверстѣ отъ казармъ, и портили стволы деревьевъ.

Вдругъ... послышался отдаленный, довольно слабый, гулъ, и потомъ — „Тр-рахъ-тахъ-тахъ!“ — сильный разрывъ.

— „Отлично!“ — рѣшилъ находившійся около казармъ священникъ Петроградскаго уланскаго полка: „и къ намъ подвезли тяжелую артиллерию“.

Точно такой же выстрѣлъ повторился. Священникъ пошелъ въ казармы подѣлиться своими наблюдениями съ офицерами.

— „Что вы, батюшка?“ — засмѣялся артиллерійскій офицеръ. „Это — изъ тяжелыхъ орудій нѣмцы начали сыпать по городу“.

— „Во-отъ оно что!“ — разочарованно протянулъ священникъ. „А я думаль“...

Было 2 часа дня. Выстрѣлы изъ тяжелыхъ орудій продолжались, съ очень небольшими промежутками.

Въ 4 часа дня пріѣхаль изъ города полковой фуражиръ Скрипченко, посланный достать гдѣ-нибудь сѣна и овса.

— „Въ городѣ снаряды рвутся!“—Сообщилъ онъ, еще не совсѣмъ оправившись отъ смущенія. „Около меня шагахъ въ 20 разорвался одинъ“.

Извѣстіе о бомбардировкѣ города подтвердилъ и пріѣхавшій ветеринарный врачъ Московскаго полка:

— „Самъ видѣлъ, какъ на мосту одна разорвалась. Говорятъ, что двоихъ евреевъ и одного солдата убило около штаба финляндскаго корпуса“.

„Дѣло плохо!“—подумалъ начальникъ дивизіоннаго обоза: „приказанія о выступленіи нѣтъ; а они могутъ и до насъ добраться“.

— „Площадями (размѣренными по картѣ большими квадратами) стрѣляютъ!“—высказалъ свое наблюденіе молоденькій штабсъ-ротмистръ Грицевичъ. „Этакъ они и до насъ пожалуй, доберутся!“—засмѣялся онъ. „Какъ думаете, батюшка? Что будемъ тогда дѣлать?..“

— „Никакъ не думаю“,—засмѣялся и священникъ. „Буду сидѣть вмѣстѣ съ другими, пока не прикажутъ уходить или не позовутъ впередъ...“

Два ветеринарныхъ врача спокойно разговаривали между собою совершенно о постороннихъ дѣлахъ. Третій немножко волновался, нервно мѣривъ неровными шагами взадъ и впередъ длинную комнату казармы.

Выстрѣлы изъ тяжелыхъ орудій продолжались. Доходили слухи изъ города, что снарядомъ разрушило одинъ еврейскій домъ, въ которомъ иные были убиты, другіе ранены. Чаще всего снаряды падали около штаба корпуса: вблизи штаба былъ костель, съ колокольни которой будто бы была какая то сигнализанія подозрительная,—что и было векорѣ, кажется, открыто комендантомъ города. Говорили о какихъ то двадцати двухъ нѣмцахъ, найденныхъ запрятанными въ еврейскихъ домахъ. А правда ли это,—провѣрить мы не могли.

А выстрѣлы становились все чаще.

— „Бу-умъ!“—начиналъ глухой звукъ, и послѣ него секундъ чрезъ 25-ть слѣдовалъ трескучій разрывъ:—„Тр-рахъ-тахъ-тахъ!..“

Около 6-ти часовъ вечера въ казармы Устюжскаго полка явились начальники обозовъ другихъ частей.

— „Мы къ вамъ, г. полковникъ!“—заявилъ одинъ изъ нихъ начальнику обоза 1 кав. дивизіи.—„Вѣдь здѣсь до 1.000 повозокъ, и если гостинцы эти начнутъ попадать къ намъ, то и безъ приказанія нужно будетъ выступать; а тогда такой переполохъ начнется, что всѣ дорогу загородятъ. Такъ мы вотъ между собою рѣшили просить васъ, какъ старшаго въ чинѣ, быть общимъ начальникомъ всѣхъ находящихся здѣсь обозовъ. Тогда только и можетъ быть хоть какой-нибудь порядокъ“.

Подполковникъ Татевъ согласился съ этимъ. Устроили краткое совѣщаніе. Рѣшили ждать распоряженій отъ высшаго начальства о движеніи обозовъ, а въ случаѣ большой опасности отъ бомбардировки, выступать и безъ приказанія, но не иначе какъ по распоряженію старшаго изъ начальниковъ обоза, т. е. подполковника Татева.

Это рѣшеніе успокоительно подѣйствовало на всѣхъ. Нашли гдѣ-то чуть не трехведерный самоваръ и занялись чаепитіемъ.

— „Бу-уммъ!.. Трахъ-тахъ-тахъ!“—не прекращалась бомбардировка города.

Но и къ этому уже обитатели казармъ Устюжскаго полка привыкли, и занимались совершенно не относящимися къ бомбардировкѣ разговорами.

— „Самоваръ нашъ не подшибли-бы!“ — пошутилъ кто-то.

— „Его и изъ пушки не прошибешь!“ — отвѣтилъ другой.

Наконецъ, около 8-ми часовъ вечера, выстрѣлы изъ тяжелыхъ орудій прекратились.

— „Что-жъ пойдѣмте, батюшка, въ свой кабинетъ спать“, — пригласилъ ветеринарный врачъ Петроградскаго полка своего священника въ заранѣ намѣченную ими маленькую комнатку при одной изъ казармъ, бывшую, видимо, квартирой взводнаго унтеръ-офицера.

Нѣкоторые давно уже улеглись, размѣтившись по угламъ, кто на скамейкахъ, кто прямо на полу, на соломѣ. Общiе разговоры прекратились; лишь изрѣдка кое-кто перебрасывался между собою короткими фразами. Одинъ только главный начальникъ обозовъ, подполковникъ Татевъ, не спалъ.

Солдаты давно уже спали, растянувшись на соломѣ, оставленной еще послѣ стоянки въ казармахъ нѣмцевъ.

Все стихло...

— Бу-умъ!.. Тр-рахъ-тахъ-тахъ!“ — внезапно разрѣзалъ воздухъ звучный выстрѣлъ.

Всѣ вскочили и заторопились изъ казармъ къ выходу. Снарядъ упалъ шагахъ въ 500-хъ за обозомъ.

— „Ваше в-дiе:“ — докладывалъ вполголоса подполковнику одинъ изъ каптиармусовъ: — „я видѣлъ, какъ за обозомъ изъ лѣсу недавно двѣ ракеты выпустили“.

Татевъ покачалъ головой. „Не ладно!“ — подумалъ онъ: „не иначе, какъ сигнализируютъ“. Повторительнаго выстрѣла, однако, не послѣдовало, и всѣ опять отправились въ казармы.

Но чрезъ 10—15 минутъ опять послышалось: — „Бу-умъ!.. Трахъ-тахъ-тахъ!.. Снарядъ упалъ уже около церкви...“

Чрезъ 10 минутъ опять противный звукъ: — Бу-уммъ!“ .. и потомъ: — Трарахъ-тахъ-тахъ!.. Снарядъ разорвался невдалекѣ отъ госпиталя.

И чрезъ каждыя 10 минутъ сыпались снаряды, падавшiе то вправо, то влѣво отъ обоза. И къ этому стали привыкать и уже не выходили изъ казармъ...

— Трр-рахъ-тахъ-тахъ!.. — вдругъ раздалось съ особой, показалось, силою...

— „Запрягать! Сѣдлатъ!“ — раздалась команда среди спящихъ. Снарядъ, оказывается, разорвался совсѣмъ близко отъ вышедшаго на крыльцо подполковника Татева, такъ что онъ невольно отшатнулся назадъ, въ казармы.

Всѣ заторопились, каждый пошелъ къ своему мѣсту.

— „Вставайте!“ — будилъ священникъ своего сосѣда. — „Запрягаютъ, уѣзжаемъ!..“

— „А?.. Ну такъ что-жъ? — не проснулся еще ветеринарный врачъ, „Вотъ въ чемъ дѣло! — понялъ, наконецъ, онъ. „Ну что-жъ: ѣхать, такъ ѣхать“. И онъ неторопливо сталъ снаряжаться, и вмѣстѣ со священникомъ вышелъ на площадь казармъ.

Дивизионный обозъ чрезъ 10 минутъ былъ уже въ полной готовности къ выступленiю. Однако, до выступленiя было еще далеко: избранный начальникомъ „гарнизоннаго“ (какъ можно выразиться въ шутку) обоза г. Августова, т. е. находившихся здѣсь въ настоящую минуту всѣхъ обозовъ (а было, дѣйствительно, ихъ не мало) поскакалъ къ головнымъ повозкамъ.

— Тр-рахъ-тахъ-тахъ!“ — падали снаряды по сторонамъ...

— „Ни съ мѣста! Голову разможду!“—послышался крикъ распорядителя. Оказалось, что двѣ повозки какого-то артиллерійскаго парка тронулись впередъ безъ разрѣшенія.

Рѣшительныя мѣры подѣйствовали и были болѣе чѣмъ своевременны; иначе все пошло-бы вразбродъ.

Прошло еще около получаса въ распредѣленіи порядка движенія. Священникъ, сидя въ двуколкѣ, разговаривалъ съ окружающими его капитанармусами. Ветеринарный врачъ шутилъ съ писарями.

— Трогай! Шагомъ!—внушительнымъ тономъ раздалась команда... „Штаба дивизіи! Артиллеріи!.. Драгунскаго полка! Уланскаго!“.—Повозки плавно, въ полномъ порядкѣ и тишинѣ подвигались боковой, по лѣсу, дорогой на сѣверъ отъ города...

— Бу-уммъ!.. Тр-рахъ тахъ-тахъ!..“

— „Лепешкинъ, Лепешкинъ!“—вдругъ раздался тревожный голосъ. „Куда тебя нелегкая занесла?..“ Оказалось, что вѣстовой одного изъ офицеровъ запутался съ верховыми лошадьми среди повозокъ.— „Лепешкинъ!“—послышалось еще разъ среди общей тишины.

— „Чего ты кричишь?“—оборвалъ офицера сдѣлавшійся вдругъ серьезнымъ молоденькій штабсъ-ротмистръ.— „Придетъ твой Лепешкинъ“.

Лепешкинъ, дѣйствительно, скоро нашелъ своего барина, и тотъ успокоился.

— Тр-рахъ-тахъ-тахъ!“—проводжали выходящій изъ подъ выстрѣловъ обозъ. Черезъ 10 минутъ еще.

— „Вѣтѣво очень взяли!“—равнодушно зѣвая (было ужъ 12 часовъ ночи) наблюдалъ невыспавшейся ѣздовой одной изъ двуколокъ падавшіе снаряды.

— „Не угадали, значить, въ самую центру“,—подтверждалъ другой.

— „А пока налаждать, мы будемъ уже далеко“,—весело замѣтилъ третій.

Дѣйствительно, уходили отъ опасности все дальше и дальше.

— Бу-умъ!“—слышалось уже совсѣмъ глухо. „Трахъ-тахъ-тахъ!..“ и разрывъ казался уже нѣсколько слабѣе.

Послѣ выѣзда на шоссе обозы раздѣлились. Обозъ 1 кав. дивизіи направился въ дер. Саенскъ, находившуюся въ 7-ми верстахъ отъ г. Августова. Тамъ онъ былъ уже совершенно недоступенъ обстрѣлу изъ тяжелыхъ орудій, которыя, однако, всю дорогу проводжали ихъ:—„трахъ-тахъ-тахъ!.. Бумъ-умъ! Трахъ-тахъ-тахъ!“—слышалось чрезъ каждыя 10 минутъ.

Священникъ мысленно считалъ время отъ выпуска снаряда и до разрыва его: выходило, какъ и раньше, всегда приблизительно 25—30 секундъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ благодарилъ Бога за то, что Онъ спасъ его и всѣхъ окружающихъ отъ грозившей опасности и напрасной смерти...

Свящ. П. Масловъ.

Примѣчаніе. За отличную распорядительность и проявленную инициативу подполковникъ Татевъ представленъ къ производству въ полковники.

Другіе, кажется, награждены были только ознакомленіемъ съ тѣмъ, какое впечатлѣніе можетъ производить близкое паденіе снарядовъ изъ тяжелыхъ орудій. Оказалось, что не такъ это страшно, какъ думали

раньше. Кажется такъ по крайней мѣрѣ теперь; тогда казалось, можетъ быть, и опаснѣе, а теперь забылось.

А опасность была несомнѣнная: чрезъ полчаса или часъ послѣ выхода обоза снаряды рувались на томъ самомъ мѣстѣ (какъ послѣ узнали), гдѣ стояли обозы.

— „Пристрѣлялись, значить! — сказали бы который-нибудь изъ ѣздовыхъ. А, можетъ быть (и даже навѣрно), и не сказали-бы, если-бы опоздали выступить заблаговременно, потому что тогда было бы не до шутокъ...“

И тутъ Богъ не оставилъ насъ своею милостію.

П. М.

Говѣніе на позиціяхъ.

День ото дня становится все теплѣй и теплѣй. Солнышко ярче свѣтитъ, ласково вѣетъ южный вѣтерокъ. Быстро таетъ снѣгъ. Мало его осталось. Вотъ развѣ только тамъ, по хребту горъ еще продержится, да и тамъ не на долго. Всему время. Вотъ наступила уже и масленица. Не успѣемъ оглянуться, какъ пройдетъ и время Великаго Поста, время покаянія, время говѣнія. И невольно приходится задуматься надъ вопросомъ: гдѣ и какъ могли бы отговѣться наши воины? На позиціяхъ? Неудобно, нѣтъ подходящаго помѣщенія, да и опасно, того и гляди обстрѣляетъ непріятельская артиллерія, какъ это уже бывало и раньше. Храма вблизи не было, отвести же солдатиковъ подальше отъ позицій нельзя, бой идетъ каждый день, не прекращаясь. Оставить говѣніе — отнять у нашихъ воиновъ послѣднее утѣшеніе — было бы жестоко. Остался единственный выходъ изъ этого труднаго положенія — устроить самимъ свой храмъ и по возможности поближе къ позиціямъ. Въ непремѣнную задачу входило при этомъ устроить храмъ по возможности вмѣстительный, такъ какъ нужно поскорѣе закончить съ говѣніемъ, пока полкъ занимаетъ позиціи на одномъ мѣстѣ. Послѣ долгихъ поисковъ мы остановились съ нашимъ ктиторомъ, добрѣйшимъ Макаріемъ Матвѣевичемъ, на мысли приспособить подъ храмъ „стодолу“ (сарай для склада хлѣба, — тоже, что и наша рига — по южному — клуна). Стодола была помѣстительная, но, къ сожалѣнію, не имѣла стѣнъ, а только одну крышу. Но и съ этимъ недостаткомъ быстро справились: стѣны устали соснами и елями. Изъ такихъ же хвойныхъ деревьевъ устали перегородку для алтаря — своего рода иконостасъ съ царскими и боковыми вратами. Между деревьями навѣсили иконы. Часть иконъ намъ пожертвовали мѣстные жигели. Противъ ожиданія получился у насъ прекрасный храмъ. Зеленъ красиво отгѣняла иконы и, въ особенности, вечеромъ при зажженныхъ свѣчахъ. Радостно было смотрѣть на дружную работу нашихъ солдатиковъ при устройствѣ своего храма. Украсивъ свой храмъ, солдатики устроили нѣсколько анолоевъ и подсвѣчниковъ изъ стрѣльныхъ гильзъ.

На диво вышелъ нашъ храмъ, красивымъ по своей простотѣ, дорогимъ, близкимъ сердцу солдатиковъ — какъ „свой храмъ“, устроенный своими руками. „Русскій костель“ назвали нашъ храмъ окрестные крестьяне, не безъ любопытства осматривая его. Наступилъ постъ. Вотъ уже явились и наши богомольцы съ позицій. Съ какими просвѣтленными лицами входили они въ храмъ, истово осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Вѣдь болѣе двухъ мѣсяцевъ они не были въ храмъ! Богослуженіе до этого

времени совершалось на открытомъ воздухѣ. Началось богослуженіе... слышатся, съ дѣтства знакомые напѣвы: Господи силь съ нами буди... вотъ дивныя слова молигвы: Господи, Владыко ж вота моего... Въ чувствѣ глубокаго смиренія повторяютъ солдатики за священникомъ слова покаянія. Забылись все въ молитвѣ... Вѣтъ такимъ благодатнымъ миромъ... Мысли далеко унеслись отъ боя, позицій... На душѣ тихій покой... Побольше бы такихъ минутъ. Кончилось богослуженіе. Тихо, безъ шума разошлись солдатики по своимъ мѣстамъ на позиціяхъ. Такъ день за днемъ шло богослуженіе. Вотъ уже и исповѣдь. Съ какимъ глубокимъ религиознымъ подъемомъ приступили солдатики къ исповѣди! Кто знаетъ, можетъ быть это уже послѣдняя въ жизни исповѣдь?! Вѣдь сме,ть такъ близка!

Шли къ исповѣди и православные и католики. Тѣми и другими руководило желаніе облегчить свою душу покаяніемъ... Вотъ наступилъ и величайшій праздникъ—пріобщеніе Св. Тайнъ. Съ благоговѣніемъ, съ радостью на глазахъ подходятъ войны къ Чашѣ. Тихо, безъ шума. Эта святая, великая минута никогда не изгладится изъ памяти. Много было причастниковъ въ этотъ день, болѣе 2 тысячъ пришлось пріобщить въ одинъ разъ. Чувствовалась, конечно, усталость, но наградой служило сознаніе, что войны получили величайшую небесную радость и утѣшеніе...

Время шло. Каждый день совершались богослуженія. Приходили въ храмъ слѣдующія части полка, а тамъ и батареи. Все, кто былъ поближе къ храму, помолились и отговѣлись. Многимъ нашъ храмъ принесъ отраду и утѣшеніе. Не блисталъ нашъ храмъ золотомъ и украшеніями, не спасалъ насъ отъ холода, подъ часъ вѣтеръ задувалъ и свѣчи. Не богатъ былъ удобствами, но богатъ тѣмъ благодатнымъ утѣшеніемъ, той отрадой, которую онъ далъ своимъ богомольцамъ.

Помолились солдатики и съ чувствомъ радости и твердой надежды на Божію помощь возвратились на свои позиціи. Помогите имъ, Господи.

Священникъ *Василій Сукачевъ*.

22 февраля 1915 года.

Молебенъ на позиціяхъ.

21 ноября (1914 г.) полковой священникъ П-скаго уланскаго полка,—находившійся въ 2-хъ верстахъ отъ передовыхъ позицій въ дер. Ренскишкенъ (въ Восточной Пруссіи) при обозѣ 1-го разряда,—получилъ отъ командира полка записку съ предложеніемъ прибыть въ дер. Лаугаленъ въ расположеніе 6-го эскадрона для служенія молебна по случаю эскадроннаго праздника.

Полкъ находился въ этотъ день въ сторожевомъ охраненіи, на передовыхъ позиціяхъ.

Сначала по „зеркальному“ шоссе, а потомъ уже свернувъ на совѣмъ грязную дорогу,—священникъ черезъ часъ былъ на мѣстѣ.

Молебенъ рѣшили служить въ саду, около квартиры эскадроннаго командира.

Быстро собрались солдатики на молебенъ, который для многихъ представлялся сравнительной рѣдкостью,—что въ кавалерійскихъ полкахъ нельзя признать и удивительнымъ: въ эту кампанію П-скій полкъ очень мало имѣлъ дневокъ почти въ продолженіе всехъ 4-хъ мѣсяцевъ войны.

Дневки, конечно, были использованы въ отношеніи молитвы; но все-таки это было такъ рѣдко, что тяготящіеся солдатики „ко кресту и евангелію“ вполне было понятно.

— „Что это такъ мало?“—спросилъ вахмистра подошедшій эскадронный командиръ.

— „Въ сторожевомъ охраненіи остальные“,—доложилъ вахмистръ.— „Нѣтъ только 8-ми человекъ; и тѣ бѣгутъ, в. б-діе; черезъ 2 минуты будутъ“.— По панибѣ, дѣйствительно, торопились изъ сосѣдняго хуторка нѣсколько солдатиковъ праздничнаго эскадрона.

Недалекѣ слышались орудіиные выстрѣлы.

Пришелъ командиръ полка, офицеры другихъ эскадроновъ.

И послѣ краткой рѣчи священника о бодрости духа уланъ, не покидающей ихъ въ продолженіе 4-хъ мѣсяцевъ войны на чужой землѣ, полнотой потомъ и кровью русскихъ, подъ грохотъ артиллерійскихъ орудіи, послышался возгласъ: „Благословенъ Богъ нашъ“.... призывающій къ молитвѣ:

Слезы брызнули изъ глазъ не только солдатъ, но и офицеровъ. У священника задрожалъ голосъ.

„Царю Небесный“... Все упали на колѣни въ полузамерзшую луговину...

Молебень при такой обстановкѣ имѣлъ особенное значеніе и возбуждалъ къ молитвѣ, что и отмѣтилъ командиръ полка въ своей рѣчи по окончаніи молебствія.

Большой запасъ душевныхъ силъ у нашего солдата! Крѣпокъ и силенъ онъ своей выносливостію, своимъ терпѣніемъ, своей бодростію при всѣхъ обстоятельствахъ; своимъ мужествомъ на полѣ брани, своей смѣтливостію и находчивостію при развѣдкахъ. Нѣтъ, и не можетъ быть такого духа у нашихъ противниковъ, надѣющихся на искусство и многочисленность.

Нѣтъ! Нашъ солдатъ не только храбръ, выносливъ и терпѣливъ; онъ, кромѣ всѣхъ этихъ несомнѣнныхъ достоинствъ, хранитъ вѣру въ Бога; его никогда не покидаетъ надежда на помощь Божію.— „Пока Богъ хранитъ!“ „Если Богъ захочетъ, живымъ вернусь!“ „На все воля Божія!“—вотъ отвѣты нашихъ солдатъ въ разговорахъ съ ними.

Можно вѣрить, что при такомъ настроеніи нашихъ войскъ (вѣдь, почти каждый солдатъ похожъ одинъ на другого по духу) окончательная побѣда будетъ не на сторонѣ „расчетливыхъ“ нѣмцевъ, а на нашей. Дай Богъ!

Свящ. П. Масловъ.

ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

1. Гордись, мать!

I.

Вчера я видѣлъ плачущихъ матерей...

Не дай Богъ еще пережить такихъ впечатлѣній.

Что можно было сказать несчастнымъ, у которыхъ жребій войны отнял весь смыслъ, всю необходимость жизни? Открылись неизягаемые источники горя, неутолимаго ничѣмъ. Война кончится,—мы все будемъ

опять благополучны, спокойны. Намъ ждуть вдохновляющія легенды великихъ побѣдъ, воспоминанія объ оставленныхъ позади небывалыхъ подвигахъ, когда весь народъ, великодушный, самоотверженный, отважный, шелъ на бой, какъ къ причастію, несъ на Голгоуу свои знамена, какъ Христось Свой крестъ, чтобы мукой и смертью дать радость торжества ближнимъ. Намъ за этой мрачной ночью невѣроятныхъ битвъ, гдѣ миліоны палачей схватываются съ миліонами ратниковъ свободы и независимости, открываются свѣтоносныя дали мирнаго труда, завоеваній ума и сердца. Уцѣлѣвшіе въ этой стихійной борьбѣ рыцари духа вернутся къ намъ живою сказкой нашей доблести и силы... Но мать, мать, бѣдная мать! Ты выносила и подняла здоровую и спѣлую жатву прекрасныхъ дѣтей цѣною незамѣтныхъ будничныхъ лишеній и страданій, отъ которыхъ поблекло твое лицо, ввалилась вскормившая ихъ грудь, потускнѣли когда-то яркія очи. Ты жила ихъ смѣхомъ, радовалась ихъ улыбкой,—и, бодрые, смѣлые, сильные, ушли они отъ тебя, чтобы лечь у великихъ алтарей грядущаго счастья первыми искупительными жертвами за свой чудный народъ, за свою святую родину, за тихія села неогляднаго простора, за бѣдные очаги смиренныхъ деревень... Мнѣ хотѣлось бы крикнуть тебѣ: Гордись, мать! Ради тебя небо помилуетъ твое отечество. Гордись, мать,—ты своей неутѣшной скорбью платишь за нашу славу. Не мы, а ты—побѣдительница! Мы отдаемъ только жизнь. Ты бросаешь подъ удары вражьихъ штыковъ, подъ пули и рвущія живыя тѣла гранаты то, что дороже жизни,—свой свѣтъ, свое небо, свое прошлое, свое сегодня и завтра—сына, каждое мгновеніе котораго было твоимъ дыханіемъ, мыслью, порывомъ, твоей глубокою радостью, нѣжной, теплой надеждой, свѣтомъ твоего сердца, крыльями твоей мечты, оправданіемъ всего твоего существованія. Гордись, мать, и да святится имя твое во вѣки-вѣковъ въ нашихъ благодарныхъ воспоминаніяхъ. Гордись, мать... Плачь о погибшемъ на полѣ славной битвы сынѣ, но помни, что его кровью ты приобщила всю свою родину. Ты была золотою чашею, гдѣ эта кровь претворилась въ святую. Мы пьемъ изъ этой чаши, и вмѣсто одного павшаго сына всѣ уцѣлѣвшіе въ эту годину испытаній стануть твоими дѣтьми. Плачь, мать, но и гордись,—ты больше всѣхъ насъ отдала въ этотъ страшный часъ величайшаго изъ искупленій. Гордись, мать! Мы сильны твоею скорбью. Нѣтъ на свѣтѣ такихъ Содомы и Гоморры, которыхъ не помиловала бы вѣчная правда за такія слезы, какъ твои. И если бы такія же матери были въ спаленныхъ огненнымъ дождемъ городахъ Мертваго моря,—они бы до сихъ поръ цвѣли пышными садами, звучали счастливымъ смѣхомъ и весело пѣней своихъ дѣтей. Плачь, мать, но и гордись,—каждая твоя слеза, упавшая на благодарную землю, дастъ новую жатву героевъ, но уже героевъ труда и просвѣщенія... Ты насъ снабдила сильными руками, способными носить и факель во тьмѣ, и мечъ въ бою, ты дала разумъ вождямъ и отвагу солдатамъ. Ты, смиренная страдалица, одѣла некрушимою желѣзною стѣною бойцовъ наши рубежи, и еще неизвѣстно, что больше говоритъ Божественному Уму вселенной—Господу правды: кровь твоихъ сраженныхъ дѣтей, или твои молчаливыя, въ тишинѣ одинокихъ горницъ пролитыя слезы. Гордись, мать,—ты страдалица, но ты и побѣдительница“...

II.

Вчера одна такая плакала на моихъ рукахъ...

Въ ея безсвязныхъ словахъ я угадывалъ столько схороненнаго маленькаго счастья... Первый взглядъ ребенка, его первая бессознательная

улыбка, его радостный смѣхъ. Его тихій сонъ на груди, которою она его только что кормила, его розовые, пухлые пальчики, впивавшіеся въ ея тѣло... Первый неудачный шагъ еще не окрѣпшихъ ножекъ и неудержимый побѣгъ по весеннему лугу за яркимъ мотылькомъ, мелькнувшей птичкой, оглушительно лающимъ щенкомъ. Его первая книга, первое вниманіе къ чудесной сказкѣ и первое захватившее дыханіе и заставившее сильнѣе забиться сердце восхищеніе богатырскимъ подвигомъ, неожиданнымъ чудомъ, доблестью, торжествомъ святого страданія надъ безсмысленною несправедливою силой.

Слова этой матери, облитыя слезами, казались мнѣ цвѣтами въ росѣ, прекрасными цвѣтами, выросшими въ материнскомъ сердцѣ, которые она несла на великій алтарь родины. вмѣстѣ съ кровавой жертвой, своимъ сыномъ,—она сплетала ихъ въ безкровную, и, закрывая глаза, я видѣлъ передъ собою этотъ громадный, въ полміра, алтарь, весь повитый такими цвѣтами материнскаго горя и материнскихъ воспоминаній. На его заоблачной вершинѣ лежали груды закланныхъ тѣлъ, а снизу все выше и выше подымались эти чудесные цвѣты... Цвѣты, обрызганные слезами и кровью, цвѣты матерей мучениковъ, преображенные и воскресшіе, они во вѣки-вѣковъ останутся на народныхъ жертвенникахъ во свидѣтельство того, какъ великъ былъ подвигъ матери, отдавшей народу своего сына. Плачь, Рахиль, но и гордись, потому что ты—мать побѣды, ты—мать защиты, ты—мать несравненнаго торжества надъ злобой и лютостью освирипѣвшихъ дикарей, ведомыхъ всемірнымъ Каиномъ—Вильгельмомъ II—на истребленіе всего, что любить и чему поклаивается человѣчество.

III.

Мнѣ показали письмо матери найденное на замученномъ сынѣ.

Въ дикомъ и мстительномъ безуміи остервенѣвшіе нѣмецкіе варвары и убійцы усѣбли прежде, чѣмъ прикончить его, замучить героя. Письмо, забрызганное кровью,—реликвія, и пусть оно хранится не только въ священныхъ драгоценностяхъ этой семьи, но и въ безконечной памяти народа. Вѣдая, теперь осиротѣвшая женщина прощается въ немногихъ строкахъ съ единственною оставшеюся у нея привязанностью къ землѣ и къ жизни. „Твой отецъ былъ убитъ далеко отъ насъ, за Ляояномъ; тебя я отдала святому дѣлу защиты нашей милой родины отъ близкаго и страшнаго врага. Помни, что ты—сынъ героя. Мое сердце сжимается и глаза плачутъ, когда я говорю тебѣ: „Будь его достоинъ!“ Вѣдь я знаю весь роковой ужасъ этихъ словъ и все-таки въ мукѣ за тебя повторяю ихъ. Насъ всѣхъ не будетъ. Что наша жизнь? Это—капля въ океанѣ прекрасной Россіи. Насъ всѣхъ не будетъ, но пусть цвѣтеть и радуется она. Я знаю, мы будемъ забыты, наши счастливые потомки и не вспомнятъ о тѣхъ, кто истлѣлъ въ братскихъ могилахъ... Цѣлуя и благословляя тебя, я простилась съ тобою. Когда тебя пошлютъ на подвигъ, не помни моихъ слезъ, помни только мои благословенія... Да хранить тебя Богъ, мой дорогой, свѣтлый, любимый... Еще одно: враги,—вездѣ пишутъ это,—злы и дики, но не поддавайся слѣпой мести. Не подымай руки на лежачаго и будь милостивъ къ тѣмъ, кого изъ нихъ судьба отдастъ въ твои руки“...

Это говорить русская мать.

Шапки долой передъ ея трауромъ! Земной поклонъ ея великой и молчаливой скорби.

IV.

Въ этой мукѣ побратались всѣ.

Общее горе спаяло и сильныхъ, и слабыхъ, и богатыхъ, и бѣдныхъ, и простыхъ, и знатныхъ. Такъ чувствуетъ не только мать, учившаяся всему, чему только можетъ учиться русская женщина, но и безграмотная, несчастная крестьянка, великая въ своей тоскѣ по отнятомъ вражьей пулей сынѣ. Этой еще глубже и больнѣе ея сиротство. Ей не на кого опереться. Она, какъ былинка, прибитая морозомъ, зачахнетъ на неожиданно застигнутомъ зимою полѣ. Въ ея тусклой жизни было мало радости, но и она, какъ та, которую я видѣлъ на дняхъ, и чувствуетъ и мыслить, можетъ-быть, не такъ ярко, но не менѣе глубоко. У одинокой вдовы ушелъ ея сынъ. Его не призывали,—вызвался самъ, и мать, только имъ и дышавшая, пла за нимъ, когда его уводили, уже въ рубахъ защитнаго цвѣта, съ ружьемъ, на желѣзную дорогу. Шла за нимъ блѣдная, потемнѣвшая, но твердая... Ночью, оставшись одна, она дала волю рыданіямъ. Выла, какъ раненая, какъ жертва, брошенная на дыбу, какъ мученица, изъ которой палачъ раскаленными щипцами рветъ живое тѣло... Сосѣдка невольно спрашивала ее:

— Ты вечеромъ молчала, чего жъ теперь убиваешься?

— Онъ, Ванюша, ушелъ съ легкимъ сердцемъ. Ему не такъ будетъ за меня страшно.

Да, есть не только доблесть солдата.

— Еще выше и благороднѣе доблесть женщины, провожающей на смерть сына, мужа, брата, жениха. И выше, и глубже, и святѣе! На боевыхъ поляхъ—смерть на міру, смерть въ общемъ порывѣ къ побѣдѣ, смерть плечо къ плечу съ товарищемъ, смерть неизбѣжная... Здѣсь—тоска и печаль въ одиночку, въ бѣдной, холодной комнатѣ, заслонившіеся отъ посторонняго взгляда, часто цѣломудренно и стыдливо бѣгущія отъ чужого участія, краснѣющія отъ помощи со стороны и сжимающіяся мучительно отъ сосѣдняго равнодушія.

Плачь, но и гордись, русская женщина!

Да святится твое великое горе, и да покроетъ его родина своимъ нѣжнымъ и сыновнимъ участіемъ. Ты потеряла одного ребенка,—пусть всѣ уцѣлѣвшіе, всѣ торжествующіе въ счастливую минуту побѣды будутъ твоими дѣтьми.

(Рус. Ст.).

2. Изъ разсказовъ раненыхъ.

Раненые офицеры разсказывали кор. „Рус. Инв.“ о забавныхъ солдатскихъ разговорахъ въ окопахъ.

Вернулся солдатъ, излѣчившійся отъ ранъ. Товарищи окружили его, разспрашивая о впечатлѣніяхъ. Разговаривали шопотомъ, ибо ожидалась ночная атака.

— Что жъ? въ лазаретѣ житье хорошее, хоть бы и завсегда тамъ жить: до шей хлѣба даютъ сколько хошь и опять же каша и воловина жареная, а до чаю — булка. Поѣшь, отдохнешь и опять ѣшь.

— И уходиъ сказываютъ хорошій?

— Да ужъ чего лучше? Милосердныя сестры такія ласковыя, всѣ какъ есть бѣлыя, чистыя, — надо быть, изъ господъ будутъ, — и, не

смотря на свои маленькія ручки, всякую дрянъ около тебя прибирають, даже гной вытирають ватюю... Ну и врачи тоже, а „салитары“, — всѣ тебя обхаживаютъ, и никто при этомъ не ругается, какъ „вопще“ въ больницахъ...

— И курить даютъ?

— Сколько хошь. Одну коробку выкуришь — другую поставляютъ; а табакъ, значить, господскій. Иной разъ такъ накуришься, что ажъ нудно станеть.

— И подарки даютъ?

— Нѣтъ, подарки только при выпискѣ, а то такъ, пустяковину приносятъ: цвѣты, а нѣтъ — апельсины... Съѣшь, бывало, а сестра спрашиваетъ: „Ну, что, вкусно, солдатикъ?“ — Ничего, говорю, а только кожара маленько горьковата; а она смѣется: — кожуря, говоритъ, не надо ѣсть“.

— Ну, а цвѣты зачѣмъ даютъ?..

— А мы почему знаемъ; мы не грамотны.

— Да, конечно, — замѣчаетъ одинъ изъ собесѣдниковъ, — намъ трудно это понять, потому — цвѣты денегъ стоятъ, ихъ зимою въ огородѣ не вырастишь... А „вопще“ — это баловство...

— А единова до насъ барыня какая-то зайшла, — продолжалъ рассказчикъ, — вся въ шелкахъ; а за нею вольный генералъ съ большущей корзиной...

— Какой генералъ?

— Вольный, значить, не военный, потому — на плечахъ погоновъ нѣту; одѣтъ въ куртку съ хвостомъ, а на грудяхъ, на спинѣ и даже пониже спины — все золото, золото...

— Вотъ дурафья! да вѣдь это лакей.

— Лакей? А изъ лица будетъ почище нашего земскаго. Я думалъ — по малой мѣрѣ губернаторъ.

— Отъ хорошихъ харчей, да еще при бѣлой работѣ, нашъ братъ не то, что на губернатора — на министра станеть походить...

— Такъ вотъ, — продолжалъ рассказчикъ, — эта самая барыня веѣмъ намъ по мѣшку шоколаду: — „кушайте, говоритъ, солдатики, на здоровье“. Я не догадался, да такъ, безъ хлѣба, весь мѣшокъ и слопалъ; а потомъ у меня въ брюхѣ какъ зашурчить, — такъ все назадъ и вынесло...

— Да, конечно, — замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, — мы люди необразованные, къ этому зелью непривычны.

Одинъ изъ бородатыхъ запасныхъ, молчавшій до сихъ поръ, тоже вставилъ свое слово:

— Конечно, шикладъ — не пицца. Ежели до хлѣба, то лукъ не въ примѣръ лучше.

— А одна добрая сестрица все насъ за руки журила, — что ногти не чищены, — возьметъ этта щеточку, мыльцомъ намажетъ, да и выковыриваетъ эту грязь; а то — ершикомъ ногти почистить, да лаку положить на нить, чтобы блестяли, какъ у господъ. — Зачѣмъ, говорю, сестрица, беспокоитесь? куда намъ съ бѣлыми руками? наша работа черная, не благородная.

— Ошибаешься, говоритъ, солдатикъ, благороднѣе вашего дѣла на свѣтѣ нѣту, потому — вы защитники отечества.

Въ это время послышался шорохъ въ кустахъ. Разговоръ оборвался.

— Это ень (яѣмецъ), — слышался шепоть фельдфебеля. — Надо смѣны будить.

Оглянувшіеся, люди разглядѣли въ темнотѣ ротнаго и младшаго офицера. Отдыхавшіе солдаты поспѣшно выбѣжали изъ землянокъ и заняли свои мѣста.

— „Мотри, молодцы, — шепталь фельдфебель: — перво-наперво стрѣлай безъ горячки, когда прикажуъ „пачками“; а когда выскочимъ „на штыки“, чтобы не было ни одного, который не можетъ обогнать своихъ товарищей“...

И у людей складывалась внутренняя рѣшимость выполнить эту физически невыполнимую задачу.

Черезъ минуту произошло бурное столкновение. Это было то знаменитое дѣло, въ которомъ наши двѣ роты опрокинули своимъ штыковымъ натискомъ большую передовую линію, которая, повернувъ назадъ, внесла панику въ свои резервы.

За это дѣло, между прочимъ, получилъ Георгія, по приговору роты, молодой солдатъ, котораго товарищи называли „мусорнымъ“ и считали трусомъ. Прежде бывало трунили надъ нимъ.

— Страшно тебѣ было, Петровъ?

— Конечно, страшно... Да вѣдь всѣ идутъ, — куда мнѣ дѣваться?

А теперь всѣ добивались узнать: откуда у него эта храбрость взялась.

— А вотъ духъ занялся, — отвѣчалъ Петровъ. — Мнѣ теперь хоть каждый день „на штыки“, потому — привыкъ, обошелся.

По этому поводу завязался между солдатами разговоръ.

— И..! Боже милостивый! когда русскій духъ займется — все на свѣтѣ можетъ сокрушить, примѣрно, какъ при Суворовѣ...

— Слышь, почтенный, — обратились солдаты къ плѣнному нѣмцу, — и куда тебѣ воевать супротивъ Россіи? Мы съ Миколаемъ Миколаевичемъ на Берлинъ пойдемъ; безпремѣнно возьмемъ твоего Вильгельма и отправимъ его въ самую что ни на есть Тобольскую губернію... Домикъ ему дадимъ, землицы прирѣжимъ.. Живи себѣ смирно да тихо подь началомъ господина исправника; а ежели что — въ участокъ, тамъ разберуть... Шуточное ли дѣло — на всемъ свѣтѣ поднялъ арміи и флоты...

Плѣнный германецъ сидѣлъ съ опущенной головой и вздыхалъ.

— Да ень, братцы, какой-то хворый, а може голодный... На вотъ хлѣбца поешь, подкрѣпись...

— Да ты не бойся, — жалостливо замѣтилъ другой солдатъ, — мы тебѣ ни языка, ни ушей вырѣзать не будемъ, потому — мы православные, значить, — „христиане“.

Плѣнный германецъ нервно схватилъ кусокъ черстваго хлѣба и сталъ жадно жевать его... Жалко было смотрѣть на этого представителя массоваго германскаго милитаризма.

(Под.)

3. На Черномъ морѣ.

[Описанный случай недавно произошелъ на одномъ изъ черноморскихъ миноносцевъ].

Ночь. Темно и холодно. Черное море сердитое. Осенью оно неласкаетъ мореплавателя. Хмурно, — то вздымаются высокія волны, поднимаясь сърой стѣной, то падаютъ, образуя черную бездну.

Какъ страшно упасть туда. Упаль—спасенія нѣтъ. Развѣ можно въ такую погоду спустить шлюпку? Ее опрокинетъ, какъ только она коснется воды.

Попадешь въ воду въ необъятномъ просторѣ моря, и кончено. Кончено не сразу. Предварительно поживешь съ сознаниемъ ужаса безвыходности... Какъ приговоренный къ смерти, но безъ всякой искры надежды на помилованіе.

А вода, вѣдь, холодная. Въ ней сердце долго не выдержать. А что раньше, разрывъ ли будетъ, или оконченъ и пойдешь ко дну, не имѣя силъ долго бороться? Если на поясъ, то, конечно,—разрывъ сердца, а вотъ безъ пояса — неизвѣстно. Теплая одежда не спасетъ. Холода не почувствуешь такъ скоро, но она тяжелая и движенія стѣсняетъ, мало времени въ ней продержишься.

Нѣтъ не хорошо попасть сейчасъ въ воду.

Чудомъ развѣ только и можно спастись. А чудеса бываютъ ли въ дѣйствительности?

Чудеса бываютъ.

Вотъ какому чуду обязанъ и по сейчасъ жизнью одинъ изъ моряковъ нашего Черноморскаго флота.

Въ темную, холодную и бурную ноябрьскую ночь шли съ остальнымъ флотомъ миноносцы.

Громадные волны безжалостно раскачивали изъ стороны въ сторону маленькое суденышко. Разбивавшія носомъ миноносца волны вздымались вверхъ кучей брызгъ и водяной пыли.

Рѣзкій вѣтеръ подхватывалъ ихъ и съ силой бросалъ на мостикъ и на тѣхъ смѣльчаковъ, которые, стоя тамъ наверху, боролись со стихіей.

Это было въ первый день непрерывнаго похода. За эти дни не то что часу, не было ни минутки покоя. Машины работали не переставая, днемъ и ночью. Наканунѣ утромъ, правда, надолго остановились, но это не былъ отдыхъ. Въ открытомъ морѣ, на волнѣ пополняли запасъ угля съ большихъ кораблей. Тутъ не до отдыха было. Море свѣжѣло и надо было торопиться принимать съ высокаго борта корабля заготовленные тамъ мѣшки съ углемъ.

Быстро, быстро сыпется съ веру эта черная пища, а миноносецъ раскачивается, и требуется на немъ полное напряженіе, чтобы не поломать чего-нибудь, уберегая въ то же время собственныя руки и ноги.

Это не былъ отдыхъ. Только общее бодрое настроеніе давало силу работѣ.

И офицеры и матросы перебрасываются словами со знакомыми на кораблѣ.

Вотъ, старшій машинный унтеръ-офицеръ, знатокъ своего дѣла, готовясь принять мѣшокъ съ углемъ, кричитъ на корабль своему знакомому:

— Ну что, „Гебена“ не слышать?

— Гдѣ ужъ тамъ, теперь, поди, за мечети прячется,—отвѣчаетъ кто-то увѣренно съ палубы корабля.

Погрузка кончена. Миноносецъ отошелъ. Помахали другъ другу фуражками. Еще минута-другая, люди кажутся маленькими букашками. Одинъ за другимъ миноносцы занимаютъ свои мѣста. Адмиралъ показлъ курсъ. Данъ ходъ всеѣмъ флотомъ и вновь, какъ часы, заработали машины.

Море же свѣжѣетъ сильнѣй и сильнѣй. Ночью веѣмъ холодно. Закутавшись на верхнемъ мостикѣ, бдительно слѣдятъ за курсомъ и мѣстомъ въ строю. Когда темно, вообще, трудно держаться на мѣстѣ, а въ такую погоду и подавно. Люди утомлены.

Командиру нельзя, какъ днемъ, прѣсѣсть въ стоящее тутъ же кресло. На немъ вся отвѣтственность и служебная и моральная. Онъ стоитъ рядомъ съ рулевымъ и зорко смотритъ въ темноту моря.

Вдругъ особенно сильный размахъ, и рулевого нѣтъ уже рядомъ съ нимъ. Отъ переутомленія, стоя на штурвалѣ, на одно мгновеніе не сумѣлъ удержаться покрѣпче,—и размахъ волны уже столкнулъ его съ мостика. Въ тулупѣ, въ валенкахъ мелкнулъ онъ возлѣ поручней и мимо нихъ скатился за бортъ.

— Человѣкъ за бортомъ!—команда-крикъ раздалось на палубѣ миноносца громче шума вѣтра и одновременно звонять сигналы въ машинѣ.

Поможетъ ли?

А у кормовой пушки видятъ какую-то черную массу, быстро идущую подъ самымъ бортомъ. Еще мигъ и нѣсколько сильныхъ рукъ хватаютъ эту массу. Съ опасеніемъ быть выброшенными за бортъ новымъ сильнымъ размахомъ тянуть они изъ воды тулупъ. Миноносецъ какъ бы помогъ имъ самъ, онъ какъ разъ накренился въ сторону утопающаго, когда того подносило къ кормѣ. Это дало возможность схватить. Миноносецъ кренился въ другую сторону, но спасеннаго крѣпко держать товарищи.

И вотъ, въ тулупѣ, въ валенкахъ онъ изъ бездны смерти вновь на палубѣ. И онъ, и веѣ молчатъ, и только тутъ начинаютъ сознавать, что случилось что-то особенное.

Случилось то, что можетъ никогда не повторится.

У спасеннаго чувство долга покрываетъ все.

„Какъ же вахта на руль? Вѣдь, я бросилъ ее“,—и какъ бы сконфуженный за свой промахъ, оставляя за собой струи воды, онъ идетъ молча на мостикъ.

А звонки уже звонять въ машинѣ,—новый рулевой уже стоитъ на рулѣ и миноносецъ торопится занять свое мѣсто, чтобы не потерять въ темнотѣ флотъ.

Когда спасенный чудомъ рулевой взошелъ на мостикъ, то командиръ отправилъ его переодѣться и, доставъ изъ кармана кошелекъ, далъ ему рубль со словами: „Если Богъ дастъ возвратиться намъ въ Севастополь, пойди въ церковь и поставь свѣчку. Ты съ того свѣта сюда вернулся“.

(Под.)

4. „Огонекъ“.

Фельдфебель докладываетъ:

— Ваше высокоблагородіе, Огонекъ явился.

Огонекъ это—молодой безусый солдатъ. Хорошій солдатъ, балагуръ и общій любимецъ. Фамилія его—Огневъ, а Огонекъ—прозвище. Огонекъ не явился на вечернюю провѣрку и съ тѣхъ поръ словно въ воду канулъ.

— Явился?—встрепенулся я.—Да гдѣ же онъ?

— Сейчасъ покличу.

Вотъ явился и самъ Огонекъ. Улыбается.

— Ты это гдѣ пропадалъ, Огонекъ?

Улыбка исчезаетъ съ фізіономіи Огонька, и онъ напускаетъ на себя оффиціальную серьезность:

— Разрѣшите доложить. Находился въ плѣну у австрійскихъ войскъ. Сегодня такъ что убѣжалъ отъ нихъ и самъ забралъ по дорогѣ двухъ австрійковъ. Такъ что они для порядку сданы господину фельдфебелю.

Отрапортовавъ, Огонекъ сталъ снова прежнимъ улыбающимся Огонькомъ, и я принялся его спрашивать объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его плѣненіе.

Оказывается, въ плѣнъ Огонекъ попался очень просто. Пошелъ въ дозоръ, а тутъ какъ разъ повалилъ густо снѣгъ. Огонекъ сбился съ дороги. Думая, что спускается къ своимъ, онъ, взявъ иной тропой, попалъ въ другую долину и носъ къ носу натолкнулся чуть ли не на полроты австрійцевъ, которые разгребали снѣгъ передъ какимъ-то домомъ.

Огонекъ попроваль было дать тягу, но его замѣтили, накинудись на него гурьбой, въ одно мгновеніе обезоружили, и вотъ Огонекъ очутился въ плѣну.

Его сейчасъ же ввели въ домъ, передъ которымъ схватили. Здѣсь, какъ оказалось, помѣщался полковой штабъ.

На какомъ же языкѣ разговаривали съ тобою австрійцы?

— На нашемъ, русскомъ языкѣ. И офицеръ ихній, что выпелъ ко мнѣ, такой привѣтливый, ровно жалѣетъ меня.

— Ну, что, — говорить, — братецъ, въ плѣнъ попался?

— Такъ точно, говорю, попалъ. Ничего не подѣлаешь.

— У васъ по-русски говорится: какъ въ гостяхъ ни хорошо, а дома все же лучше, хочется мнѣ тебя какъ-нибудь къ своимъ отпустить.

Я думаю про себя:

„Ну, кажется, Богъ послалъ добраго человѣка. Авось, и вызволить изъ бѣды“.

А офицеръ продолжаетъ:

— Да такъ-то такъ... Ну, я освобожу тебя, — иди, куда хочешь. Это, конечно, не по правиламъ выходить и мнѣ, навѣрное, влетитъ. Но и ты мнѣ послужи. Ты карту знаешь?

Я, дѣйствительно, карту знаю, могу разобраться. Много разъ приходилось на развѣдкѣ имѣть дѣло съ картою. И мнѣ очень желательно было опредѣлить, куда именно я попалъ. Прямо-же спросить объ этомъ было неудобно.

Отвѣчаю:

— Такъ точно. Маракую по картѣ.

Приказалъ офицеръ подать себѣ чаю и мнѣ подаль стаканъ, вынулъ карту. Но только всѣ названія на ней перепечатаны на нѣмецкомъ языкѣ.

Я и говорю:

— Прошу разъясненія нѣмецкаго языка. Ну, къ примѣру, гдѣ тутъ показано мѣсто, въ которомъ я сейчасъ нахожусь.

— Да, вотъ говорить. А это то-то. А это — такое мѣсто.

У меня, значить, все словно на ладони и обозначилось. Наши-то, вижу, вонъ гдѣ и идти мнѣ къ нимъ, вижу, нужно такъ-то.

Офицеръ допрашиваетъ:

— Ну, покажи теперь, гдѣ стоитъ штабъ твоего полка?.. Бригады?.. Дивизіи?..

Я сразу сообразилъ, какъ мнѣ повести себя съ нимъ.

Отвѣчаю ему:

Мы только третій день здѣсь переброшены съ прусскаго фронта. Пока путаница такая, что не приведи Господи. Я только и знаю, что про штабъ своего полка.

Все это я, конечно, нагалялъ, такъ какъ мы все время бьемъ здѣсь австрійковъ. Ну, указалъ, гдѣ нашъ штабъ полка,—тоже облыжно.

Еще онъ мнѣ много вопросовъ задавалъ. Я отвѣтъ держалъ, вралъ немилосердно, но ловко. Офицеръ всѣ мои отвѣты записалъ.

Говорить:

— Теперь посиди подъ карауломъ, а я похлопочу за тебя.

Заперли меня въ каморку, тѣсную, безъ оконъ, вся въ щеляхъ. А у двери—часовой.

Думаю я:

„Безпремѣнно бѣжать надо сегодня же. Завтра, можетъ быть, отправятъ нивѣтъ куда“.

Ходилъ я, ходилъ по своей клѣтшкѣ, измышляя, какъ бы половчѣе убѣжать.

Совеѣмъ уже стемнѣло. Тогда я рѣшилъ—была ни была! Стучу:

— Позвольте выйти—оправиться.

Вывелъ меня часовой на улицу. Здѣсь темно и изъ солдатъ никого не видно—ужинали всѣ.

Сказалъ самому себѣ.

— Пора!

Обернулся быстро, схватилъ своего часового за горло, повалилъ на снѣгъ, сдвинулъ пальцы, что есть мочи. Австрійкъ не пикнулъ даже. Взялъ я его ружье, ударилъ два раза прикладомъ, чтобы не скоро очухался. Перекрестился, взялъ къ ружью подсумокъ съ патронами; и—айда.

Бѣгу я.

Прошелъ я съ часъ времени благополучно, а снѣгъ такъ и валить, только вижу, впереди что-то маячить—приближается.

Взялъ я винтовку на изготовку и скорымъ шагомъ навстрѣчу.

Ясно вижу—австрійки.

Бѣгу къ нимъ и кричу во всю глотку!

— Ур-а-ра-а! Русь! Русь!..

Тѣ такъ опѣшили, что, навѣрное, подумали; кругомъ русскіе. Оружіе побросали, руки верхъ подняли.

Я подбѣжалъ къ нимъ, тычу рукою впередъ: моль туда идите.

— Ну, вотъ и все,—неожиданно закончилъ Огонекъ.

...Огневъ представленъ къ награждѣ, такъ какъ штабъ австрійскаго полка, благодаря указаніямъ Огнева, былъ нами взятъ въ плѣнъ на другой же день.

(X. Г. В.)

5. Приключенія сибиряка.

Кор. „Рус. Вѣд.“ рассказываетъ:

Въ день Нового года, послѣ обѣдни и молебна въ русской церкви въ Гаагѣ, роттердамскій генеральный консулъ г. Петерсонъ собщилъ:

— Представьте наше изумленіе,—когда къ намъ въ Роттердамъ, въ консульство, является русскій солдатъ въ полномъ военномъ облаченіи и въ довершеніе всего въ мохнатой сибирской папахѣ!

Вотъ попросите его разсказать, какъ онъ бѣжалъ и добрался сюда. Ефрейторъ Максимовъ разсказалъ свои приключенія.

— Война скоро кончится,—заявилъ онъ рѣшительно, потому что у нѣмца ни солдатъ, ни хлѣба скоро не будетъ, и военнопленныхъ они кормили такъ: выдавали по фунту хлѣба на человѣка, по 4 или 9-ти мѣшковъ картофеля на баракъ въ 350 человѣкъ. Раза два—три въ недѣлю отпускалось мясо,—фунтовъ по 20—30-ти на баракъ. Одно время вмѣсто мяса давали селедку или сушеную рыбу.

Хлѣбъ давали черный и наполовину тоже изъ картошки. Карaulьные разсказываютъ, что другого хлѣба въ Германіи теперь ни у кого нѣтъ. Даже Вильгельмъ ѣстъ хлѣбъ, приготовленный съ картошкой.

— Всего въ лагерѣ было плѣнныхъ до 30,000,—говорилъ онъ.— Изъ нихъ большинство—французы, затѣмъ англичане, индѣйцы и наши. Охраняли насъ запасные солдаты, старики отъ 50-ти и до 60-ти лѣтъ.

— Приходитъ разъ къ намъ въ баракъ какой-то господинъ въ штатскомъ. Узналъ, что мы—сибиряки. Вступилъ въ разспросы о томъ, когда была произведена мобилизація въ Приамурскомъ краѣ, какъ прошла, какія очереди были призваны и т. д. Про себя сказалъ, что долго проживалъ въ Россіи, имѣлъ въ Петроградѣ складъ автомобилей, который былъ правительствомъ конфискованъ.

— Нашъ лагерь окруженъ кругомъ колючей проволокой. А за проволокой—ровъ. Внутри идетъ кругомъ стѣна метра въ два—три. Сперва я думалъ было продѣлать подкопъ. Это было нелегко.

Я попросился въ больницу, сославшись на болѣзнь. Изъ больницы на другой же день бѣжалъ. Шелъ всю ночь, а подъ утро сталъ искать, куда спрятаться. Думалъ найти стогъ сѣна или соломы. Но ничего такого не было. Тогда я зашелъ въ кирпичный заводъ. Тамъ очутился какой-то пустой ящикъ. Я залѣзъ въ него и просидѣлъ цѣлый день.

Къ наступленію второго дня спрятался въ полѣ, между двухъ выкорчеванныхъ пней. А когда стемнѣло, пошелъ дальше.

Какъ идти, Максимовъ изучилъ раньше, въ лазаретѣ, по картѣ, которую ему удалось тихонько достать. И вотъ, руководясь этой картой и звѣздами, онъ къ утру третьяго дня добрался до Голландіи. Увидя рабочихъ, чинившихъ мельницу, и подойдя къ нимъ, онъ произнесъ два слова: „Русланъ, консулъ“. Это должно было означать, что ему нужно русское консульство.

Рабочіе ничего не поняли. Тогда бѣглець сталъ объясняться жестами и, ударяя себя въ грудь, много разъ повторилъ: „солдатъ, руссь“.

Въ концѣ-концовъ рабочіе направили его въ ближайшій городокъ Вель. Тутъ онъ попытался сперва объяснитьсь съ уличнымъ метельщикомъ. Опять были пущены въ оборотъ слова: русланъ, консулъ, солдатъ, руссь. Метельщикъ понялъ не больше, чѣмъ люди, починявшіе мельницу. Но въ дѣло здѣсь вмѣшался какой-то сторожъ, заинтересовавшійся человѣкомъ въ папахѣ. Сторожъ послѣ нѣкоторыхъ мимическихъ движеній Максимова, сопровождаемыхъ непонятными словами, понялъ, что передъ нимъ голодный и иззябшій иностранецъ, накормилъ, обогрѣлъ, а затѣмъ отправилъ въ участокъ.

Вѣсть о прибытіи въ городокъ какого-то страннаго человѣка разнеслась и къ участку потянулись любопытные. Съ Максимовымъ вступили въ бесѣду, ему дали денегъ, какая-то сердобольная женщина дала ему сухое платье, накормила его. Утромъ на слѣдующій день Максимовъ катилъ уже въ вагонѣ желѣзной дороги въ сопровожденіи двухъ аген-

товъ полиціи въ Роттердамъ, въ русское консульство. А еще на другой день его привезли въ русскую церковь въ Гаагѣ: встрѣчать Новый годъ.

Максимовъ изъ Хабаровска. Тамъ у него жена и двое дѣтей.

В. Е. В.

6. Солдаты.

... „Нѣмцы прислали нашимъ фунта три хорошей ветчины и нѣсколько плитокъ шоколада, а русскіе послали три осемьшки махорки—драгоценнѣйшаго лакомства на позиціяхъ. Въ тотъ же день, къ вечеру, едва утихла артиллерійская стрѣльба, какъ нѣмцы, уже не стѣсняясь, высунулись изъ своего окопа и, размахивая руками, принялись кричать:

— Цуккеръ! Цуккеръ!

— Ага, сахару просятъ!—догадались наши.

Солдаты тотчасъ собрали куска по три съ каждаго солдата и послали нѣмцамъ“...

Такъ описываютъ жизнь на одной изъ позицій.

Но „дружбѣ“ наступилъ конецъ, когда было отдано у нѣмцевъ распоряженіе, запрещающее всякіе разговоры съ русскими.

Въ одно прекрасное утро, въ отвѣтъ на обычное привѣтствіе „съ добрымъ утромъ“, изъ нѣмецкаго окопа раздались выстрѣлы.

— Эй, Михелька, ты што, с... с..., стрѣляешь? Аль уговоръ забылъ?

Въ маленькомъ эпизодѣ сказалось все добродушіе русскаго солдата, русскаго человѣка...

Человѣкъ съ душой открытой и широкой...

— Перевязывали раненыхъ,—разсказывалъ недавно М. А. Стаховичъ.

— Ваше благородіе,—обращается къ доктору солдатъ,—ужъ вы, пожалуйста, перевяжите поскорѣе моего товарища.

— А кто твой товарищъ?

— Да нѣмецъ, взятый въ плѣнъ... Енъ меня, а я его ранилъ... Только я-то легко, а енъ посурезнѣй...

Видите, какъ тамъ, передъ лицомъ смерти, относятся къ врагамъ? Русскіе солдаты...

Какъ много въ этомъ человѣческаго, христіанскаго...

И русскаго...

(Кіевъ).

И. об. редактора, прот. А. Смирновъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

Общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія
ВЪ ДУХЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

ПЕТРОГРАДЪ. Стремянная улица, № 20. Телефонъ 94—89.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

Свящ. А. ТЫШКО.

О Самодержавной Царской Власти и ея Божественномъ Установленіи.

(Посвящается Русскому Христіолобивому воинству и православному русскому народу).

Цѣна 80 коп.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ:

1. Основаніе и развитіе Русскаго государства.
2. Сотвореніе человѣка и его назначеніе во вселенной.
3. Грѣхопаденіе человѣка и измѣненіе условій его земной жизни.—
Вземірный потопъ.
4. Жизнь людская послѣ потопа.—Богоизбранный народъ Еврейскій.
5. Устройство общественной жизни народа Еврейскаго.—Патріархальный образъ правленія.—Времена судей израильскихъ.
6. Основаніе царства израильскаго.—Избраніе на царство Саула и послѣдующее затѣмъ отверженіе его Богомъ.—Избраніе Давида.—
Смерть Саула.
7. Вступленіе на царство Давида.—Послѣдующая историческая судьба и конецъ царства Іудейскаго.
8. Христіанство.
9. Общій краткій сводъ произведеннаго изслѣдованія, съ нѣкоторыми дополненіями и поясненіями.
10. О недопустимости въ Русскомъ православномъ государствѣ иного образа правленія, кромѣ „САМОДЕРЖАВНАГО МОНАРХИЧЕСКАГО“.
11. О самодержавной царской власти на землѣ, съ точки зрѣнія чело-
вѣческаго разума и здраваго смысла.
12. Заключение.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ 4-Е ИЗДАНИЕ КНИГИ:

Какъ надо говѣть и исповѣдаться предъ духовникомъ
(Братскій совѣтъ православному христіанину)

И

МОЛИТВЫ ПРѢДЪ ИСПОВѢДЬЮ.

Цѣна 6 коп., 100 экз.—5 р.

Книги высылаются по требованіямъ съ наложеннымъ платежомъ, по полученіи предварительнаго задатка въ размѣрѣ $\frac{1}{4}$ всего заказа. Пересылка за счетъ покупателя. Полный каталогъ склада высылается безплатно.

И. А. ЖЕВЕРЖЕЕВЪ.

ПЕТРОГРАДЪ, Гостиный Дворъ, Перинная линия, №№ 5 и 6.

**ИЗГОТОВЛЕННЫ
ВЪ БОЛЬШОМЪ КОЛИЧЕСТВѢ,**

по предложенію Духовнаго Правленія при
Протопресвитерѣ Военнаго и Морского
Духовенства,

на случай экстренной надобности,
и немедленно высылаются

ВОЕННО-ПОХОДНЫЯ ЦЕРКВИ,

для военныхъ частей, отправляющихся въ походъ,

съ полнымъ комплектомъ церковно-богослужебныхъ предметовъ по
табели, утвержденной Военнымъ Совѣтомъ 26 Іюля 1912 г.

Адресъ для телеграммъ: ПЕТРОГРАДЪ-ЖЕВЕРЖЕЕВУ.